

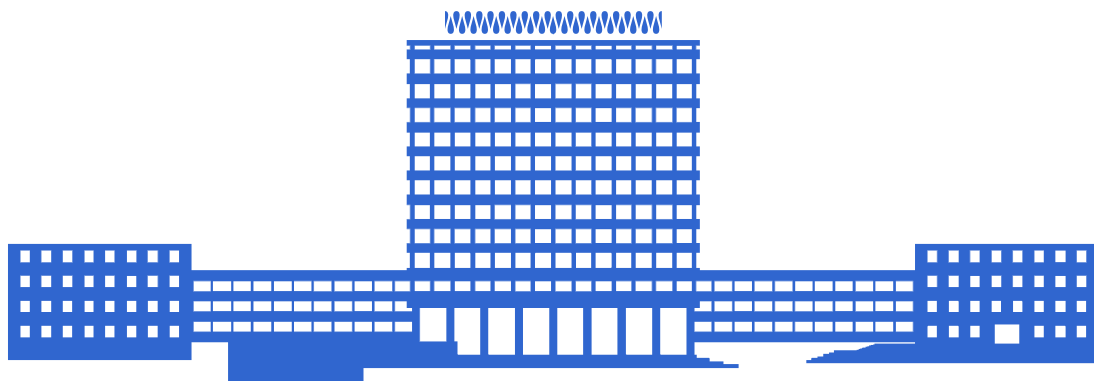
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 21 Выпуск 2 (68) 2025

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонГУ, 2025. – Т. 21. – Вып. 2 (68). – 176 с.

*Печатается по решению Учёного совета
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Донецкий государственный университет»
Протокол № 2 от 28 февраля 2025 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук.

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +7 (856) 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 21 Выпуск 2 (68) 2025

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (главный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. главного редактора);
к. филол. наук, доц. Е. С. Сысоева (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. А. В. Алфёров; д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров;
д. филол. наук, доц. Э. С. Ветрова; д. филол. наук, проф. Н. А. Ганина;
д. филол. наук, доц. А. Г. Голодов; д. филол. наук, проф. В. И. Карасик;
д. филол. наук, проф. С. М. Кравцов; д. филол. наук, доц. С. Е. Кремзикова;
д. филол. наук, проф. А. Э. Левицкий; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, доц. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, доц. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонГУ 2025

**FEDERAL STATE EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION «DONETSK STATE UNIVERSITY»
FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 21 Issue 2 (68) 2025

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. Ye. S. Sysoieva (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. A. V. Alferov; Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov;

Doctor of Philology, Associate Prof. E. S. Vetrova; Doctor of Philology, Prof. N. A. Ganina;

Doctor of Philology, Associate Prof. A. G. Golodov; Doctor of Philology,

Prof. V. I. Karasik; Doctor of Philology, Prof. S. M. Kravtsov; Doctor of Philology,

Associate Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. E. Levitskiy;

Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets; Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev;

Doctor of Philology, Associate Prof. T. N. Nikulshina; Doctor of Philology,

Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov; Doctor of Philology,

Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Associate Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonSU 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 21, Вып. 2 (68), 2025

Германские языки

<i>Бессонова О. Л., Любивая Е. С.</i> Реалии в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men».....	5
<i>Карпенкова Е. В.</i> Категория оценки в англоязычных аналитических статьях, посвященных военным конфликтам.....	17
<i>Комарова А. И.</i> Научный стиль и термины Ломоносова в географии.....	29
<i>Кузьмина М. Ю.</i> Отчаяние как эмоциональная доминанта в рассказе Д. Г. Лоуренса «The Blind Man».....	41
<i>Николаев С. Г., Бережанская Л. Н.</i> Англоязычный феминно-ориентированный подкаст в триаде «дискурс – текст – жанр»: классификационная характеристика коммуникативного события.....	50
<i>Sysoieva Ye. S.</i> Evaluative Anthroponyms as Elements of English Onomastic Worldview....	67
<i>Фатьянова И. В.</i> Вербальная реализация концепта POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов США).....	79

Романские языки

<i>Кремзикова С. Е.</i> Динамика лингвокреативных процессов в дискурсах старофранцузского периода (на материале церемониальных деятельностных ситуаций)...	95
--	----

Теория языка

<i>Михайлин И. А.</i> Имена собственные как маркеры жанра «шутер» в компьютерной игре «Atomic Heart».....	115
---	-----

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Калиущенко В. Д., Милохин Е. И.</i> Семантика каузативных глаголов лексико-семантической группы «очарование» в немецком и английском языках.....	126
<i>Ма Цзиньюй.</i> Китайская и русская ценностная картина мира через призму оценочных прилагательных-цветообозначений.....	139
<i>Ус Ю. Н., Заякина В. В.</i> Оценочная семантика фразеологических и паремиологических единиц с компонентом «деревья» в немецком, английском и русском языках.....	148

Перевод

<i>Аленикова О. А., Лебеденко Г. А.</i> Особенности перевода гендерно-маркированной лексики (на материале русско-немецкого параллельного корпуса).....	160
--	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 21, Issue 2 (68), 2025

Studies in Germanic Languages

<i>Bessonova O. L., Liubivaia E. S.</i> Realia in the Novel All the King's Men by R. P. Warren...	5
<i>Karpenkova E. V.</i> Evaluation in English Analytical Mediatexts about Military Conflicts.....	17
<i>Komarova A. I.</i> Scientific Style and Terms of Lomonosov in Geography.....	29
<i>Kuzmina M. Yu.</i> Despair as an Emotional Dominant in the Short Story «The Blind Man» by D. H. Lawrence.....	41
<i>Nikolaev S. G., Berezanskaya L. N.</i> An English-Language Feminine Oriented Podcast within the Discourse – Text – Genre Triad: a Classificatory Characterization of the Communicative Event.....	50
<i>Sysoieva Ye. S.</i> Evaluative Anthroponyms as Elements of English Onomastic Worldview...	67
<i>Fatianova I. V.</i> Verbalization of the Concept Politics in American Political Discourse of the XX th – Early XXI st Centuries (Based on Public Speeches of the US Presidents).....	79

Studies in Romance Languages

<i>Kremzikova S. E.</i> Dynamics of Linguocreative Processes in Discourses of the Old French Period (Based on the Material of Ceremonial Activity Situations).....	95
--	----

Theory of Language

<i>Mikhailin I. A.</i> Proper Names as Markers of the Genre «Shooter» in the Computer Game Atomic Heart.....	115
--	-----

Typological and Contrastive Studies

<i>Kaliušchenko V. D., Milokhin E. I.</i> Semantics of the Causative Verbs Belonging to the Lexico-Semantic Group «Charm» in German and English.....	126
<i>Ma Jingyu.</i> Chinese and Russian Value Worldviews Through the Lens of Evaluative Adjectives Denoting Colors.....	139
<i>Us Yu. N., Zaiakina V. V.</i> Evaluative Semantics of Phraseological and Paremiological Units with the Component «Trees» in German, English and Russian.....	148

Translation

<i>Alenikova O. A., Lebedenko G. A.</i> Specific of Translation of Gender-Marked Vocabulary (Based on the Russian-German Parallel Corpus).....	160
--	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.111'42:821.111-311.6(73)

© 2025 О. Л. Бессонова, Е. С. Любивая

РЕАЛИИ В РОМАНЕ Р. П. УОРРЕНА «ALL THE KING'S MEN»*

Настоящая статья посвящена анализу семантических и лингвокультурологических характеристик реалий, а также особенностям их функционирования в романе американского писателя Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men». Комплексное исследование реалий позволяет выделить группы реалий согласно тематической и национальной принадлежности, проанализировать оценочное значение реалий и определить их функции в контексте художественного произведения.

Ключевые слова: *реалия, художественный текст, оценка, национальная маркированность, функция.*

© 2025 O. L. Bessonova, E. S. Liubivaia

REALIA IN THE NOVEL ALL THE KING'S MEN BY R. P. WARREN

The paper deals with the analysis of the semantic and linguocultural characteristics of realia and peculiarities of their functioning in the novel All the King's Men by the American writer Robert Penn Warren. The complex study of realia enables us to identify the groups of realia according to the thematic and national belonging, to analyse their evaluative connotation and determine their functions in the context of the fiction work.

Key words: *realia, fiction text, evaluation, national belonging, function.*

1. Введение. Статья посвящена анализу семантических и лингвокультурологических характеристик реалий, а также особенностям их функционирования в романе американского писателя XX века Роберта Пенна Уоррена «All the King's Men». События романа разворачиваются с 1922 г. по 1939 г. и происходят в один из самых драматических для Соединённых Штатов Америки периодов – Великую депрессию (1929-1933). В центре внимания – восхождение на политический олимп и резкое падение с него Вилли Старка, губернатора одного из южных штатов. Писатель, кропотливо исследуя тему личности во власти, точно и детально описывает жизнь своих современников, передавая атмосферу американской деятельности и показывая глубокие знания истории своей страны. Одним из инструментов, благодаря которому достигается данный эффект, являются реалии, важный культурноносный пласт лексического состава языка. Они создают национальный и исторический колорит и становятся ключом к пониманию культурной и социальной жизни народа.

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

Как показывает анализ литературы по проблеме исследования, не существует единого подхода к определению термина «реалия». По мнению О. С. Лилюковича, отсутствие одного стандартного пути в интерпретации рассматриваемого термина усложняет его использование в научных исследованиях [Лилюкович, 2015: 101]. Однако во многих работах исследователи предпочитают следовать определению Г. Д. Томашина, согласно которому реалии – это «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имён национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. д.» [Томашин, 1988: 5]. Исходя из этого определения, понятие «реалия» включает в себя не только материальные предметы, но и нематериальные, абстрактные явления [Кабакова, 2024: 189].

Реалии, являясь «словами с культурным подтекстом, несущими в себе фоновую информацию», становятся основными единицами любого дискурса, в том числе и художественного [Башмакова, 2024: 23]. В таком случае реалии «отражают фоновые знания автора, значимые для понимания вложенного им в текст смысла и связанные с культурой, которую он стремится отразить в своей работе, придавая национально-культурную окраску повествованию» [Куракина, 2023: 42].

Актуальность данной исследовательской работы обусловлена лингвокультурологической ценностью реалии как части вертикального контекста художественного произведения и культураносного языкового элемента, который влияет на повышение культурной грамотности изучающих английский язык.

Объектом данного исследования являются различные типы реалий в романе американского писателя Р. П. Уоррена «All the King's Men». **Предмет** исследования – семантические, лингвокультурологические и функциональные особенности реалий в анализируемом романе. **Цель** исследования заключается в установлении и описании семантических характеристик реалий, их лингвокультурологической значимости и функциональных особенностей в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men».

2. Основные результаты исследования

2.1. Тематическая классификация реалий. Эмпирический материал исследования составили 256 реалий, отобранных из романа Р. П. Уоррена «All the King's Men». На основе классификаций Г. Д. Томашина [Томашин, 1988], С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980] были определены 6 тематических групп реалий, функционирующих в анализируемом художественном произведении (см. табл. 1).

Таблица 1. Тематическая классификация реалий
в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men»

Группа	Кол-во	%	Примеры
Этнографические	70	27	<i>gondolas, roadster, rye whisky, cribhouse, fandango</i>
Географические	67	26	<i>Oregon, Tiber, Chickamauga, tidelands</i>
Исторические	44	17	<i>the Civil War, Daniel Boone, Marie Antoinette</i>
Реалии системы образования, религии и культуры	29	12	<i>Campbellite, Princeton, Phi Beta Kappa key, Vanity Fair, Piranesi</i>
Общественно-политические реалии	27	11	<i>Governor, Whig, primary, bowie, affidavit</i>
Мифологические и литературные реалии	19	7	<i>Leprechaun, Gulliver, Rip Van Winkle, Arabian Nights</i>
Всего:	256	100	

В романе многочисленными примерами представлена группа этнографических реалий (27 %), которая, в свою очередь, подразделяется на несколько подгрупп. Так, выделяется тематическая подгруппа реалий, связанных с транспортом и дорогами. К примеру, в тексте присутствует американская реалья *roadster* ‘двухместные или трёхместные автомобили без крыши’. Подобная модель машины была крайне популярна в 20-е и 30-е годы XX ст. в США.

Подгруппа спортивных реалий также присутствует в романе, поскольку, во-первых, спорт – важная часть жизни американцев, а во-вторых, сын Вилли Старка, Том, профессионально играет в американский футбол. Таким образом, в тексте встречается американская реалья *cheerleader*, обозначающая людей, призывающих болеть за определённую команду на спортивных мероприятиях, скандируя девизы и танцуя.

Бытовые реалии в романе могут обозначать пищу и напитки, одежду, жилище и мебель, бытовые заведения, музыку, танцы, игры и игрушки, праздники, единицы измерения и валюту, этнические объекты. Так, к примеру, в тексте рассматриваемого художественного произведения обнаруживается реалья *Maryland rye* ‘особый вид ржаного виски, производимого в Мэриленде, США’.

Важным элементом повествования в романе «All the King's Men» является группа географических реалий (26%). В рассматриваемом художественном произведении прослеживается функционирование хронотопа дороги. Вначале читателям показывают, как Вилли Старк ездит по городам штата во время предвыборной компании; затем Джек Бёрден идёт по следу в поисках компромата на судью Ирвинга; в конце концов, Касс Мастерн, дальний родственник Бёрдена, также путешествует, пытаясь искупить предательство друга. Более того, в романе «All the King's Men» географические реалии

порою могут выступать не в прямом значении. Рассмотрим следующее предложение: «*The dream took him into Tennessee again – Chickamauga, Knoxville, Chattanooga, and the nameless skirmishes, and the bullet for which he waited did not find him*» [Уоррен, 1953]. В отрывке упоминаются река Чикамога в США и города Ноксвилл и Чаттануга в штате Теннесси. В данном контексте эти названия подразумевают не столько объекты на карте, сколько сражения, которые произошли в этих местах. Поэтому подобные реалии помогают автору дать имплицитную характеристику места и времени действия в романе.

Следующая группа реалий, которую можно выделить в произведении, – это исторические реалии (17%). Из-за того, что повествование ведётся от лица Джека Бёрдена, который изучал историю в университете, часто можно заметить в его мыслях и речи использование исторических реалий. К примеру: «*He was a hook nosed, sour faced, gaunt individual who reminded me vaguely of Andrew Jackson or a back country evangelist despite the white turban on his head made out of sterile towels*» [Уоррен, 1953]. В этом случае речь идёт о седьмом президенте США, одном из основателей Демократической партии, Эндрю Джексоне.

Реалии сферы образования, религии и культуры (12 %) также выполняют важную функцию в романе. В первую очередь, это реалии, связанные с религиями, их последователями и местами поклонений (*St. Luke's Episcopal Church*), системой образования (*S.A.T.C.*), средствами массовой информацией («*Harper's Bazaar*»), медицинскими учреждениями (*the Massachusetts General*), искусством (*the Maxfield Parrish picture*) и наукой (*Einstein*).

В связи с тем, что главные герои романа являются частью политической системы США, можно выделить группу общественно-политических реалий (11%), которая состоит из языковых единиц, обозначающих органы власти и их носителей (*Republican Congressmen*), административно-территориальное устройство (*County*), элементы общественно-политической жизни (*primary*) и военные реалии (*A.38 automatic*).

Последняя группа реалий связана с мифологией и литературой (7%). В неё включены имена литературных и мифологических персонажей (*Peter Rabbit*), названия литературных трудов (*the Arabian Nights*) и имена писателей/поэтов (*Dickens*).

2.2. Классификация реалий по их национальной принадлежности. Согласно классификации С. Влахова и С. Флорина [Влахов, Флорин, 1980], основывающейся на национальной принадлежности, можно выделить следующие типы реалий: микрореалии, локальные реалии, национальные, региональные и интернациональные реалии. В романе «All the King's Men» автором используются три типа реалий – национальные, региональные и интернациональные (см. табл. 2.).

Таблица 2. Типы культурной маркированности реалий
в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men»

	Тип	Кол-во	%	Примеры
Национальные	США	172	79	<i>Cribhouse, White House, primary</i>
	Великобритания	17		<i>Gulliver, Dickens</i>
	Италия	6		<i>Piranesi, gondolas</i>
	Франция	4		<i>Pompadour, Foch</i>
	Германия	2		<i>Einstein, Ludendorff</i>
	Ирландия	1		<i>leprechaun</i>
	Испания	1		<i>fandango</i>
	Канада	1		<i>igloo</i>
Интернациональные		27	10	<i>Sam Browne belts, bourbon</i>
Региональные	Страны англосаксонской сферы	11	11	<i>County Treasurer, tenpenny, Attorney General</i>
	Великобритания + США	5		<i>Svengali, General Oglethorpe</i>
	США + Канада	3		<i>Niagara Falls, five-and-ten-cent store trade</i>
	Северная Америка + Южная Америка	2		<i>Octoroon, huaraches, Thanksgiving</i>
	Страны Востока + Северная Африка + Индия	2		<i>turban, scimitar</i>
	США + Австралия	2		<i>octoroon, roadhouse</i>
Всего:		256	100	

Национальные реалии занимают доминирующую позицию (79%) среди анализируемых языковых единиц. В данной группе наблюдается большое количество американских реалий, что обусловлено местом, где происходят события в романе, – Соединённые Штаты Америки. Таким образом, читатель встречается реалию *needle bear*, обозначающую слабоалкогольное пиво с примесью специй. Она является отражением американской культуры, поскольку именно такое пиво было распространено среди населения во время «Сухого закона» в США (1920-1933).

Были также обнаружены английские, итальянские, французские, немецкие, ирландские, канадские и испанские реалии, но в тексте романа они представлены единичными примерами, которые скорее показывают широкий кругозор Джека Бёрдена, от лица которого ведётся повествование, чем являются характерной чертой романа в целом.

В романе «All the King's Men» представлены несколько подгрупп региональных реалий (11%). Проанализировав их, можно сделать вывод, что распространение подобных реалий на территории нескольких стран обусловлено исторически. Это подтверждает выделяемая подгруппа реалий стран англосаксонской сферы. В XIX ст. Британская империя имела множество колоний, доминионов и протекторатов. По этой причине

многие реалии, связанные с административным и политическим устройством, стали использоваться в подконтрольных ей странах. К примеру, реалия *Attorney General* впервые была зафиксирована в период Нормандского завоевания Англии. С ростом политического влияния Великобритании данная реалия, обозначающая главного юридического советника правительства государства или штата, стала использоваться в США, Австралии, Канаде, Бангладеше, Гонконге и в других странах, ранее существовавших под протекторатом Британской империи.

В романе «All the King's Men» присутствуют реалии, которые относятся к группе интернациональных реалий (10%), твёрдо вошедших в лексический состав многих языков. В качестве примера можно привести реалию *coke*, обозначающую безалкогольный газированный напиток тёмно-коричневого цвета производства компании «The Coca-Cola Company». Данный напиток получил признание почти во всех странах мира. Более того, так стали называть даже аналогичные по консистенции напитки, но выпускаемые другими компаниями. Тем не менее, указанный продукт обладает прочными ассоциациями с США.

2.3. Оценочный компонент значения реалий. Особый статус реалий обусловлен тем, что они являются частью, прежде всего, внеязыковой действительности. Объекты и явления, обозначаемые реалиями, могут вызывать общепринятые культурные ассоциации, которые влияют на восприятие конкретной реалии. Реалия обладает не только денотативным, но и коннотативным значением и, следовательно, может содержать оценку [Томахин, 1988: 14]. Более того, А. Мамдалиев указывает, что реалии способны вызывать эмоции и ассоциации в художественном тексте, которые связаны с определённым культурным опытом, тем самым способствуя более глубокой эмоциональной связи читателя с текстом [Mamadaliev, 2023: 22]. П. Ю. Красильникова указывает, что оценка основывается на опыте, определённом состоянии сознания и общечеловеческих стандартах бытия и именно эти три аспекта «мотивируют субъект приписать ценность определённому предмету путём выражения оценки» [Красильникова, 2017: 28].

Представляется важным корректно определить особенности оценочного значения реалии в художественном тексте, поскольку оценочное суждение о качествах предмета или явления, обозначаемых реалией, выражает «его ценность с точки зрения взглядов и чувств субъекта, которые основываются на универсальных и национально-специфических ценностях индивида и всего лингвокультурного сообщества» (подробнее о декодировании оценочной семантики см. [Бессонова, Ососкова, 2024: 83]). В романе Р. П. Уоррена «All the King's Men» аксиологическое пространство реалии, в основном, положительное (65%).

Рассмотрим пример реалии с позитивной коннотацией. При первом появлении Хью

Миллера, одного из соратников Вилли Старка, автор даёт ему следующее описание: «*And then in the doorway stood the tall, lean, somewhat stooped man, with swarthy face and unkempt dark hair and sad eyes under black brows, and with a Phi Beta Kappa key slung across his untidy blue serge*» [Уоррен, 1953]. Ключ общества Phi Beta Кappa – это отличительный знак старейшего академического общества США, чьи члены должны иметь отличные показатели в учёбе и проявлять высокие моральные качества. Следовательно, читатель, знакомый с данной реалией, подсознательно добавляет положительные черты в формирование образа этого персонажа, даже несмотря на его неопрятный внешний вид («*his untidy blue serge*»). И эти положительные черты подтверждаются, когда почти каждый раз при упоминании Хью Миллера, Джек Бёрден добавляет: «*Harvard Law School, Lafayette Escadrille, Croix de Guerre, clean hands, pure heart*» [Уоррен, 1953]. Таким образом, реалия *Phi Beta Kappa key* изначально несёт в себе позитивную коннотацию, и в данном случае сама реалия влияет на контекст, а именно на восприятие героя читателем.

В романе встречаются реалии с негативной коннотацией. Подтверждением этому является следующий пример: «*At Lexington he went down to West Short Street, to the Lewis C. Robards barracoon, which Mr. Robards had converted from the old Lexington Theatre a few years earlier*» [Уоррен, 1953]. Льюис Робардс – американский работорговец XIX-ого века, замешанный во многих случаях, связанных с похищением свободных граждан в рабство. Следовательно, любое упоминание данного имени, являющегося ономастической реалией, в тексте несёт в себе негативную оценку.

В рассматриваемом художественном произведении также наблюдается модификация оценочного значения реалий (см. табл. 3).

Таблица 3. Модели модификации оценочного значения реалий в романе Р. П. Уоррена «*All the King's Men*»

Модель	Схема	Кол-во	%	Примеры
Возникновение оценочного значения	«0 → +»/ «0 → -»	15	75	« <i>Then <u>Arizona</u>, which is grandeur and the slow incredulous stare of sheep, until you hit the Mojave</i> » [Warren, 1953].
Изменение знака оценки на противоположный	«+ → -»	5	25	« <i>If a woman could learn to fake it she would make <u>Nell Gwyn</u> and <u>Pompadour</u> look like a couple of <u>Campfire Girls</u> wearing bifocals and ground gripper shoes and with hands on their teeth</i> » [Warren, 1953].
Всего:		20	100	

В ходе исследования было установлено, что у реалии может возникнуть оценочное значение. Функционирование данной модели проанализировано на следующем примере: «*I ate roast duck stuffed with oysters and yams and that wonderful curry they make in Savannah,*

which tastes good even to a man like me who loathes food...» [Уоррен, 1953]. Реалия *curry* 'блюдо индийской кухни, при приготовлении которого используется смесь пряностей карри' не несёт в себе ни негативной, ни позитивной коннотации, но эпитет *wonderful*, выступающий в качестве эксплицитного маркера оценки, придаёт ей позитивную коннотацию. Более того, последующий комментарий «*which tastes good even to a man like me who loathes food*» подчёркивает вкусовые достоинства блюда.

Знак оценки реалии может измениться на противоположный. К примеру, обратим внимание на следующий отрывок: «*She has maybe had plenty to put up with already in her way, and you would be a sap to crucify her just because you got some high faluting idea you are an Eagle Scout and she is Joan of Arc*» [Уоррен, 1953]. В данной цитате обнаружены две реалии: первая из них – *Eagle Scout* – это высший ранг, который можно достигнуть среди бойскаутов в США; вторая реалия – *Joan of Arc* – национальная героиня Франции. Рассмотренные реалии однозначно обладают позитивной коннотацией. Однако в данном случае важно учитывать личность персонажа, который произносит эти слова. Сэди Бёрк – верный секретарь Вилли Старка – прекрасно разбирается в политике. Проведя много лет на политической арене США, Сэди понимает, что нет смысла бездумно «бросаться на амбразуры», чтобы отомстить Крошке Дафи за спланированное убийство Старка. Это она и пытается донести до Джека Бёрдена и его подруги Анны Стэнтон. Сэди Бёрк скептически относится к порывам благородной справедливости, особенно выставленным напоказ, поэтому в её устах такие реалии, как *Eagle Scout* и *Joan of Arc* имеют явно уничижительное значение. Следовательно, в данном контексте реалии меняют свой оценочный знак с «+» на «-».

2.4. Функции реалий в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men». Любой текст воспринимается как единый механизм, все элементы которого выполняют определённые роли. Реалии, являясь частью вертикального контекста художественного произведения, также служат в повествовании конкретным целям. Вслед за Н. А. Фененко [Фененко, 2014] и Д. В. Гуровой [Гурова, 2015] следует выделить пять функций реалий (см. табл. 4.).

В анализируемом романе дескриптивную функцию выполняют большинство реалий (30%), поскольку писатель отображает жизнь американского общества. Таким образом, в романе автор указывает автомобиль, который водил Джек Бёрден в молодости: «*But the first time I went up there it was a lot longer time ago, back in 1922, and I went there in my Model-T*» [Уоррен, 1953]. Ford Model T, который выпускался с 1908 по 1927 гг., был одним из самых популярных автомобилей США, поскольку конвейерная сборка делала машину недорогой по сравнению с другими автомобилями.

Таблица 4. *Функции реалий в романе Р. П. Уоррена «All the King's Men»*

Функция	Кол-во	%	Примеры
Дескриптивная	77	30	« <i>She was an even better friend, rumor had it, of a certain Sen Sen Puckett, who chew <u>Sen-Sen</u> to keep his breath sweet...</i> » [Warren, 1953].
Создание географического колорита	66	26	« <i>The Boss went up to <u>Chicago</u> on a little piece of private business...</i> » [Warren, 1953].
Ассоциативная	53	20	« <i>I could be <u>Rip Van Winkle</u></i> » [Warren, 1953].
Создание национально-культурного колорита	33	13	« <i>Then I remembered how I had met him, in the back room of Slade's pool hall, where Slade sold the <u>needle beer</u>...</i> » [Warren, 1953].
Создание исторического колорита	28	11	« <i>But he made his fortune, and sat on the white veranda and voted <u>Whig</u></i> » [Warren, 1953].
Всего:	256	100	

Одним из особых инструментов для проявления колорита в художественном произведении является реалия, поэтому в романе «All the King's Men» реалии способны выполнять три функции, связанные с созданием географического (26%), национального (13%) и исторического (11%) колорита. Хазрин Зейналова отмечает, что в подобных случаях реалии призваны усилить культурную аутентичность текста и погрузить читателей в события романа [Zeynalova, 2025: 73].

Н. А. Фененко отмечает, что в реалию может быть заложена аллюзивность или прецедентность [Фененко, 2014: 166]. В таких случаях реалия выполняет ассоциативную функцию. Рассмотрим следующий пример: «*But it wasn't a primary. It was hell among the yearlings and the Charge of the Light Brigade and Saturday night in the back room of Casey's saloon rolled into one, and when the smoke cleared away not a picture still hung on the walls*» [Уоррен, 1953]. В данном отрывке автор метафорически описывает первую предвыборную гонку Вилли Старка на пост губернатора. Для того, чтобы создать красочный образ жестокой политической борьбы, автор отсылает читателей к событиям Крымской войны, а именно к атаке лёгкой кавалерии, бессмысленной битве, в которой из-за неправильного понятого приказа британская кавалерия понесла большие потери, пытаясь атаковать позиции русской армии. Во втором случае писатель намекает на дурную славу традиционных американских баров, существовавших в западных штатах, в которых происходили перестрелки и драки. Следовательно, делая отсылку на эти два факта, автор ставит перед собой цель создать образ описываемого в отрывке события с помощью имплицитной информации и ассоциаций.

3. Заключение. В данной статье были проанализированы семантические и лингвокультурологические характеристики реалий и особенности их функционирования на примере романа Р. П. Уоррена «All the King's Men». Анализ эмпирического материала

позволил выделить 6 тематических групп реалий: этнографические, географические, исторические, реалии системы образования, религии и культуры, общественно-политические и мифологические / литературные реалии, среди которых лидирующие позиции занимают этнографические и географические реалии.

Национальная маркированность – важная характеристика реалии. В ходе анализа источников реалии и их территориального распространения, были выделены национальные, региональные и интернациональные реалии. Наибольшая частотность характерна для национальных американских реалий, что обусловлено местом, где разворачиваются события романа.

В романе Р. П. Уоррена «All the King's Men» реалии с положительной оценкой представлены большим количеством, чем реалии с негативной оценкой. Данный результат демонстрирует желание автора подчеркнуть позитивные стороны американской действительности, несмотря на жестокие условия политической борьбы за власть. Были также отмечены случаи влияния контекста на реалию, что стало причиной трансформации её оценочного значения – возникновения оценки в семантике реалии или изменения знака оценки на противоположный.

Установлено, что в рассматриваемом романе реалии призваны выполнять дескриптивную функцию, функции создания географического, национального и исторического колорита и ассоциативную, что позволило автору дать точную характеристику периоду, когда происходит действие романа, и детализировать повествование, добавить ему экспрессивности, благодаря ассоциативным цепочкам, которые вызывают реалии.

Реалия – это одно из тех явлений, в котором находит своё проявление глубокая взаимосвязь культуры и языка. Её исследование позволяет не только лучше изучить интересующий язык, но и глубже понять культуру представителей лингвокультурного сообщества, понять ход их мыслей и повысить уровень культурной грамотности читателя. Перспективным в нашем исследовании представляется изучение реалии с позиции их перевода на разные языки, поскольку при переводе художественного произведения, в котором функционируют реалии, перед переводчиком стоит задача не только передать смысл обозначаемого реалией объекта или феномена, но и сохранить национальный колорит романа в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башмакова И. С. Репрезентация реалий в дискурсе // Выразительные средства английского языка в различных видах дискурса. Москва: Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство). 2024. С. 17-24.
2. Бессонова О. Л., Ососкова А. С. Декодирование оценочной семантики английских

диминутивных и аугментативных наименований лица // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 75-88.

3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 342 с.

4. Гурова Д. В. Роль и функции слов-реалий мексиканской культуры в романах Л. Эскивель «Malinche» и «Como agua para chocolate» // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода: Международный сборник научных статей. Нижний Новгород: ООО «АЛЬБА». 2015. № 5. С. 62-69.

5. Кабакова Е. А. Объём понятия «реалия» в переводоведении // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VIII. Могилёв: Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова. 2024. С. 185-189.

6. Красильникова П. Ю. Оценочный компонент коннотативной семантики в поэтических текстах // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 25-34.

7. Куракина Н. А., Засецкая А. В. Особенности репрезентации культурных реалий в романе Джулиана Барнса «Англия, Англия» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2023. № 4. С. 39-44.

8. Лилюкович О. С. Реалии в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж. 2015. № 4. С. 101-104.

9. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. Москва: Высш. шк., 1988. 239 с.

10. Фененко Н. А. Функциональный потенциал реалий во французском художественном тексте // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. 2014. № 12. С. 151-172.

11. Mamadaliev A. The problems of realia in literary translation // World Bulletin of Social Sciences. 2023. № 29. P. 20-25.

12. Zeynalova K. Translation Challenges of Cultural Realia in English Literary Texts: Semantic and Pragmatic Aspects // EuroGlobal Journal of Linguistics and Language Education. 2025. № 2 (1). P. 70-78.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Warren R. P. All the King's Men. 1953. Available at: https://louisiana-anthology.org/303download/texts/01--pennwarren_all_the_kings_men/penn-warren--kings_men.html. (accessed: 07.02.2025).

REFERENCES

1. Bashmakova, I. S. (2024). Reprezentatsiya realii v diskurse [Realia representation in discourse]. In *Vyrazitelnye sredstva angliyskogo yazyka v razlichnykh vidakh diskursa: Sbornik materialov po itogam provedeniya Vnutrivuzovskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola*. Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet im. A. N. Kosygina (Tekhnologii. Dizayn. Iskusstvo). Pp. 17-24. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L., Ososkova, A. S. (2024). Dekodirovanie otsenочноy semantiki angliyskikh diminutivnykh i augmentativnykh naimenovaniy litsa [Decoding evaluative semantics of English diminutive and augmentative designations of person]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No 1. Pp. 75-88. (In Russ.).

3. Vlahov, S., Florin, S. (1980). Neperevodimoe v perevode [The Untranslatable in Translation]. Moskva: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.).

4. Gurova, D. V. (2015). Rol i funktsii slov-realii meksikanskoy kultury v romanakh L. Eskivel «Malinche» i «Como agua para chocolate» [The role and functions of words-realia of Mexican culture in novels «Malinche» and «Como agua para chocolate» by L. Esquivel].

In *Aktualnye voprosy perevodovedeniya i praktiki perevoda*. Nizhnii Novgorod: OOO «ALBA». No 5. Pp. 62-69. (In Russ.).

5. Kabakova, E. A. (2024). Obyem ponyatiya «realiya» v perevodovedenii [The scope of the concept of 'realia' in translation studies]. In *Vostochnoslavjanskije yazyki i literatury v evropeiskom kontekste – VIII*. Mogilev: Mogilevskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. A. Kuleshova. Pp. 185-189. (In Russ.).

6. Krasilnikova, P. Yu. (2017). Otsenochnyy komponent konnotativnoy semantiki v poeticheskikh tekstakh [Evaluative component of connotative semantics in poetic texts]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. No 5. Pp. 25-34. (In Russ.).

7. Kurakina, N. A., Zasetskaya, A. V. (2023). Osobennosti reprezentatsii kulturnykh realiy v romane Dzhuliana Barnsa «Angliya, Angliya» [Specifics of the representation of cultural realia in Julian Barnes' novel *England, England*]. In *Vestnik YuUrGU. Seriya: Lingvistika*. No 4. Pp. 39-44. (In Russ.).

8. Lilikovich, O. S. (2015). Realii v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii [Realia in the national and foreign linguistic tradition]. In *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. Voronezh. No 4. Pp. 101-104. (In Russ.).

9. Tomakhin, G. D. (1988). Realii-amerikanizmy. Posobie po stranovedeniyu [American Realia. The Handbook of Regional Studies]. Moskva: Vyssh. shk. (In Russ.).

10. Fenenko, N. A. (2014). Funktsionalnyy potentsial realii vo frantsuzskom khudozhestvennom tekste [Functional potential of realia in the French fiction text]. In *Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda*. Voronezh: NAUKA-YuNIPRESS. No 12. Pp. 151-172. (In Russ.).

11. Mamadaliev, A. (2023). The problems of realia in literary translation. In *World Bulletin of Social Sciences*. No 29. Pp. 20-25.

12. Zeynalova, K. (2025) Translation Challenges of Cultural Realia in English Literary Texts: Semantic and Pragmatic Aspects. In *EuroGlobal Journal of Linguistics and Language Education*. No 2 (1). Pp. 70-78.

ILLUSTRATIVE MATERIAL

Warren R. P. (1953) *All the King's Men*. Available at: https://louisiana-anthology.org/303_download/texts/01--pennwarren_all_the_kings_men/penn-warren--kings_men.html. (accessed: 07.02.2025).

Бессонова Ольга Леонидовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: o.bessonova.2023@list.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Bessonova Olga L. – Doctor of Philology, Professor, Head of English Philology Department (e-mail: o.bessonova.2023@list.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Любивая Елена Сергеевна – студент магистратуры кафедры английской филологии (e-mail: lubivaya.lena@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Liubivaia Elena S. – Master Degree Student of English Philology Department (e-mail: lubivaya.lena@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 15 февраля 2025 г.

УДК 811.111'42:070:[316.48:355.01]

©2024 Е. В. Карпенкова

КАТЕГОРИЯ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ СТАТЬЯХ, ПОСВЯЩЕННЫХ ВОЕННЫМ КОНФЛИКТАМ

Статья посвящена изучению средств реализации категории оценки в англоязычных аналитических медиатекстах, посвященных военным конфликтам. Источниками материала исследования послужили современные британские и американские газеты (The New York Times, USA Today, The Washington Post, The Guardian, The Times, The Independent). Даны определения ключевым понятиям исследования. Установлены и описаны средства и способы реализации категории оценки. Определена корреляция между типом англоязычного аналитического медиатекста и уровня его аксиогенности.

Ключевые слова: категория оценки, медиатекст, аналитический медиатекст, конфликт, военный конфликт.

©2024 E. V. Karpenkova

EVALUATION IN ENGLISH ANALYTICAL MEDIATEXTS ABOUT MILITARY CONFLICTS

The article addresses the category of evaluation and means of its realization in English analytical media texts, representing military conflicts. The sources of the research material are modern British and American newspapers (The New York Times, The USA Today, The Washington Post, The Guardian, The Times, The Independent). The definitions of the key research concepts are given. The means and methods of realization of evaluation are determined and described. The correlation between the type of English analytical mediatexts and the level of their axiogenicity is determined.

Key words: the category of evaluation, media text, analytical media text, conflict, military conflict.

1. Введение

Данная статья посвящена исследованию реализации категории оценки в англоязычных аналитических медиатекстах, посвященных военным конфликтам. Будучи категорией антропоцентричной, оценка ориентирована на репрезентацию аксиологического статуса предмета или явления в рамках системы координат, определяемой взглядами и интересами индивида или социума [Byessonova, 2021]. Кроме этого универсальный характер категории оценки обеспечивает её стабильность и обладает значительным исследовательским потенциалом. Актуальным остается изучение аксиологичности в медиадискурсивном пространстве, которое можно считать одним из наиболее влиятельных общественных феноменов современного мира, так как оно выступает эффективным инструментом продвижения разного рода идей – социальных, политических, экономических, культурологических – а также идеологий и ценностей того или иного государства.

Такое влияние медиапространства и существенное расширение объемов речевой коммуникации в медиасреде выявило потребность в комплексном исследовании языка СМИ, что сделало возможным появления нового направления лингвистики, а именно медиалингвистики. Одним из ключевых понятий данного направления стал термин «медiateкст», который вслед за Т. Г. Добросклонской в данной работе понимается как «объемное многоуровневое явление, которое выходит за пределы вербального существования, так как использует знаки и других семиотических систем – графических, звуковых, визуальных». Жанровое разнообразие медiateкстов позволяет реализовать главные функции массовой коммуникации, а именно информативную (новости) и функцию воздействия, включающей выражение мнения и оценки (медиа аналитика) [Добросклонская, 2005: 28-29; Добросклонская, 2016: 13-14].

Обзор литературы по вопросу исследования позволил сделать вывод о том, что медиапространство и функционирование языка в нем изучается в разных аспектах, например, медиадискурс как новый вид дискурса, а также жанровые особенности медiateкста [Добросклонская, 2005, 2021; Солганик, 2005; Никонова, 2023; Rogers, 2023], роль и функции СМИ и медiateкста [Бондарева, 2007; Коноплев, 2020], рассматриваются вопросы функционирования категории оценки в медiateкстах разных жанров [Byessonova, Gordienko, 2021; Гордиенко, 2018; Закиева 2016], описываются языковые особенности репрезентации конфликтов в медiateкстах [Гордиенко, 2019; Антонова, 2015].

Для данного исследования представляется актуальным рассмотрение аксиологического потенциала медiateкстов аналитического жанра, в частности, исследование особенностей выражения категории оценки в англоязычных аналитических медiateкстах, посвященных военным конфликтам. Такой ракурс позволяет определить ценностные ориентиры в англоязычной картине мира, а также выявить специфику языкового выражения аксиологической информации, связанной с военными конфликтами, и его обусловленность экстралингвистическими факторами. Таким образом, **целью исследования** является установление и описание лингвоаксиологических средств реализации военного конфликта на материале англоязычного аналитического медiateкста.

Материалом исследования послужили 200 аналитических медiateкстов, посвященные военным конфликтам, отобранные из качественной американской (The New York Times, USA Today, The Washington Post) и британской (The Guardian, The Times, The Independent) прессы за период с июля 2023 по февраль 2025.

При анализе эмпирического материала применялись следующие **методы**:

семантического анализа, для определения и интерпретации оценочных смыслов в аналитическом медиатексте; *контекстуального анализа*, при помощи которого удалось выявить способы реализации оценки при освящении военных конфликтов; *дискурсивного анализа*, который позволяет определить влияние социокультурного и политического контекста на реализацию оценки; *лингвокультурологического анализа*, позволяющего проанализировать языковые средства реализации оценки по отношению к сторонам конфликта, политическим решениям или действиям.

2. Ключевые терминологические понятия исследования

2.1. Категория оценки в след за В. Н. Телией определяется как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительного того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» [Телия, 1986: 54]. В понимании Е. М. Вольф оценка является процессом, в ходе которого происходит сопоставление оцениваемого объекта с нормами или стандартами, что позволяет сделать вывод о его качестве, значимости или степени соответствия [Вольф, 2002]. Ввиду своей природы медиатексты являются аксиогенными, разные типы медиатекстов в разной степени. Анализ материала исследования позволил сделать вывод о том, что аналитические медиатексты являются в высокой степени аксиогенными.

2.2. Аналитический медиатекст. В современной лингвистике до сих пор нет единого мнения о том, выходит ли жанр «**аналитическая статья**» за рамки рубрики analysis. Однако в данном исследовании также были рассмотрены статьи, основой которых является аналитический способ отображения действительности, такие как editorial (редакторская статья), opposite-editorial (экспертная статья), review (рецензия), comment (комментарий) [Никонова, 2023: 285; Омуралиева, 2014: 76]. Важно отметить, что, несмотря на общее мнение о том, что американская и британская качественная пресса отличается объективностью изложения фактов, любой жанр медиатекста является в разной степени аксиогенным. Аналитическая статья, в которой объективность, с одной стороны, достигается наличием большого количества ссылок на первоисточники, а также посредством высокого уровня аргументированности высказывания для создания так называемого баланса мнений [Гудкова, 2008], является наиболее аксиогенной, так как, с другой стороны, представляет собой мнение автора как представителя данного лингвокультурного сообщества.

Аналитическая статья как правило имеет 4 структурных элемента: информационный блок (так называемый lead), который содержит краткое описание события, о котором

пойдет речь в статье; формулировка проблемной ситуации (как правило включает в себя вопросы, на которые будут даны ответы в следующей части); аналитический блок, который является основной частью статьи и содержит аргументированный анализ обсуждаемой темы; и выводы, которые могут представлять авторское имплицитное мнение или же прогноз дальнейшего развития событий [Никонова, 2023].

2.3. Конфликт. Существуют также разные подходы к определению понятия «**конфликт**», а также его классификации. В данном исследовании под **конфликтом** подразумевается «проявление объективных или субъективных противоречий, выражающееся в противоборстве сторон» [Дмитриев, 2009: 309]. А. Я. Анцупов разделяет конфликты на социальные и внутриличностные, социальные в свою очередь делятся далее на следующие типы: межличностные, между личностью и группой, между малыми / средними / большими социальными группами, а также межгосударственные (между отдельными государствами и между коалициями государств). Важно отметить, что предлагаемая классификация носит обобщенный характер, однако можно выделить и другие типы конфликтов, в зависимости от того, какой признак конфликта взят за основу, но в таком случае классификация будет иметь частный характер. Так, например, в зависимости от предмета конфликты могут быть экономическими, социальными, классовыми, политическими, идеологическими, культурными и аксиологическими [Анцупов, 2019: 16-17]. С точки зрения международных отношений конфликты делятся на локальные, региональные и международные, которые, в свою очередь, могут перерасти в **военный конфликт**. Данное понятие является обобщающим, когда речь идет о «разрешении межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы». Классификация военных конфликтов включает в себя такие понятия, как война – крупномасштабная, региональная или локальная (но стоит отметить, что в настоящее время в разного рода документах, резолюциях и т. д. данный термин заменен на «военный конфликт»); и вооруженный конфликт, который делится на международный и внутренний [Малышев, 2022: 24; Леонов, 2017].

3. Результаты исследования

Анализ эмпирического материала показал, что в отобранных аналитических медиатекстах, освещаются такие военные конфликты, как **специальная военная операция**, которая в американской и британской прессе вербализована при помощи таких лексем, как *war* ‘война’, *Russian aggression* ‘российская агрессия’, *Russian-Ukrainian war* ‘русско-украинская война’, *bloody slugfest* ‘кровавая борьба’, *brutal Russian invasion*

‘зверское вторжение России’; **конфликт на Ближнем Востоке:** арабо-израильский конфликт вербализуется следующими лексемами: *Gaza’s ground invasion* ‘наземное вторжение в Газу’ (т. е. вторжение Израиля в Сектор Газа в ответ на атаку Хамас), *collective punishment* ‘коллективное наказание’ (при описании действий Израиля в отношении мирных жителей Газы), *assault* ‘нападение’, *military operation* ‘военная операция’, *a third intifada* ‘третья интифада’ (вооруженное восстание Газы против Израиля), *a murderous rampage* ‘кровавая резня’ (нападение Хамас на Израиль); гражданская война в Сирии, которая в статьях американской и британской прессы в основном вербализована такими лексемами, как *civil war* ‘гражданская война’ и *conflict* ‘конфликт’); **военный переворот в Нигере** представлена такими лексическими единицами, как: *clash* ‘столкновение’, *a deadly disregard for civilians* ‘смертельное пренебрежение гражданскими лицами’, *unfolding genocide* ‘развернувшийся геноцид’, *a military coup* ‘военный переворот’.

3.1. Средства реализации категории оценки. Тематика аналитических медиатекстов, которые составили материал выборки, дает основание полагать, что в них проявляется высокий уровень оценочности. Оценка может выражаться разными средствами: лексическими, грамматическими (синтаксическими и морфологическими), стилистическими и графическими. В ходе анализа было установлено, что при освещении военных конфликтов в англоязычных аналитических медиатекстах используются в основном вербальные средства выражения оценки, что способствует формированию мнения читателя по отношению к данному конфликту.

Было установлено, что наиболее продуктивным уровнем реализации категории оценки является **лексический**. На данном уровне оценка в основном выражается лексемами с оценочным компонентом, а именно с рациональной негативной оценкой. Например, в аналитическом медиатексте ‘Biden’s urgent mission: the US pivots back to the Middle East’ [The Guardian, 18.10.2023] речь идет об обострении конфликта между Израилем и Палестиной, в результате которого погибло более 4000 человек с обеих сторон, что создает угрозу дальнейшего гуманитарного кризиса из-за возможного вовлечения других арабских стран в конфликт, несмотря на усилия США предотвратить дальнейшую эскалацию.

В контексте (1) *In the wake of the carnage wrought by Hamas in southern Israel, killing at least 1,300 people, with bombs still raining upon Gaza, having killed more than 3,000* [The Guardian, 18.10.2023] ‘После кровавой бойни, устроенной ХАМАСОМ на юге Израиля, в результате которой погибло по меньшей мере 1300 человек, на Газу все еще

сыплются бомбы, в результате чего погибло более 3000 человек' автор дает негативную оценку палестино-израильскому конфликту, что реализуется посредством негативнооценочной лексемы *carnage* со значением 'the violent killing of large numbers of people, especially in war'.

Анализ материала выборки показал, что еще одним продуктивным лексическим средством имплицитной реализации оценки являются стилистические приемы, которые позволяют формировать желаемое общественное мнение, избегая открытого выражения оценочных суждений и оказывая, тем самым, более тонкое, но эффективное воздействие.

В медиатексте 'Trump Can Speed Up the Inevitable in Ukraine' говорится о плане президента Трампа положить конец войне на Украине. Однако, если президент подтолкнёт Украину к переговорам на таких условиях, он столкнётся с критикой со стороны оппонентов и однопартийцев, которые обвинят его в предательстве Украины и поощрении агрессии Путина.

Примером, содержащим данное средство реализации оценки является следующий контекст: (2) *If Mr. Trump follows their advice and pushes Ukraine into talks that result in lost territory, his political rivals as well as **hawks** in his own party will accuse him of abandoning Ukraine and **rewarding** Vladimir Putin's **hunger for** expansion* [The Washington Post, 17.11.2024] 'Если мистер Трамп последует их совету и подтолкнет Украину к переговорам, которые приведут к потере территории, его политические соперники, а также ястребы с его собственной партии обвинят его в том, что он бросает Украину и поощряет стремление Владимира Путина к экспансии'. Журналист использует такой стилистический прием, как метафора, например, *hawks*, которая основана на принципе сравнения между агрессивно настроенными сторонниками усиления военной мощи государства, и хищной птицей семейства ястребиных, которые охотятся из засады и способны долго преследовать жертв. Метафора *to reward sb's hunger for* основана на сравнении чувства голода, которое может испытывать человек, и жажды заполучить что-то. Таким образом, негативная оценка выражена имплицитно.

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что следующим по продуктивности является **грамматический уровень**, на котором оценка может актуализироваться при помощи префиксов *anti-* и *pro-*, со значениями «против» и «в поддержку» соответственно. Так, например, в аналитическом медиатексте 'The Niger putsch: regional pressure holds the key' [The Guardian, 09.12.2024] автор описывает военный переворот в Нигере, в ходе которого власть перешла к Мохамеду Базуму, который поддерживает

антифранцузские настроения в стране, чем вызывает беспокойность Европы.

(3) *Nigerien popular response to the putsch is hard to gauge accurately. There have been **anti-French** and **pro-Russian** placards in demonstrations on the streets of the capital Niamey* [The Guardian, 09.12.2024] 'Трудно дать оценку реакции населения Нигера на переворот. На улицах столицы страны Ниамея можно увидеть антифранцузские и пророссийские плакаты'. В данном контексте вышеупомянутые префиксы являются примером отрицательной оценки, так как первый означает «настроенный против Франции», а второй – «в поддержку России», что для западного сообщества является неприемлемым, в связи с русофобными настроениями.

Менее продуктивным уровнем реализации оценки является **синтаксический**. Здесь оценка может актуализироваться с помощью вопросительных предложений, которые часто присутствуют в заглавии аналитических статей:

(4) *Israel's strikes on Jenin: where will the violence end?* [The Guardian, 04.07.2023].

В данном медиатексте речь идет об ударе Израиля по лагерю беженцев в Дженине, в результате которого пострадало большое количество человек, однако Израиль заявляет, что это был удар по «месту укрытия террористов». Автор выражает негативное отношение к насилию над мирными жителями, что реализуется при помощи вопросительного предложения, которое усиливает эффект воздействия.

В (5) *Trump's return is terrible news for Ukraine. Europe should step into the breach – but will it?* [The Guardian 08.11.2024] сообщается о том, что второй президентский срок Трампа может плохо сказаться на ведении военных действий в Украине из-за его планов добиться мира на данной территории, а Европе придется продолжать поддержку Украины, но экономическая ситуация скорее всего не позволит этого. Автор статьи также дает негативную оценку ситуации, в которой Украина может остаться без финансовой поддержки коллективного Запада, а значит потерпеть огромные потери как военной силы, так и территорий.

При анализе материала выборки было выявлено, что еще одним способом реализации оценки является использование **графических средств**, например:

(6) *But even some of Trump's supporters are alarmed by his anti-Ukraine turn: Rupert Murdoch's New York Post on Friday ran a cover photo of Putin with the headline «**President Trump: THIS IS A DICTATOR**». Inside, an article warned of the dangers of «appeasement» and of a peace deal that «bows down in the face of evil»* [The Washington Post, 23.02.2025] 'Но даже некоторые сторонники Трампа встревожены его антиукраинской позицией: газета Руперта Мердока New York Post в пятницу опубликовала фотографию Путина на

обложке с заголовком «Президент Трамп: ЭТО ДИКТАТОР». Данный контекст взят из медиатекста ‘Could Ukraine keep fighting even without U.S. support’, в котором автор критикует Трампа за его антиукраинские настроения и предупреждает об опасности «умиротворения» и мирного соглашения в украинском конфликте. Автор прибегает к использованию шрифтовых знаков, а именно прописных букв вместо строчных, что может восприниматься как повышение голоса, чтобы усилить негативную оценку новой риторики Трампа.

4. Выводы

Результаты анализа эмпирического материала показали, что англоязычные аналитические медиатексты, посвященные военным конфликтам, которые осуществляются в настоящем экономически и политически нестабильном мире, имеют высокий уровень оценочности.

Было установлено, что наиболее частотными средствами реализации оценки являются лексемы, семы которых содержат оценочный компонент. В основном оценочное значение мотивируется семантикой основы и имеет эксплицитный характер. Следующим частотным лексическим средством актуализации являются стилистические приемы, которые позволяют эффективно воздействовать на массовую аудиторию, формируя желаемое восприятие без явного оценочного компонента. Анализ материала исследования показал, что чаще всего журналисты прибегают к использованию метафоры для выражения скрытой оценки, не прибегая к прямым оценочным суждениям.

Грамматический и синтаксический уровни реализации категории оценки являются следующим по продуктивности и представлены такими средствами, как префиксы anti- и pro-, а также вопросительными предложениями соответственно. Было также установлено, что графические средства актуализации оценки являются частотными, например, изменение шрифта, т. е. использование прописных букв вместо строчных, для усиления оценки.

Таким образом, анализ материала исследования подтвердил тот факт, что англоязычные аналитические медиатексты отличаются высокой степенью аксиогенности, а разнообразие средств реализации категории оценки играет ключевую роль в формировании мнения читателей, в частности, и общества в целом по данному вопросу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова Т. Г. Метафорическое моделирование социального конфликта в медиадискурсе: пространственные метафоры // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 401. С. 5-12.

2. Анцупов А. Я. Конфликты как угроза безопасности России // Мировые цивилизации. 2019. Т. 4. № 3-4. С. 15-22.
3. Бондарева Л. В. Функции СМИ в политике // Речевая коммуникация в политике. Москва: Флинта, Наука, 2007. 248 с
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. Москва: Едиториал УРСС. 2002. 280 с.
5. Гордиенко Е. В. Освещение темы конфликта в англоязычных медиатекстах // Язык как зеркало культуры. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. С. 237-244.
6. Гордиенко Е. В. Выражение категории оценки в британских газетных заголовках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 74-85.
7. Гудкова К. В. Когнитивные характеристики аргументации публицистического текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2008. № 1-1 (1). С. 82-84.
8. Дмитриев А. В. Конфликтология. Москва: Альфа-М; ИНФРА-М, 2009. 336 с.
9. Добросклонская Т. Г. Динамика тематической карты новостного дискурса Великобритании и США в контексте трансформации культурно-политических реалий // Коммуникативные модусы (коды) как средство формирования общегуманитарных компетенций человека нового поколения. Москва: «КДУ», «Университетская книга», 2021. С. 116-127.
10. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 28-35.
11. Добросклонская Т. Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом. Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 13-22.
12. Закиева Т. М. Лингвостилистические стратегии выражения субъективной оценки в корпусе информационно-аналитических текстов // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 69-76.
13. Коноплев Д. Э. Современные медиасистемы: кризис традиционных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 1 (35). С. 158-162.
14. Леонов Н. И. Парадигмы и подходы к конфликтологии // Актуальная психология. Научный вестник. Yerevan, Armenia: Edit print, 2017. С. 493-497.
15. Малышев А. И. Категории «война» и «вооруженный конфликт»: сходство и различие // Военная мысль. 2022. № 2. С. 21-30.
16. Никонова Е. А. Характеристики аналитической статьи как вида публикаций англоязычного масс-медиа дискурса // Жанры речи. 2023. Т. 18. № 3 (39). С. 283-293.
17. Омуралиева А. И. Жанры аналитической публицистики // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 3 (23). С. 76-80.
18. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 2. С. 7-16.
19. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 143 с.
20. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community // The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.
21. Byessonova O., Gordienko E. Binary opposition 'us/them' in British and American media texts about conflicts // SKASE Journal of Theoretical Linguistics. 2021. Vol. 18. No 2. P. 91-111.

22. Rogers Tony. «Learn What a Feature Story Is». ThoughtCo, Apr. 5, 2023. Доступ: thoughtco.com/what-is-a-feature-story-2074335. (дата обращения: 10.12.2024).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Biden's urgent mission: the US pivots back to the Middle East // The Guardian. 18.10.2023. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/17/the-guardian-view-on-bidens-urgent-mission-the-us-pivots-back-to-the-middle-east>. (дата обращения: 09.12.2024).

2. Could Ukraine keep fighting even without U.S. support? // The Washington Post. 23.02.2025. Доступ: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2025/02/23/ukraine-russia-trump-europe>. (дата обращения: 28.02.2025).

3. Israel's strikes on Jenin: where will the violence end? // The Guardian. 04.07.2023. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jul/04/the-guardian-view-on-israels-strikes-on-jenin-where-will-the-violence-end>. (дата обращения: 09.12.2024).

4. Trump's return is terrible news for Ukraine. Europe should step into the breach – but will it? // The Guardian. 08.11.2024. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/nov/08/trumps-return-terrible-news-ukraine-europe-divided>. (дата обращения: 09.12.2024).

5. Trump Can Speed Up the Inevitable in Ukraine // The New York Times. 17.11.2024. Доступ: <https://www.nytimes.com/2024/11/17/opinion/trump-ukraine-russia-war.html>. (дата обращения: 09.12.2024).

6. The Niger putsch: regional pressure holds the key // The Guardian. 04.08.2023. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/04/the-guardian-view-on-the-niger-putsch-regional-pressure-holds-the-key>. (дата обращения: 09.12.2024).

7. The Observer view on the response to Hamas's terrorist attack: amid its grief, Israel must act with care // The Guardian. 14.10.2023. Доступ: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/14/observer-view-on-israel-response-to-hamas-terrorism>. (дата обращения: 09.12.2024).

REFERENCES

1. Antonova, T. G. (2015). Metaforicheskoe modelirovanie sotsialnogo konflikta v mediadiskurse: prostranstvennyye metafory [Metaphorical modelling of social conflict in media discourse: orientational metaphors]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 401. Pp. 5-12. (In Russ.).

2. Antsupov, A. Ya. (2019). Konflikty kak ugroza bezopasnosti Rossii [Conflicts as a threat to the security of Russia in the conditions of digitalization]. In *Mirovye tsivilizatsii*. Vol. 4. No 3-4. Pp. 15-22. (In Russ.).

3. Bondareva, L. V. (2007). Funktsii SMI v politike [The functions of the media in politics]. In *Rechevaya kommunikatsiya v politike*. Moskva: Flinta, Nauka. (In Russ.).

4. Volf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. 2-e izd., dop. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

5. Gordienko, E. V. (2019). Osveshenie temy konflikta v angloyazychnykh mediatekstakh [Conflict coverage in the English-speaking media texts]. In *Yazyk kak zerkalo kultury*. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet. Pp. 237-244. (In Russ.).

6. Gordienko, E. V. (2018). Vyrazhenie kategorii otsenki v britanskikh gazetykh zagolovkakh [Expression of the category of evaluation in British newspaper headlines]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. No 18 (816). Pp. 74-85. (In Russ.).

7. Gudkova, K. V. (2008). Kognitivnye kharakteristiki argumentatsii publitsisticheskogo teksta [The cognitive characteristics of the argumentation of journalistic text]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 1-1 (1). Pp. 82-84. (In Russ.).

8. Dmitriev, A. V. (2009). *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moskva: Alfa-M; INFRA-M. (In Russ.).
9. Dobrosklonskaya, T. G. (2021). Dinamika tematicheskoy karty novostnogo diskursa Velikobritanii i SShA v kontekste transformatsii kulturno-politicheskikh realij [The dynamics of the thematic map of the UK and US news discourse in the context of the transformation of cultural and political realities]. In *Kommunikativnye modusy (kody) kak sredstvo formirovaniya obshchegumanitarnykh kompetentsiy cheloveka novogo pokoleniya*. Moskva: «KDU», «Universitetskaya kniga». Pp. 116-127. (In Russ.).
10. Dobrosklonskaya, T. G. (2005). Mediatekst: teoriya i metody izucheniya [Media text: the theory and methods of study] In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. No 2. Pp. 28-35. (In Russ.).
11. Dobrosklonskaya, T. G. (2016). Novostnoy diskurs kak obekt mediallyingvisticheskogo analiza [News discourse as an object of sociolinguistic analysis]. In *Diskurs sovremennykh mass-media v perspektive teorii, sotsialnoy praktiki i obrazovaniya; Aktualnye problem sovremennoy mediallyingvistiki i mediakritiki v Rossii i za rubezhom*. Belgorod: ID «Belgorod». Pp. 13-22. (In Russ.).
12. Zakieva, T. M. (2016). Lingvostilisticheskie strategii vyrazheniya subektivnoy otsenki v korpusе informatsionno-analiticheskikh tekstov [Lingo-stylistic strategies of expressing subjective evaluation in the corpus of analytical texts]. In *Politicheskaya lingvistika*. No 5 (59). Pp. 69-76. (In Russ.).
13. Konoplev, D. E. (2020). Sovremennye mediasistemy: krizis traditsionnykh SMI [Modern Media systems: the crisis of traditional media]. In *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. No 1 (35). Pp. 158-162. (In Russ.).
14. Leonov, N. I. (2017). Paradigmy i podkhody k konfliktologii [Paradigms and approaches in Conflictology]. In *Aktualnaya psikhologiya. Nauchnyy vestnik*. Yerevan, Armenia: Edit print. Pp. 493-497. (In Russ.).
15. Malyshev, A. I. (2022). Kategorii «voyna» i «vooruzhennyi konflikt»: skhodstvo i razlichie [The categories ‘war’ and ‘armed conflict’: similarities and differences]. In *Voennaya mysl*. No 2. Pp. 21-30. (In Russ.).
16. Nikonova, E. A. (2014). Kharakteristiki analiticheskoy stati kak vida publikatsiy angloyazychnogo mass-media diskursa [Analytical article as a mass media genre (based on English mass media texts)]. In *Zhanry rechi*. Vol. 18. No 3 (39). Pp. 283-293. (In Russ.).
17. Omuralieva, A. I. (2014). Zhanry analiticheskoy publitsistiki [Genres analytical journalism]. In *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. No 3 (23). Pp. 76-80. (In Russ.).
18. Solganik, G. Ya. (2005). K opredeleniyu ponyatiy ‘tekst’ i ‘mediatekst’ [How to attribute text and media text]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. No 2. Pp. 7-16. (In Russ.).
19. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
20. Byessonova O. (2021). Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. In Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová (eds). *The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph]*. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.
21. Byessonova, O., Gordienko, E. (2021). Binary opposition ‘us / them’ in British and American media texts about conflicts. In *SKASE Journal of Theoretical Linguistics*. Vol. 18. No 2. Pp. 91-111.
22. Rogers, T. (2023). *Learn What a Feature Story Is*. ThoughtCo. Available at: [thoughtco.com/what-is-a-feature-story-2074335](https://www.thoughtco.com/what-is-a-feature-story-2074335). (accessed: 10.12.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Biden's urgent mission: the US pivots back to the Middle East. In *The Guardian*. 18.10.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/17/the-guardian-view-on-bidens-urgent-mission-the-us-pivots-back-to-the-middle-east>. (accessed: 09.12.2024).

2. Could Ukraine keep fighting even without U.S. support? *The Washington Post*. 23.02.2025. Available at: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2025/02/23/ukraine-russia-trump-europe/>. (accessed: 28.02.2025).

3. Israel's strikes on Jenin: where will the violence end? In *The Guardian*. 04.07.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/jul/04/the-guardian-view-on-israels-strikes-on-jenin-where-will-the-violence-end>. (accessed: 09.12.2024).

4. Trump's return is terrible news for Ukraine. Europe should step into the breach – but will it? In *The Guardian*. 08.11.2024. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2024/nov/08/trumps-return-terrible-news-ukraine-europe-divided>. (accessed: 09.12.2024).

5. Trump Can Speed Up the Inevitable in Ukraine. In *The New York Times*. 17.11.2024. Available at: <https://www.nytimes.com/2024/11/17/opinion/trump-ukraine-russia-war.html>. (accessed: 09.12.2024).

6. The Niger putsch: regional pressure holds the key. In *The Guardian*. 04.08.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/aug/04/the-guardian-view-on-the-niger-putsch-regional-pressure-holds-the-key>. (accessed: 09.12.2024).

7. The Observer view on the response to Hamas's terrorist attack: amid its grief, Israel must act with care. In *The Guardian*. 14.10.2023. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/oct/14/observer-view-on-israel-response-to-hamas-terrorism>. (accessed: 09.12.2024).

Карпенкова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры английской филологии (e-mail: e.karpenkova1@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Karpenkova Ekaterina V. – Postgraduate Student of English Philology Department (e-mail: e.karpenkova1@mail.ru), Federal State Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 17 февраля 2025 г.

УДК 372.881.111.1.

© 2025 А. И. Комарова

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ И ТЕРМИНЫ ЛОМОНОСОВА В ГЕОГРАФИИ

Многогранное научное творчество основателя Московского университета охватывает естественно-научные и гуманитарные дисциплины. Помимо тем, относящихся к деятельности М. В. Ломоносова в области наук о Земле, на «Ломоносовских уроках», проводимых на занятиях по английскому, французскому, немецкому, испанскому языкам со студентами-географами, обсуждалась роль Ломоносова-филолога в создании русской научной терминологии и стиля научного изложения на примере его трудов по геонаукам.

Ключевые слова: М. В. Ломоносов, перевод с русского, терминология, научная речь, речевые навыки.

© 2025 A. I. Komarova

SCIENTIFIC STYLE AND TERMS OF LOMONOSOV IN GEOGRAPHY

The scientific work of the founder of Moscow University covers natural sciences and humanities. In connection with the 270-th anniversary of the Lomonosov Moscow State University the teachers of foreign languages conduct «Lomonosov lessons» in English, French, German, Spanish to students of geography. Apart from giving talks on the topics related to M. V. Lomonosov's works in the field of Earth sciences, learning his heritage in humanities is of great interest. The present article outlines the topics at the interface of geography and philology, provides examples of the Lomonosov's scientific style and techniques for creating geographical terms.

Key words: M. V. Lomonosov, translation from Russian, terminology, scientific speech, speech skills.

Введение

М. В. Ломоносов был универсальным ученым. «Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, – писал о Михаиле Васильевиче Ломоносове А. С. Пушкин, – он все испытал и все проник». В этом его сравнивают с Леонардо Да Винчи: «There is a rough parallel which may be made between Lomonosov and da Vinci... both explored wide fields of knowledge, including both the humanities and the sciences in their studies. Lomonosov was a poet and grammarian of considerable stature, while da Vinci achieved worldwide repute for his art» [Morris, 1967: 59] ‘Между Ломоносовым и да Винчи можно провести параллель... Оба исследовали широкие области знаний, включая как гуманитарные, так и естественные науки, одновременно Ломоносов был выдающимся поэтом и филологом, в то время как Да Винчи приобрел мировую известность благодаря своему искусству’. Большую часть научного наследия М. В. Ломоносова составляют труды по естественным наукам, а из гуманитарных наук – по филологии. Особый интерес

М. В. Ломоносов имел к наукам о Земле, а географию считал главной среди геонаук: «Что полезнее есть человеческому роду к взаимному сообщению своих избытков, что безопаснее плавающим в море, что путешествующим по разным государствам нужнее, как знать положение мест, течение рек, расстояние градов, величину, изобилие и соседство разных земель, нравы, обыкновения и правительства разных народов? Сие ясно показывает География, которая вся вселенная обширность единому взгляду подвергает» [Ломоносов, 1959: 252]. Его огромный вклад в географию и геоморфологию сейчас признают даже зарубежные исследователи, хотя западные ученые 18 века не оценили по достоинству его труды в этой области: «Claims have been made for Lomonosov's contribution to geology and geomorphology which place him among leaders of early thought in this field of study. There is, however, no evaluation of his work in this field by Western scholars» [Morris, 1967: 59] 'Ломоносов внес значительный вклад в геологию и геоморфологию, что делает его одним из основоположников этой науки. Тем не менее, его труды в этой области не получили должного признания со стороны западных учёных'.

На «Ломоносовских уроках», проводимых преподавателями кафедры иностранных языков для географического факультета в канун 270-юбилея МГУ в честь основателя Московского университета на занятиях по английскому, французскому, немецкому, испанскому языкам, студенты делали доклады на иностранных языках и развивали прежде всего темы, принадлежащие к естественно-научным интересам М. В. Ломоносова. В настоящей статье мы показываем, как на Ломоносовских уроках обсуждались темы на стыке географии и филологии. Оказалось, что филологические аспекты вызывают у учащихся-географов большой интерес, но требуют от преподавателя-лингвиста большего участия и помощи при подготовке студентами-нефилологами сообщений о терминологии и языковых особенностях трудов Ломоносова. Этот интерес к языку объясняется тем, что география (специальность наших студентов) состоит из физико-географического и социально-экономического крыла, т. е. гармонично включает в себя естественно-научное и гуманитарное знания (к гуманитарным дисциплинам относится и преподавание иностранных языков). А именно за комплексное среднее и высшее образование, в котором органично сочетались бы гуманитарные и точные науки, выступал М. В. Ломоносов, занимаясь педагогической деятельностью и планируя организацию Московского университета.

Ломоносов был первым в России ученым, читавшим общедоступные лекции по точным наукам перед широкой аудиторией на русском языке, а не на латинском, как это было принято в европейской научной и университетской практике того времени. Однако средств, необходимых для выражения научных понятий, в русском литературном языке

тогда еще было недостаточно. При этом Ломоносов глубоко понимал и высоко ценил достоинства русского языка. Блестяще знавший родной язык, отлично владевший латинским, современными европейскими и будучи хорошо знаком со многими другими языками, Ломоносов в посвящении к «Российской грамматике» с полным основанием писал о богатых возможностях русского языка и призывал углубленно его изучать: «Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но не довольному своему в нем искусству приписывать долженствуем... Кто отчасу далее в нем углубляется... тот увидит безмерно широкое поле, или лучше сказать едва пределы имеющее море» [Ломоносов, 1755: 7-8].

Формирование терминологии наук о Земле

Необходимость в отечественной терминологии в то время ощущалась представителями всех отраслей науки, особенно при переводах трактатов с других языков. Ломоносов переводил на русский многие научные работы и сам сталкивался с необходимостью создавать термины на основе лексических и грамматических ресурсов русского языка. В предисловии к своему переводу «Вольфианской экспериментальной физики» Л. Ф. Тюмминга Ломоносов-переводчик написал: «принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако надеюсь, что они со временем через употребление знакомы будут» [Цит. по Граудина, Кочеткова, 2001: 237]. Для создания русской научной терминологии Ломоносов пользовался разными способами. Например, он впервые ввел в научный оборот такие термины, употребляемые в географии, как *жидкость, поверхность, наблюдение, плоскость, расположение, опыт, чернозем* и многие другие, представляющие собой лексику повседневного употребления. При описании поверхности Земли Ломоносов использовал обычные русские слова: *горы, кряжи, хребты, пригорки, бугры, холмы, долины, утесы, пропасти, расселины* и др. Однако, в самом изложении предмета значение некоторых из этих слов переосмыслилось и удалялось от общенародного смысла, превращаясь таким образом в термин той или иной науки: *кислота, движение, явление, частица, упругость, теплота, преломление, протяжение, расширение, расстояние, вес, мягкость, пар, степень*. Часто для обозначения научных понятий или для названия приборов Ломоносов создавал составные термины, состоящие из двух, трех и более слов: *земная ось, магнитная стрелка, удельный вес, преломление лучей, равновесие тел, влажность воздуха, давление воздуха*,

термометрические наблюдения, огнедышащие горы, земная поверхность, астрономическая зрительная труба, вертикальное положение к горизонту, небесная сфера. При этом он стремился преодолеть многословность наименования, о чем свидетельствует такой пример развития термина: *трясение земли – земное трясение – земли трясение – землетрясение*, где терминологическую стабильность приобрела одна из форм – *землетрясение* [Бурдин, 1952].

Значительное количество географических терминов было образовано им путем словосложения: *равноденствие, новолуние, полнолуние, шаровидный*. М. В. Ломоносов изобрел множество приборов для наземных, подземных, морских, астрономических исследований. Он придумал им оригинальные наименования: *горизонтоскоп* для кругового наблюдения местности; *рефрактометр* для измерения преломления света; для обеспечения безопасного кораблевождения Ломоносов построил *ночезрительную трубу*, с помощью которой можно в сумерки и ночью различать скалы и корабли; *фотометрическую трубу* для сравнения силы света звезд [Кравцова, Книжников, 2011]. Как видно из приведенных и других примеров, Ломоносов использовал для образования терминов иноязычные интернационализмы или корни слов греко-латинского происхождения: *атмосфера, барометр, сфера, пропорция, радиус, метеорология, микроскоп, периферия, вертикальный, минус, плюс, радиус*, однако многие из них перерабатывались фонетически и морфологически, русифицировались: *квадратуум в квадрат, музей в музей, оризонт в горизонт*.

В отношении заимствований Ломоносов как ученый, переводчик и поэт придерживался такого мнения, что из других языков «ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть кому и в чем лучше последовать». Однако, стремясь найти для терминов русское речевое оформление, он всё же, где следовало, сохранял устоявшиеся иностранные термины, например, оставил *фонтан* вместо русского *водоём*, или *термометр* вместо *тепломер*, или придумал термин *явление* вместо неудачного общеславянского *позор*. В целом он считал, что нужно выбирать то употребление термина, которое основано «на разуме». Созвучные идеи высказывал выдающийся лингвист академик Л. В. Щерба: «Для новых понятий, для которых нет своих слов, не следует бояться чужих слов... Но если есть возможность вполне выразить новое понятие своими средствами или путем комбинации двух-трех слов, то, конечно, лучше не переобременять своего словаря лишними элементами» [Щерба, 2000: 117]. Академик В. В. Виноградов отмечал, что Ломоносов «избегая иноязычных заимствований, стремился содействовать сближению русской науки с западноевропейской, используя, с

одной стороны, интернациональную научную терминологию, составленную преимущественно из греко-латинских корней, а с другой стороны, образуя новые русские термины или переосмысляя уже существующие слова» [Виноградов, 1982].

В произведениях Ломоносова нет почти ни одного слова, использованного в роли термина, которое не получило бы раскрытия своего значения посредством определения. М. В. Ломоносов дал первое определение *тундры* в трактате «О слоях земных». Там же он употребил такие, казалось бы, диалектные слова, как *луда* и *торос*, но с помощью научного определения слова *луда*, *торос* приобрели терминологическое значение [Ломоносов, 1954: 548, 550]. В других случаях Ломоносов давал сначала не название предмета или явления, а детальное его описание и только потом уже закреплял за ним определенное наименование. Рассуждая о том, что на земном шаре очень много сходных мест, например, северный берег Америки по своим очертаниям во многом подобен противоположному Сибирскому берегу, Ломоносов затем предложил такие природные соответствия называть термином *географическая аналогия* [Ломоносов, 1952: 471]. Следует подчеркнуть, что Ломоносов, создавая термины и давая им определения, показал, как составлять терминологические словари на принципах строгой последовательности, обусловленной взаимозависимостью определяемых понятий, т. е. наглядно продемонстрировал необходимость оформления терминов на основе дефинитивности (объяснения, раскрытия значения термина в определении) и системности (взаимосвязи, соотношении терминов между собой, их классификации).

В работе Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по Северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [Ломоносов, 1952: 417-514] содержится описание льдов в Северном Ледовитом океане, где Ломоносов выделил три типа природных льдов и дал им системные определения: *мелкое сало*; *горы нерегулярной фигуры*; *стамухи или ледяные поля*. Ломоносов впервые в мировой науке разделил «ходячие по морю льды» на айсберги (плавающие ледяные горы) и стамухи (торосистые образования, которые садятся на мель). Тем самым он подсказал современную классификацию льдов, которые по происхождению теперь делятся на морские, пресноводные и материковые. Ломоносов в качестве терминов употреблял местные образные слова *стамуха*, *ночемержа*, *падун*, а для описания разного льда даже в словарных дефинициях использовал яркие сравнения: «*плавающие горы* – беспрестанно трещат, как еловые дрова в печи, ...когда на мель становятся, разламываются с великим шумом и треском»; «*падун* – обрушивается в море и производит ужасный гром и шум, как бы из целой артиллерии и многого мелкого ружья вдруг выпалить»; лед типа «*мелкое*

сало – подобно как снег иногда игловат, однако гибок и судам не вреден... В Поморье называется оное *ночемержа*, затем что в марте месяце ночными морозами в тихую погоду Белое море на несколько верст гибким льдом покрывается, так что по нему за тюленями ходят и лодки торосовые за собою волочат, и хотя он под людьми гнется, однако не скоро прорывается; около полудни от солнца пропадает и от ветру в чепуху разбивается» [Ломоносов, 1952: 464].

Языковые особенности трудов М. В. Ломоносова по естественным наукам

В связи с научным сочинением «Краткое описание разных путешествий по Северным морям...» хочется отметить мнение современных ученых о том, что, если бы М. В. Ломоносов написал лишь одну эту работу, то и тогда он обессмертил бы свое имя. Рассуждения Ломоносова о Ледовитом океане и северных морях построены как на глубоком всестороннем знании предмета, так и на сведениях поморских мореходов и добытчиков, с которыми он был знаком с юности. Обосновывая природные и правовые преимущества России в части освоения Северного морского пути, он заключал: «Таким образом, ...путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном». Это высказывание часто цитируют в усеченном виде, исключая слова «Северный океан», но сейчас стала особенно очевидна гениальная прозорливость ученого и великого патриота. Именно М. В. Ломоносов обратил внимание на необходимость изучения Северного морского пути и доказал возможность и экономическую выгоду установления регулярного морского сообщения между Архангельском и портами Тихого океана: «Могущество и обширность морей, Российскую империю окружающих, требуют рачения и знания... Северный океан есть пространное поле, где усугубиться может российская слава, соединенная с беспримерною пользою, чрез изобретение восточно-северного мореплавания в Индию и Америку» [Ломоносов, 1952: 420]. В настоящее время это высказывание актуально как никогда. М. В. Ломоносов подтвердил мысль об освоении Северного морского пути в стихотворной форме в «Оде на день восшествия на престол Елисаветы Петровны»:

«Напрасно строгая природа
От нас скрывает место входа
С берегов вечерних на восток.
Я вижу умными очами:
Колумб Российский между льдами
Спешит и презирает рок» [Ломоносов, 1959: 502].

Ещё один интересный сюжет связан с термином *экономическая география*. Есть мнение о том, что ученые В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов положили начало русской экономической географии. Это утверждение основано на том, что в бумагах Ломоносова,

разобранных после его смерти, нашли список проблем, которыми он хотел бы заниматься в ближайшее время, среди них – «экономическая география» и «экономическая ландкарта». Больше об этом никаких упоминаний в его бумагах нет. Тем не менее, во многих проектах М. В. Ломоносова предусматривались темы, которые относятся к ведению современной экономической географии, особенно связанные с территориальным разделением труда и экономическим картографированием. Поэтому традиционно Ломоносов считается одним из основателей социально-экономической географии в России. Во всех своих работах он проводил идею изменчивости мира и взаимосвязи явлений и процессов. В числе прочего он создал специальные анкеты для получения физико-географических и экономико-географических данных для составления «Атласа Российского». Таким образом, фактически он занимался экономической географией, которая теснейшим образом взаимодействует с физической географией и сейчас и во времена Ломоносова.

Так, в статье «О сохранении и размножении Российского народа» свои рассуждения о социальных вопросах Ломоносов соотносил с физико-географическим пространством и природно-климатическими условиями России [Ломоносов, 2011: 277-293]. Эта работа посвящена демографии, социальным проблемам населения страны и, по существу, тому, что сейчас называют *народосбережением*. Из-за критического отношения Ломоносова к церковным обрядам статья вызывала недовольство цензуры и впервые целиком была опубликована только в 1871 г. В частности, он высказывался против крещения младенцев зимой в холодной воде, так как в российском холодном климате это приводило к высокой смертности и болезням новорожденных и, следовательно, сокращало численность населения: «Погружение в умеренной воде не без тягости младенцу, когда ж холодная вода со льдом охватит члены, то часто видны бывают признаки падучей болезни». Ломоносов утверждал это с полным основанием, подтвержденным не только научными фактами, но и его поморским опытом, жизнью в детстве и юности на Русском Севере и пониманием того, что на большой территории страны природные условия довольно суровые и распространена вечная мерзлота «замерзлая земля»: «обширные сибирские стороны, а особливо к ледовитому морю лежащие, ... землю в глубину около двух или трех футов во все лето замерзлую имеют».

Продолжая объяснение факторов, приводящих к сокращению населения, Ломоносов также видел большой вред в соблюдении Великого Поста в России в зимне-весеннее время, когда стоят холода, и недостаточно постных продуктов для полноценного питания населения, что тоже приводит к болезням и гибели людей. Он предлагал для сохранения

жизней перенести церковные праздники на другие месяцы в соответствии с нашими природными условиями, так как первоначально посты и праздники устанавливались в «Греции и в земле обетованной», т. е. совсем в другом климате и без мысли о России: «Я к вам обращаюсь, великие учителя и расположители постов и праздников: что вы в то время о нас думали, когда св. Великий пост поставили в сие время? Вы скажете: Располагая посты и праздники, жили мы в Греции и в земле обетованной, когда у нас полным сиянием вешнего солнца земное богатое недра отверзается, произрастает здоровыми соками наполненную молодую зелень и воздух возобновляет ароматными духами; поспевают ранние плоды, в пищу, в прохладение и в лекарство купно служащие; пеню нашему для славословия Божия соответствовали журчащие ручьи, шумящие листья и воспевающие сладкогласные птицы. А про ваши полуночные стороны мы рассуждали, что не токмо там нет и не будет христианского закона, но ниже единого словесного обитателя ради великой стужи» [Ломоносов, 2011: 287]. Для исправления этого недостатка Ломоносов, будучи уверенным, что «Российский народ гибок!» дал такой совет по переносу праздников и выразил его весьма эмоционально, используя резкие слова и просторечные обороты: «Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в дурное время пользуйтесь умеренно здоровыми пищаами. Для толь важного дела можно в России вселенский собор составить: сохранение жизни толь великого множества народа того стоит». Кроме этого Ломоносов призывал людей доказывать свою веру не соблюдением постов, а праведными поступками, и высказался с определенной долей сарказма, используя сниженную лексику и экспрессивные выражения: «А сверх того, ученьем вкорените всем в мысли, что Богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубивства вредными пищаами, но для воздержания от излишества, что обманщик, грабитель, неправосудный, мздоимец, вор и другими образы ближнего повредитель прощения не сыщет, хотя бы он вместо обыкновенной постной пищи в семь недель ел щепы, кирпич, мочало, глину и уголье и большую бы часть того времени простоял на голове вместо земных поклонов. Чистое покаяние есть доброе житие, Бога к милосердию, к щедроте и к люблению нашему преклоняющее...». И далее столь же экспрессивно осуждает пьянство и чревоугодие, которые пагубно влияют на «размножение российского народа»: «Христос воскрес! только в ушах и на языке, а в сердце какое ему место, где житейскими желаниями и самые малейшие скважины все наполнены. Как с привязу спущенные собаки, как накопленная вода с отворенной плотины, как из облака прорвавшиеся вихри, рвут, ломают, валят, опровергают, терзают.

Там разбросаны разных мяс раздробленные части, разбитая посуда, текут пролитые напитки, там лежат без памяти отягченные объядением и пьянством, там валяются обнаженные и блудом утомленные недавние строгие постники» [Ломоносов, 2011: 285].

Возвращаясь к оценке в целом стиля изложения в работах Ломоносова по естественным наукам, следует сказать, что они отличаются логической стройностью, широтой взглядов, понятностью, при этом он иногда использовал яркий, образный язык с применением выразительных стилистических средств и риторических приёмов. Например, в «Слове о пользе химии» он советовал химику-исследователю наблюдать свойства мельчайших частиц в химическом эксперименте так же внимательно, как влюбленный жених, следит за чувствами к себе своей невесты. Помимо такого метафорического сравнения Ломоносов сопровождал красочными эпитетами вполне строгие термины: «осторожная и догадливая геометрия», «точная и замысловатая механика», «проницательная оптика» [Ломоносов, 2011: 95].

С другой стороны, в научной речи Ломоносов мог употребить и просторечное слово, которые при этом точно обозначало суть наблюдаемого явления. Так, М. В. Ломоносову принадлежит открытие атмосферы Венеры. В 1761 году учёные наблюдали редкое астрономическое явление – прохождение Венеры по диску Солнца. Несмотря на несовершенство инструмента, М. В. Ломоносову удалось сделать открытие мирового значения, он обнаружил, что «...планета Венера окружена знатною атмосферою, таковою, какова обливается около нашего шара земного». Он описал кульминационный момент своего наблюдения, употребив слово *пупырь*: «При выступе Венеры из Солнца, когда передний край ея стал приближаться к солнечному краю, тогда появился на краю Солнца *пупырь*, коего округлость тем меньше становилась, чем далее Венера отступала. Наконец, вдруг оный *пупырь* пропал, и Венера показалась вдруг без краю» [Ломоносов 2011: 298]. Явление светового ободка (в Ломоносовской терминологии *пупыря*) отмечали и другие наблюдатели, но лишь М. В. Ломоносов понял, что он свидетельствует о наличии у Венеры атмосферы.

Работа «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской Императорской Академии Наук мая 26 дня 1761 года» написана как последовательный отчет о научном событии и в целом выдержана в довольно строгом нейтральном стиле. Однако, когда упоминается исторический спор о строении Солнечной системы и движении Земли, Ломоносов, осуждая суеверие, использует весьма экспрессивные языковые средства и даже включает в текст научного отчета шуточное стихотворение: «Древние астрономы (еще задолго до рождества Христова) признавали дневное Земли

около своей оси обращение и годовое около Солнца. ...Однако жрецы и суеверы тому противились и правду на много веков погасили... *идолопоклонническое суеверие держало астрономическую Землю в своих челюстях*, не давая ей двигаться, хотя она сама свое дело и Божие повеление всегда исполняла. Жаль, что тогда не было таких остроумных поваров, как следующий:

Случились вместе два астронома в пиру,
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: Земля, вертясь, круг Солнца ходит;
Другой – что Солнце все с собой планеты водит;
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: – Ты звезд течение знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?
Он дал такой ответ: – Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такого,
Который бы вертел очаг кругом жаркого? [Ломоносов, 2011: 301].

В трудах по естественным наукам есть примеры употребления Ломоносовым метафор, олицетворений и других фигур речи, однако он предупреждал, что украшениями речи следует пользоваться очень дозировано: «наблюдать должно, чтобы метафора была не чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова дают больше оной темноты, нежели ясности». Ломоносов советовал: «Кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва научиться говорить чисто и иметь довольство достойных и избранных речений к изображению своих мыслей» [Ломоносов, 1952: 237]. Этот же совет мы даём нашим учащимся применительно к их речи на иностранном языке и к их научным докладам на русском языке.

Заключение

М. В. Ломоносов – создатель «Российской грамматики», первой большой научной грамматики русского национального литературного языка, автор фундаментальных трудов по теории речи, ораторского искусства, им были заложены основы стилистики русского языка (знаменитая теория «трёх штилей») и в целом разработаны основы русской речевой культуры. Одну из своих главных задач Ломоносов видел в создании научных трудов на русском языке и в максимальной разработке научного русского языка, включая терминологию. Представленные в статье филологические темы являются глубоко изученными и базовыми для филологов, а для географов новыми, познавательными и поучительными. Поэтому именно на Ломоносовских уроках в рамках занятий по гуманитарной дисциплине «иностранный язык» можно и нужно обсуждать со

студентами-естественниками языковые проблемы в широком смысле, относящиеся и к изучаемому языку, и к русскому языку, и цитировать М. В. Ломоносова в оригинале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурдин С. М. Роль Ломоносова в создании естественно-научной терминологии на русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.00.00. Москва: Изд-во МГУ, 1952. 16 с.
2. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1982. 528 с.
3. Граудина Л. К. Кочеткова Г. И. Русская риторика. Москва: Центрполиграф, 2001. 669 с.
4. Кравцова В. И., Книжников Ю. Ф. От идей Ломоносова до современных технологий аэрокосмического зондирования // Ломоносов и география. Москва: Географический фак-т МГУ, 2011. С. 41-45.
5. Ломоносов М. В. Российская грамматика [соч.] Михайла Ломоносова. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1755. 214 с.
6. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1954. Т. 5. 757 с.
7. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1952. Т. 6. 694 с.
8. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1955. Т. 7. 997 с.
9. Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: Изд. АН СССР, 1959. Т. 8. 1288 с.
10. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Москва: Изд-во МГУ, М. 2011. 344 с.
11. Щерба Л. В. Культура языка // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 2. С. 114-118.
12. Morris A. S. Mikhail Lomonosov and the Study of Landforms // Transactions of the Institute of British Geographers. 1967. No 41. P. 59-64

REFERENCES

1. Burdin, S. M. (1952). *Rol Lomonosova v sozdanii estestvenno-nauchnoy terminologii na russkom literaturnom yazyke* [Lomonosov's role in the creation of natural science terminology in the Russian literary language]. avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.00.00. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).
2. Vinogradov, V. V. (1982). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on the history of the Russian literary language of the XVII–XIX centuries. Textbook]. 3-e izd. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.)
3. Graudina, L. K. Kochetkova, G. I. (2001). *Russkaya ritorika* [Russian rhetoric]. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
4. Kravtsova, V. I., Knizhnikov, Yu. F. (2011). Ot idey Lomonosova do sovremennykh tekhnologiy aerokosmicheskogo zondirovaniya [From Lomonosov's ideas to modern technologies of aerospace sensing]. In *Lomonosov i geografiya*. Moskva: Geograficheskiy f-t MGU. Pp. 41-45. (In Russ.)
5. Lomonosov, M. V. (1755). *Rossiyskaya grammatika* [Russian grammar] Sankt-Peterburg: Tip. Imp. Akad. nauk. (In Russ.)
6. Lomonosov, M. V. (1954). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moskva, Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 5. (In Russ.)

7. Lomonosov, M. V. (1952). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moskva, Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 6. (In Russ.)
8. Lomonosov, M. V. (1955). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moskva, Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 7. (In Russ.)
9. Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Moskva, Leningrad: Izd. AN SSSR. Vol. 8. (In Russ.)
10. Lomonosov, M. V. (2011). *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.)
11. Shcherba, L. V. (2000). Kultura yazyka [Culture of language] In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. No 2. Pp.114-118. (In Russ.)
12. Morris, A. S. (1967). Mikhail Lomonosov and the Study of Landforms. In *Transactions of the Institute of British Geographers*. No 41. Pp. 59-64.

Комарова Анна Игоревна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков для географического факультета, факультет иностранных языков и регионоведения (e-mail: aikomarova@gmail.com), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Komarova Anna I. – Doctor of Philology, Professor of Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Head of the Department of Foreign Languages for the Faculty of Geography (e-mail: aikomarova@gmail.com), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lomonosov Moscow State University» 1, Lenin Hills, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 09 января 2025 г.

УДК 81.111

© 2025 М. Ю. Кузьмина

ОТЧАЯНИЕ КАК ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА В РАССКАЗЕ Д. Г. ЛОУРЕНСА «THE BLIND MAN»

Статья посвящена формированию эмоциональной доминанты отчаяния в тексте англоязычной психологической прозы. На примере рассказа Д. Г. Лоуренса «The Blind Man» анализируются языковые средства, участвующие в создании данной доминанты. Фокусом внимания являются способы вербализации эмоционального состояния отчаяния, в число которых входят повторы носителей доминирующих текстовых смыслов на различных уровнях организации художественного текста.

Ключевые слова: эмоциональное состояние, отчаяние, эмоциональная доминанта, психологическая проза, лингвистическая репрезентация эмоций.

© 2025 M. Yu. Kuzmina

DESPAIR AS AN EMOTIONAL DOMINANT IN THE SHORT STORY «THE BLIND MAN» BY D. H. LAWRENCE

This article explores the formation of the emotional dominant of despair in the English-language psychological prose, using D. H. Lawrence's short story «The Blind Man» as a case study. It analyzes the linguistic techniques employed to create this dominant, focusing on how the emotional state of despair is verbalized. The discussion includes the repetition of key elements that convey dominant meanings at various levels of organization within the artistic text.

Key words: emotional state, despair, emotional dominant, psychological prose, linguistic representation of emotions.

Для начала стоит отметить, что в лингвистике, в отличие от психологической науки, такие базовые для настоящего исследования термины, как «эмоция», «эмоциональное состояние», «чувство», а также ряд других, описывающих компоненты эмоциональной сферы человека, в большинстве своем используются как тождественные понятия, обозначающие психические состояния человека, в целях избегания тавтологии, поскольку зачастую вопрос о полном разграничении упомянутых выше терминов в соответствии с их психологическими критериями не имеет основополагающего значения для исследований в области лингвостилистического анализа художественного текста.

Несмотря на то, что отчаяние не входит в состав т. н. базовых эмоций [Апресян, 2010; Изард, 2011; Kowalska, Wróbel, 2017], а потому нечасто попадает в фокус научных исследований в области психологии и лингвистики, оно однозначно представляет собой интерес для более детального изучения: это эмоциональное состояние способно выступать в роли эмоциональной доминанты целого художественного произведения, особенно произведения, принадлежащего к жанрам малообъемной прозы. Примером сказанного служит рассказ английского писателя, признанного мастера психологической прозы

Д. Г. Лоуренса «The Blind Man», вышедший в составе сборника «England, My England and Other Stories» (1922). Ограниченное языковое пространство психологического рассказа отражает одну из важнейших типологических черт текстов психологической прозы XX в., а именно преимущественно имплицитно-подтекстовый способ повествования, который в совокупности со сложностью моделируемого в нем внутреннего мира человека программирует широкий диапазон понимания авторской позиции интерпретатором [Щирова, 2003: 107].

Все художественные тексты по своему назначению принадлежат к эмотивному типу текстов, что обусловлено местом эмотем в их тематической структуре и иерархии коммуникативных задач в общем комплексе прагматических задач текста. Под эмоциональной доминантой, которая нередко становится объектом исследований психолингвистов и эмотиологов [Кинцель, 1998; Пашков, 2017; Пищальникова, 2003; Плохов, 2003; Роговская, 2004], при этом понимается доминирующее эмоциональное содержание и направление смыслообразования текста, главный компонент его эмоциональной семантики [Ионова, 2023: 16-17]. Формирование эмоциональной доминанты текста происходит за счет следующих механизмов:

- 1) накопление эмотивных элементов в структуре содержания текста;
- 2) распределение эмотивных элементов в структуре содержания текста;
- 3) актуализация эмоциональных элементов в тексте [Ионова, 2023: 22].

Обратимся к толкованию эмоционального состояния отчаяния, формирующего эмоциональную доминанту анализируемого художественного текста. Проведенный анализ как англоязычных, так и русскоязычных словарей позволил, во-первых, составить синонимический ряд лексической единицы *despair* 'отчаяние', в который вошли такие лексемы, как *hopelessness* 'безнадежность / безысходность', *desperation* 'отчаяние, ведущее к безрассудству', *despondency* 'угнетенность / удрученность', *discouragement* 'уныние / упадок духа' [Dictionary.com; Roget's Thesaurus, 2005: 228], а во-вторых, выделить следующие основные составляющие интересующего нас эмоционального состояния:

- 1) впечатление человека о непреодолимости грозящей ему опасности («a state of mind caused by circumstances that seem too much to cope with»);
- 2) состояние крайней безнадежности и безвыходности («the emotion or feeling of hopelessness, that is, that things are profoundly wrong and will not change for the better»);
- 3) чувство неизбежности, при котором слабеют силы для сопротивления («a state of deep gloom due to loss of hope and a sense of futility and resignation») [Ушаков; ЭСПП; Dictionary.com; OLD; CD и др.].

Главными героями анализируемого рассказа Д.Г. Лоуренса «The Blind Man» являются молодая супружеская пара – Изабель, которая находится на последнем месяце беременности, и Морис, потерявший зрение после войны. Супруги живут изолированно на ферме, не принимают гостей, однако, ожидают приезда давнего друга Изабель – Берти. Морис, в силу обретенных физических особенностей, со временем практически полностью отдаляется от социальных контактов и живет в своем замкнутом мире, куда выпускает только свою жену. Текст рассказа сосредоточен преимущественно на чувствах Изабель и ее попытках проанализировать свою нынешнюю жизнь, которая, хотя и кажется на первый взгляд весьма спокойной и умиротворенной, в глубине своей оказывается не настолько идеальной и гармоничной, насколько героиня пытается убедить в этом себя и окружающих. Так, прилагательное *happy* вместе с однокоренным существительным *happiness* встречается на протяжении всего текста рассказа порядка 11 раз: *Yet they had been very **happy*** [Lawrence, 2018: 67], *They were newly and remotely **happy*** [Lawrence, 2018: 68], *She professed herself quite **happy** and ready to receive Maurice's friends. She was **happy** and ready: the **happy** wife, the ready woman in possession* [Lawrence, 2018: 71], *[Isabel to Bertie]: 'We've been wonderfully **happy**, incredibly'* [Lawrence, 2018: 81], *<...> Isabel spoke of their **happiness** and nearness* [Lawrence, 2018: 81].

Автор показывает, что на фоне, казалось бы, общей удовлетворенности жизнью муж героини временами впадает в состояния глубокой депрессии (*devastating fits of depression* 'опустошающие приступы депрессивного состояния'), которые в свою очередь оказывают сильное влияние на его жену, и из которых ни он, ни она порой не видят выхода (см. одну из составляющих состояния отчаяния – безнадежность, безвыходность; *hopelessness*):

*But as time wore on, sometimes the rich glamour would leave them. Sometimes, after months of this intensity, **a sense of burden overcame Isabel**, a weariness, a terrible ennui, in that silent house approached between a colonnade of tall-shafted pines. Then she felt she would go mad, for **she could not bear it**. And sometimes he had **devastating fits of depression**, which seemed to lay waste his whole being. It was worse than depression – **a black misery**, when his own life was a torture to him, and when his presence was **unbearable** to his wife. The dread went down to the roots of her soul as these **black** days recurred. <...> She felt she would **scream with the strain**, and would give anything, anything, **to escape**. She longed to possess her husband utterly; it gave her inordinate joy to have him entirely to herself. And yet, when again he was gone in **a black and massive misery**, she **could not bear him**, she **could not bear herself**; she wished she **could be snatched away off the earth** altogether, anything rather than live at this cost* [Lawrence, 2018: 68].

Упомянутая выше депрессия образует единое семантическое поле с эмоциональным состоянием отчаяния [Roget's Thesaurus, 2005: 228], при этом отчаяние, наряду с безысходностью (*hopelessness*), может выступать и в качестве одного из симптомов депрессивного синдрома [ЭСП; АРА]. В одном семантическом поле с *despair* находится и существительное *misery* [Roget's Thesaurus, 2005: 228], которое дважды встречается в приведенном выше отрывке и модифицируется прилагательным *black*. Прилагательное *black* (*black misery*, *black days*, а также далее по тексту *black moods* [Lawrence, 2018: 69]), используемое автором трижды в анализируемой цитате, является еще одним маркером душевного состояния героев. Оно показывает отсутствие луча надежды в определенные моменты их жизни. Со временем эти моменты становятся все более продолжительными в противовес тем периодам радостного существования, которыми супруги наслаждаются в уединении. На состояние крайней степени эмоциональной напряженности, когда силы оказываются на исходе, а происходящее уже никак не может устраивать персонажа (см. одну из составляющих отчаяния – «слабеют силы для сопротивления»; *a sense of futility and resignation*), в рамках рассматриваемого микроконтекста указывает троекратный повтор отрицательной формы модального глагола *could not bear*, а также однокоренного по отношению к смысловому глаголу прилагательного *unbearable*, передающего тот же смысл, что и глагольное сочетание в целом. Обозначенная конструкция будет использована автором в тексте рассказа еще трижды для характеристики каждого из трех главных героев произведения. Так, похожее эмоциональное состояние настигает и Берти, друга Изабель, которого внезапно начинает тяготить новоприобретенная нежеланная дружба с Морисом. Чтобы подтвердить это, обратимся к микроконтексту, который завершает собой повествование, т. е. находится в сильной позиции текста [Арнольд, 2016: 69]:

But she was watching Bertie. She knew that he had one desire – to escape from this intimacy, this friendship, which had been thrust upon him. He could not bear it that he had been touched by the blind man, his insane reserve broken in. He was like a mollusc whose shell is broken [Lawrence, 2018: 93].

Состояние загнанности в угол жизненными обстоятельствами вызывает у Изабель не просто желание сбежать (оно маркируется глаголом *to escape*, как и при описании душевного состояния Берти в цитате выше), но и желание более интенсивное по степени выражаемых эмоций – *to be snatched away off the earth altogether* ‘быть полностью унесенной с Земли’, а также высвободить накопившиеся отрицательные эмоции – *she felt she would scream with the strain* ‘она чувствовала, что закричит от напряжения’.

Прямая номинация эмоционального состояния отчаяния встречается в тексте рассказа всего один раз:

*«Hello!» she answered cheerfully, straining her eyes to see him. He was still busy, attending to the horses near her, but she saw only **darkness**. It made her almost **desperate*** [Lawrence, 2018: 77].

Лексемы *dark / darkly / darkness* используются писателем 26 раз в тексте рассказа. Физическая темнота, которая окружает героев в поздний ноябрьский вечер (временной промежуток действия рассказа), образует психологический параллелизм не только с той буквальной крошечной тьмой, в которой теперь постоянно живет потерявший зрение Морис (недаром рассказ называется «The Blind Man»), но и с метафорической, душевной тьмой, в которую вслед за мужем погружается Изабель в силу их отрешенности от окружающего мира, наполненного разносторонними социальными контактами.

Описания природных явлений и состояний погоды в целом (так, одно только описание дождя встречается шесть раз) играют важную роль в тексте повествования и, будучи равномерно распределенными в структуре художественного текста, являются одной из составляющих эмоциональной доминанты отчаяния. Они создают непрерывный мрачный фон для разворачивающихся событий, поддерживают соответствующую атмосферу состояния отчаяния и, как детали внешнесобытийного ряда, являются индикаторами внутреннего мира персонажей:

*Her dearest and oldest friend, a man who seemed almost indispensable to her living, would drive up in the **rainy dusk of the closing November day*** [Lawrence, 2018: 67].

*Maurice was like **an ominous thunder-cloud*** [Lawrence, 2018: 71].

It was very dark. The wind was roaring in the great elms behind the outhouses. When she came to the second yard the darkness seemed deeper. She was unsure of her footing. She wished she had brought a lantern. Rain blew against her. Half she liked it, half she felt unwilling to battle [Lawrence, 2018: 75].

Последнее выделенное сочетание (*she felt unwilling to battle*) является прямой номинацией нежелания Изабель бороться с дождем и имплицитно ее общее эмоциональное состояние. В душе героини уже отсутствует желание бороться с трудными жизненными обстоятельствами и с мрачным настроением мужа, она понимает, что её сил для этого недостаточно (см. одну из составляющих отчаяния – «чувство неизбежности, при котором слабеют силы для сопротивления»; *a state of deep gloom due to loss of hope and a sense of futility and resignation*). Чувство неизбежности перед надвигающейся опасностью (см. одну из составляющих отчаяния – «впечатление человека

о непреодолимости грозящей ему опасности»; *a state of mind caused by circumstances that seem too much to cope with*) передается с помощью сравнения Мориса с еще одним природным явлением, – грозовым облаком, которое описывается автором как *ominous* – зловещее, угрожающее.

Состояние крайней тревожности героини – беспокойства за эмоциональное спокойствие и душевное равновесие мужа выражается в тексте совокупностью выразительных средств: параллельными конструкциями и парафразом, создающими нагнетающую атмосферу в виде повторяющихся вопросов («What would he do?»), – их героиня с периодичностью задает сама себе, но ответов на них найти уже не может:

She had her husband on her hands, a terrible joy to her, and a terrifying burden. The child would occupy her love and attention. And then, what of Maurice? What would he do? If only she could feel that he, too, would be at peace and happy when the child came! She did so want to luxuriate in a rich, physical satisfaction of maternity. But the man, what would he do? How could she provide for him, how avert those shattering black moods of his, which destroyed them both? [Lawrence, 2018: 69].

Внутреннее состояние главной героини описывается автором гораздо чаще, чем состояние ее супруга, и, тем более, чем состояние ее друга детства, однако читатели убеждаются: и Мориса, несмотря на то, что он уже успел свыкнуться и смириться со своей новой жизнью, настигает состояние безнадежности и покинутости:

But a childish sense of desolation had come over him, as he heard their brisk voices. He seemed shut out – like a child that is left out. He was aimless and excluded, he did not know what to do with himself. The helpless desolation came over him [Lawrence, 2018: 81].

В тексте рассказа встречаются также и следующие отрицательные по своей эмоционально-оценочной направленности лексические единицы: *fear* / *to fear* (четыре раза), *torture(d)* (два раза), *dread* (два раза), *pain* (два раза), *terror-struck* (один раз), *horror* (один раз), *anxiety* (один раз) и др., при этом стоит заметить, что такие проявления эмоциональной сферы человека, как страх (*fear*) и тревога (*anxiety*), относятся к одному спектру эмоций ожидания и прогноза наряду с отчаянием и волнением [Ильин, 2001: 159]. Имея схожую отрицательную заряженность, данные эмоции и чувства находятся в тесном контакте с эмоциональным состоянием отчаяния в тексте повествования, участвуя в своей совокупности в создании эмоциональной доминанты отчаяния.

Выводы

Эмотивные элементы, обозначающие как собственно эмоциональное состояние отчаяния, так и другие проявления эмоциональной сферы человека, входящие с ним в

одно семантическое поле, распределены автором с разной степенью плотности употребления по всему тексту рассказа, что способствует их накоплению в воспринимающем сознании адресата художественного произведения. Повторяющиеся слова, в том числе ключевые, к которым можно отнести, например, лексему *dark(ness)*, словосочетания (*could not bear*), синтаксические конструкции (*What would he do?*), художественные образы, как, например, ощущение загнанности в угол в совокупности с отчаянными попытками найти выход (*to escape*), выступают в роли носителей доминирующих текстовых смыслов и, являясь языковыми маркерами, на макроуровне (на уровне всего текста) участвуют в формировании эмоциональной доминанты «отчаяние».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2(20). С. 26-56.
2. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. 13-е изд., стер. Москва: Флинта, 2016. 384 с.
3. Изард К. Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург: Питер, 2011. 461 с.
4. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург: Питер, 2001. 752 с.
5. Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1. С. 13-27. DOI 10.15688/jvolsu2.2023.1.2.
6. Кинцель А. В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 1998. 177 с.
7. Пашков С. М. Языковое моделирование эмоциональной доминанты страха в неоготическом романе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Санкт-Петербург, 2017. 22 с.
8. Пищальникова В. А. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография. – Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2003. С. 117-120.
9. Плохов А. А. Психолингвистические особенности восприятия эмоциональной доминанты текста в ситуации межкультурной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ульяновск, 2003. 22 с.
10. Роговская Е. Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 2004. 19 с.
11. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 120 с.
12. Kowalska M., Wróbel M. Basic Emotions // Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds.) Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Springer, Cham. 2017. Доступ: https://www.researchgate.net/publication/318447136_Basic_Emotions. (дата обращения: 15.10.2024).

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Доступ: <https://ushakovdictionary.ru>. (дата обращения: 15.10.2024).
2. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. Доступ: http://psychology_pedagogy.academic.ru. (дата обращения: 15.10.2024). [ЭСПП].

3. APA (American Psychological Association) Dictionary of Psychology. Доступ: <https://dictionary.apa.org>. (дата обращения 15.10.2024). [APA].
4. Cambridge Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 15.10.2024). [CD].
5. Dictionary.com. Доступ: <https://www.dictionary.com>. (дата обращения 15.10.2024).
6. Oxford Learner's Dictionaries. Доступ: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (дата обращения: 15.10.2024). [OLD].
7. Roget 21st Century Thesaurus. 3rd Edition. USA: Bantam Dell, 2005. 977 p.

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Lawrence D. H. England, My England and Other Stories. Moscow, 2018. 246 с.

REFERENCES

1. Apresyan, V. Yu. (2010). Rechevye strategii vyrazheniya emotsii v russkom yazyke [Speech strategies for expressing emotions in Russian]. In *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. No 2(20). Pp. 26-56. (In Russ.).
2. Arnold, I. V. (2016) *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. 13-e izd., ster. Moskva: Flinta. (In Russ.).
3. Izard, C. E. (2011). *Psikhologiya emotsiy* [The Psychology of Emotions]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
4. Ilin, E. P. (2001). *Emotsii i chuvstva* [Emotions and feelings]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russ.).
5. Ionova, S. V. (2023). Emotsionalnaya dominanta teksta: nekotorye lingvisticheskie aspekty issledovaniya [Emotional dominant of the text: some linguistic aspects of the study]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. Vol. 22. No 1. Pp. 13-27. (In Russ.).
6. Kintsel, A. V. (1998). *Eksperimentalnoe issledovanie emotsionalno-smyslovoy dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora* [Experimental study of emotional-semantic dominant as a text-forming factor]: avtoref. diss. ... kand. filolo. Nauk: 10.02.19. Barnaul. (In Russ.).
7. Pashkov, S. M. (2017). *Yazykovoe modelirovanie emotsionalnoy dominanty strakha v neogoticheskom romane* [Linguistic modeling of the emotional dominant of fear in a neo-Gothic novel]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
8. Pischalnikova, V. A. (2003). Emotsionalnaya dominanta teksta: perevodcheskiy aspekt [Emotional dominant of the text: translation aspect]. In *Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya: kollektivnaya monografiya*. Volgograd: Izdatelstvo VGPU «Peremena». (In Russ.).
9. Plokhov, A. A. (2003). *Psikholingvisticheskie osobennosti vospriyatiya emotsionalnoy dominanty teksta v situatsii mezhyazykovoy kommunikatsii* [Psycholinguistic features of the perception of the emotional dominant of a text in a situation of interlingual communication]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Ulyanovsk. (In Russ.).
10. Rogovskaya, E. E. (2004). *Emotsionalnaya dominanta kak strukturoobrazuyushchiy komponent teksta perevoda* [Emotional dominant as a structure-forming component of the translation text]: avtor. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Barnaul. (In Russ.).
11. Shchirova, I. A. (2003). *Psikhologicheskiy tekst: detal i obraz* [Psychological text: detail and image]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy fakultet SPbGU. (In Russ.).
12. Kowalska, M., Wróbel, M. (2017). Basic Emotions. In Zeigler-Hill V., Shackelford T. (eds.) *Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Springer, Cham. Available at: https://www.researchgate.net/publication/318447136_Basic_Emotions. (accessed: 15.10.2024).

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Ushakov, D. N. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language.]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru>. (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
2. *Entsiklopedicheskiy slovar po psikhologii i pedagogike* [Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy.]. Available at: http://psychology_pedagogy.academic.ru. (accessed: 15.10.2024). (In Russ.).
3. *APA (American Psychological Association) Dictionary of Psychology*. Available at: <https://dictionary.apa.org>. (accessed: 15.10.2024).
4. *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org>. (accessed: 15.10.2024).
5. *Dictionary.com*. Available at: <https://www.dictionary.com>. (accessed: 15.10.2024).
6. *Oxford Learner's Dictionaries*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>. (accessed: 15.10.2024).
7. *Roget 21st Century Thesaurus*. 3rd Edition. USA: Bantam Dell, 2005.

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Lawrence, D. H. (2018). *England, My England and Other Stories*. Moscow.

Кузьмина Марина Юрьевна – ассистент
кафедры английского языка
и лингвострановедения
(e-mail: charoitmermaid@gmail.com),
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»
191186, Санкт-Петербург,
набережная реки Мойки, 48

Kuzmina Marina Yu. – Assistant of English
and Cultural Studies Department
(e-mail: charoitmermaid@gmail.com),
Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Education «Herzen State Pedagogical
University of Russia»
48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186

Поступила в редакцию 01 ноября 2024 г.

УДК 81.42

© 2025 С. Г. Николаев, Л. Н. Бережанская

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ФЕМИННО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДКАСТ В ТРИАДЕ «ДИСКУРС – ТЕКСТ – ЖАНР»: КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ

Статья представляет собой попытку лингвистического осмысления коммуникативной природы англоязычного подкаста – сетевого феномена, возникшего в первой четверти XXI века. Избран классификационный подход к анализу феминно-ориентированных психологических подкастов с позиций теории дискурса, теории текста, генристики. Отделяя подкаст от смежных сетевых явлений, авторы предлагают его рабочую дефиницию, определяют коммуникативную сущность в триаде «дискурс – текст – жанр», намечают перспективы дальнейшего исследования.

Ключевые слова: англоязычный подкаст, психологический подкаст, сетевая коммуникация, дискурс, текст, жанр, субъект дискурса, объект дискурса, разноуровневая контаминация.

© 2025 S. G. Nikolaev, L. N. Berezhanskaya

AN ENGLISH-LANGUAGE FEMININE ORIENTED PODCAST WITHIN THE DISCOURSE – TEXT – GENRE TRIAD: A CLASSIFICATORY CHARACTERIZATION OF THE COMMUNICATIVE EVENT

This paper attempts to provide a linguistic conceptualization of the essence of an English-language podcast, a web-based phenomenon of the 21st century's first quarter. A classificational approach is used in the analysis of feminine oriented psychological podcasts from the standpoint of the discourse theory, text theory and the theory of genres. Detaching the podcast from adjacent web phenomena, the authors propose its operational definition, specify its communicative nature within the discourse – text – genre triad, outline further prospects of investigation.

Key words: English-language podcast, psychological podcast, web communication, discourse, text, genre, subject of discourse, object of discourse, split-level contamination.

Введение. Постановка проблемы

Подкаст – сравнительно новая, динамичная, пребывающая пока в стадии своего становления и развития, но при этом уже достаточно распространенная форма сетевой коммуникации. К настоящему времени подкаст закрепился в медиaprостранстве и прочно занимает собственную нишу на общемировом медиарынке. Особой популярностью это явление пользуется в англоязычных странах, прежде всего в США, где оно и зародилось. Подкаст – не только инструмент массовой коммуникации, но еще и способ продвижения брендов, товаров, услуг, привлечения новой аудитории.

Широкая известность подкаста в начале 2000-х гг. была связана с именами разработчика и блогера Дейва Уайнера (*Dave Winer*), создавшего технологию RSS для

загрузки аудиофайлов и их дальнейшего распространения, оформления подписки и/или скачивания, и ведущего Адама Карри (*Adam Curry*), который первым выпустил аудиопрограмму нового формата. Номинация *podcasting* образована путем блендирования – стяжения английских лексем *ipod* (название плеера от компании *Apple*) и *broadcasting* (трансляция); она закрепилась за феноменом после выхода в 2024 г. в газете *The Guardian* статьи журналиста Бена Хэммерсли (*Ben Hammersley*), см. [Son, 2023]. Таким образом, слово *podcast* / *подкаст* стало обозначать продукт процесса – подкастинга. Особых объемов в выпуске и потреблении данный медиаконтент достиг во время пандемии 2020-2022 гг. Помимо увеличения используемого интернет-контента в указанный период, на рост популярности повлияла заметная простота в производстве подкастов и их востребованность в условиях самоизоляции. С позиций восприятия содержания подкаста его стремительное распространение обусловлено такими факторами субъективного и объективного порядка, как сближение автора с реципиентом («особенный» голос подкастера); интерактивность, обеспеченная платформой с обратной связью и секцией комментариев слушателей; удобство и портативность загрузки аудиофайлов [Frigo, 2022].

Несмотря на сложившуюся, хотя и непродолжительную историю подкаста, точной, лаконичной, исчерпывающей и универсальной дефиниции феномена до сих пор нет. Множественность формулировок, наблюдаемая за время существования данного медиапродукта, обусловлена постоянным развитием технологий, непосредственно влияющих на медиапроизводство. Помимо этого, интерпретация подкаста как сложного, многоаспектного коммуникативного феномена во многом зависит от индивидуального исследовательского фокуса при междисциплинарном подходе к изучению.

На сегодняшний день подкаст сравнительно подробно рассматривался как единица СМИ; имеются также работы, анализирующие его в лингводидактическом аспекте. На этом фоне наблюдается низкая степень научного осмысления природы подкаста с позиций коммуникативистики; недостаточно разработана и проблематика, связанная с подкастом как феноменом общей теории языка. Наконец, заметную исследовательскую лакуну составляют феминно-ориентированные подкасты как объект специального изучения. Все сказанное обеспечивает актуальность настоящей работы, которая, по мысли авторов, призвана восполнить, хотя бы отчасти, образовавшиеся пробелы.

Итак, комплексной целью статьи выступает разработка по возможности полной многоаспектной классификационной характеристики феминно-ориентированного подкаста как новейшего феномена современной сетевой коммуникации. Цель определяет следующие задачи: установить основные характерологические черты подкаста путем

выявления формальных и содержательных «точек соприкосновения» и отличительных признаков между подкастом и смежными с ним форматами массовой коммуникации; с опорой на мнения предшествующих исследователей отделить подкаст от близких («пограничных») медиапродуктов и предложить собственное рабочее определение феномена подкаста; описать и систематизировать дискурсивные характеристики типичного феминно-ориентированного англоязычного психологического подкаста; проанализировать его текстовые характеристики; предложить жанровую трактовку явления в рамках теории дискурса и структурно-тематическую его интерпретацию с позиций теории текста; обозначить вероятные перспективы дальнейшего исследования выбранной разновидности подкаста.

Среди примененных методов исследования важнейшими выступают описательный и классификационный, реализованные посредством обобщения, систематизации, сопоставления формальных и содержательных признаков изучаемого явления.

Материалом послужил подкаст Эммы Тейтел (*Emma Teitel Women Today*), состоящий из 46 эпизодов средней продолжительностью от 30 до 60 минут, выпущенных в период с октября 2020 по апрель 2023 гг. [Women Day]. Данный подкаст репрезентативен: он демонстрирует черты большинства подкастов американских специалистов-психологов, где обсуждается проблематика, актуальная для женщин (всего в мировой сети нами обнаружено 15 подобных подкастов).

В отечественной науке подкаст квалифицируют и как архив радиопередач [Игнатова, 2022: 77], и как тематический аудиоблог [Рыбальченко, 2020], такое общее понимание трудно признать предельно корректным. Действительно, подкастинг основывается на аудиальном канале коммуникации, однако обладает и рядом специфических черт [Дорофеева, 2018: 195].

Так, например, аудиоблог является термином более широкого порядка и подразумевает посты с аудиоконтентом любого формата, в том числе голосовыми сообщениями, музыкой и подкастами. От радиопередач (как оффлайн-, так и онлайн-формата) исследуемый нами феномен отличается тем, что он должен размещаться исключительно в сети Интернет, а доступ к контенту может осуществляться посредством платной подписки на сервис размещения. К радиопередачам же предъявляются более серьезные, «жесткие» требования как к СМИ с самых разных позиций: информативности, качества звука, профессионализма ведущих, периодичности, времени выпуска и пр. Подкасты могут быть выпущены в сеть в любое время по усмотрению автора,

регулярность выпусков не имеет принципиального значения. Кроме того, данный медиапродукт, как правило, разделён на сезоны, каждый сезон характеризуется тематическим единством и цельностью, объединяющими группу выпусков, или эпизодов [Дорофеева, 2018: 195].

Необходимость выделения подкаста как самостоятельной структурно-содержательной единицы СМИ косвенно подтверждается появлением так называемых водкастов (от англ. *vodcast* = *video* + *podcast*), подтипа исследуемой медиаединицы, в которой звуковую составляющую сопровождает видеоконтент [CD, 2021-2024].

Таким образом, подкаст есть уникальное коммуникативное явление, самостоятельная структурно-содержательная медиаединица, обладающая рядом специфических черт. Наиболее общее толкование данного феномена, основанное на анализе соответствующих научных работ и данных онлайн-словарей, также на авторских наблюдениях, может быть представлено следующим образом: *подкаст – это цифровая мультимедийная развлекательно-образовательная программа, включающая в свою структуру аудио- и видеоконтент, обладающая характеристиками традиционных радиопрограмм или телешоу и доступная в сети Интернет для автоматической загрузки и воспроизведения на различных устройствах – компьютерах, телефонах, мультимедийных проигрывателях и пр.* При этом, исходя из целей и материала исследования, мы сосредотачиваем внимание исключительно на аудиоконтенте англоязычного феминно-ориентированного подкаста.

Обсуждение и результаты

Определенная группа подкастов, представляя собой специфическое коммуникативное событие, естественным образом инициирует и формирует особое дискурсивное пространство. Под дискурсом мы, вслед за В. Е. Чернявской, понимаем интегративную совокупность речевых актов [Чернявская, 2009: 143-147]. При типологизации таких актов, а следовательно, и самого дискурса применяются различные дискурсообразующие параметры:

- социальные взаимоотношения коммуникантов;
- коммуникативная тональность;
- канал реализации дискурса;
- способ и цель коммуникации;
- жанрово-стилевая соотнесенность;
- интенции и потребности индивида;

- коммуникативная сфера;
- научная традиция и доминирующие теоретико-методологические подходы [Сухомлинова, 2015: 153].

Исходя из наиболее актуальных в рамках нашего исследования параметров, отобранный нами подкаст *Women Today* относится одновременно к акустическому (устному) и электронному, или цифровому (поскольку функционирует в сети Интернет), типам дискурса в соответствии с каналом коммуникации [Кибрик, 2009: 5; 9]. По форме реализации дискурс подкаста бывает монологическим или диалогическим в зависимости от эпизода (иными словами, здесь тип обусловлен участием или отсутствием гостя в процессе обсуждения). С позиций социолингвистики *Women Today*, как и любой иной подкаст, относится к массово-информационному (массмедийному) дискурсу [Карасик, 2009: 279]. Тематика подкаста обуславливает принадлежность контента к популярному психологическому дискурсу, а сфера употребления – к медиадискурсу [Ахмерова, 2015: 21]. Под последним понимается «совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская, 2020: 110].

Отдельный интерес представляет подход к дифференциации дискурса на основе жанрово-стилистической разновидности речевых актов. Функциональная стилистика относит подкасты такого рода к научно-популярному подстилю (подробнее об этом см. [Бережанская, 2024]). Применение данного дифференцирующего типологического признака способно привести к некоторому размыванию понятий «научно-популярный функциональный стиль» и «научно-популярный дискурс». Разделяя точку зрения Е. Н. Василенко, согласно которой «дискурс и речевой жанр находятся между собой в родовидовых отношениях», «представляют собой понятия разного уровня» [Василенко, 2017: 102], считаем указанный метод типологизации непродуктивным. Научно-популярный подстиль может быть представлен несколькими типами дискурса и, наоборот, один и тот же дискурс может предполагать заметную стилевую контаминацию.

Особая дискурсологическая природа непосредственно взаимосвязана с форматом подкаста, под которым понимается специфические формальные признаки коммуникативного акта (тип информационного канала, целевая аудитория, структура контента и пр.), выступающие в качестве меры соответствия какого-либо информационного продукта ключевым признакам, определяющим популярность продукта на медиарынке [Лазутина, 2010: 21]. Эпизоды *Women Today* относятся к разговорным

форматам подкастов [Дзен, 2020], в частности, к интервью и монологу.

К ранее перечисленным дискурсивным признакам *Women Today* следует добавить феминную ориентацию контента, поскольку целевой аудиторией медиапродукта выступают преимущественно женщины, нуждающиеся в психологической поддержке.

Феминная ориентированность данного дискурса эксплицитно заявлена самим автором подкаста и сообщается слушателям в интро-эпизоде (трейлере):

I'll be creating four different types of episodes for you all. Some will be interviews with professional experts and all-around amazing humans who will share their wisdom and perspective on women's inner lives. Others will be stories from women about how they have traversed their inner landscapes, particularly when faced with complex challenges or issues. I will also be creating episodes where I teach and talk about themes that I know so many women are dealing with. I will offer practical tools and practices for dealing with these struggles, as well as more philosophical reflections on the issues we face... [Women Day]. Здесь и далее все скрипты устных презентаций подкастов наши. – Л. Б.

Здесь также видим элементы психологического дискурса, то есть своеобразную стилевую контаминацию, имплицитно отраженную в таких метафорических единицах речи, как *inner lives* и *traversed their inner landscapes*: психология как наука неразрывно связана с исследованием внутреннего мира и состояния человека.

Приведем еще один пример.

Hello and welcome back everyone to another episode of the podcast. I'm really excited to be introducing Ellen Boeder to you all today. Ellen is a psychotherapist and coach. She is a wife and a mother. She specializes in supporting couples primarily at this stage in her career, but she spent the majority of her earlier career focused on women and women's issues. She is trained at Level 3 of the Psychobiological Approach to Couples Therapy, which is a body of work founded by Doctor Stan Tatkin. And she is also a faculty at The Relationship School, which is a wonderful organization founded by her husband, Jayson Gaddis. And together they both teach courses on the Deep Psychology of Intimate Relationship, as well as a Present-Centered Couples Coaching Training for those people who want to learn how to coach couples themselves [Women Day].

В данном отрывке также прослеживается интеракция с психологическим дискурсом, реализованная посредством введения в базовый дискурс терминологического аппарата психологии: *psychotherapist, coach, Psychobiological Approach to Couples Therapy, Deep Psychology of Intimate Relationship, Present-Centered Couples Coaching Training* и др.

Подобная дискурсивная контаминация подтверждает не только синкретичность подкаста, но и правомерность взгляда на исследуемое явление как на гипердискурс. Гипердискурсивность трактуется нами в данном случае как тесная интеракция нескольких сходных в тематико-содержательном отношении типов дискурса, функционирующих в ходе коммуникации как одновременно, так и последовательно. Соответственно, упоминаемый в настоящей работе гипердискурс может быть охарактеризован как

медийный психологический интернет-дискурс, реализуемый с научно-популярной функционально-стилевой доминантой.

С точки зрения дискурс-анализа примечательны следующие слова подкастера:

This podcast is not intended to be a replacement or substitute for mental health treatment of any kind. It is instead intended to be an uplifting, nourishing and educational resource to inspire you and keep you company as you navigate your own unique [Women Day].

Здесь автор подтверждает познавательную (*nourishing and educational*) и развлекательную (*uplifting, to inspire, keep you company*) направленность продукта, в целом свойственную гипердискурсу подкаста [Шутова, 2023: 154].

С позиции медиалингвистики подкаст *Women Today* характеризуется:

- интерактивностью (возможность обратной связи с автором, оценить эпизод на хостинг-платформе, добавить в раздел «избранное», скачать и пр.; ответ автора на вопросы слушателей);

- адаптивностью (гибкостью с точки зрения временной продолжительности эпизода, а также возможность преобразования тематической наполненности продукта в зависимости от полученной обратной связи);

- конвергенцией (слиянием и объединением различных форм, жанров, методов и функций СМИ в одном формате);

- мультимедийностью (информация на подкастинговых сервисах представлена гипермедийно – звуковым рядом, текстом, изображением, анимацией и пр.);

- гипертекстуальностью (возможность переключаться между эпизодами и разделами подкаст-сервиса по ссылкам внутри медиапространства), см. [Потапов, 2023: 137].

Таким образом, наиболее полное представление о специфике манифестации подкаста *Women Today* с позиций теории дискурса и теории языка в целом возможно только с учётом гипердискурсивности феномена и особенностей его формата. При этом в лингвистическом исследовании дискурсивной специфики подкаста нельзя игнорировать и текстологический аспект, поскольку понятия «дискурс» и «текст» коррелируют и зависят друг от друга: текст генерируется в процессе речи, которая и составляет дискурс; текст представляет собой продукт дискурса, т. е. отражает итог развертывания дискурса, или результат речи [Савицкий, 2022: 3-4].

Конкретизируя данную взаимосвязь на примере СМИ, Н. Е. Булаева считает медиатекст дискретной единицей медиадискурса и говорит о том, что такая медиаединица «разделяет информационные потоки на части»; это, в свою очередь, способствует структуризации и делает возможным анализ передаваемой информации» [Булаева, 2021: 152]. Специфика

подкаста *Women Today* как медиатекста, помимо его мультимедийности, заключается в массовости – социально-ориентированной коммуникации между ведущей и слушателями; интегративности (поликодовости) – имплементации и объединении в едином семиотическом пространстве идеологических, культурных, стилистических, жанровых и прочих кодов; открытости – свободе интерпретации, интертекстуальности и пр. [Казак, 2012: 32].

Т. Г. Добросклонская предлагает следующую типологию при описании медийных поликодовых текстов:

- 1) по способу создания (авторские или коллегиальные);
- 2) по форме создания (устная или письменная);
- 3) по форме воспроизведения (устная или письменная);
- 4) по каналу распространения (печатные, радионные, телевизионные, сетевые);
- 5) по функционально-жанровому типу текста;
- 6) по принадлежности к универсальному медиатопику и тематической доминанте

[Добросклонская, 2020: 34-35].

Отметим, что перечисленные параметры могут быть экстраполированы на медиадискурс вообще ввиду существующей дихотомии «дискурс–текст».

Текстологический подход позволяет классифицировать эпизоды *Women Today* как:

– авторские по способу создания: несмотря на возможность присутствия других субъектов коммуникации и кажущейся коллегиальности, подкаст является принципиально авторским продуктом;

– комбинированные (и устные, и письменные) по форме создания: подкастеры, как правило, пишут скрипт (сценарий) повествования, но в ходе записи подкаста могут импровизировать;

– устные по форме воспроизведения;

– сетевые по каналу распространения, что следует из самой дефиниции феномена подкаста.

Жанровая принадлежность каждой такой поликодовой медиаединицы представляет отдельный интерес с позиции текстологии. Во-первых, жанр определяет структурно-содержательные характеристики текста, то есть обуславливает тематическую доминанту. Во-вторых, жанр способствует оптимизации восприятия продукта речи читателем. Обратим внимание: понятие жанра в данном случае экстраполируется не на формат подкаста, а именно на текст. В текстовом пространстве подкаста, в его протяженности, развитии, ключевых положениях, структуре, жанр прослеживается наиболее отчетливо. В то же время формат подкаста, как правило, отражает его жанровую специфику.

Подкастер как активный субъект дискурса отдаёт предпочтение тому или иному жанру будущего контента исходя из выбранного формата и темы подкаста, а также с учётом своей целевой аудитории. При этом, независимо от выбранного жанра, существует линейная связь между жанром и указанными жанрообразующими переменными. Изменение жанровых характеристик текста может привести к метаморфозам всех указанных параметров и модификации конечного продукта.

Понятие «жанр» многоаспектно, в связи с чем при анализе жанровой специфики подкаста мы выбираем принципиально комплексный подход [Хомутова, 2006: 60-62], совмещающий взгляды отечественных и зарубежных представителей генристики. Среди материалов, послуживших основой разработанной нами дефиниции, отметим идеи стилистического / функционального исследовательского направления (их основы были заложены ещё М. М. Бахтиным) и лингвокультурологического / концептуального направления [Слышкин, 2004]. На понимание жанра повлияли также разработки зарубежных исследователей – Сиднейской школы, основанной на принципах системно-функциональной лингвистики [Martin & Rose, 2009], и Северно-американской риторической школы [Bawarshi, 2003]. Таким образом, в нашей работе речевой жанр представляет социально, культурно и ситуативно обусловленный специализированный и целеориентированный род высказывания-текста, обнаруживаемый в различных коммуникативных событиях, детерминированный каналом общения и характеризуемый относительно устойчивыми и повторяемыми содержательно-формальными признаками – композиционной структурой, стилем, характером содержащейся информации и её эмоциональной окраской [Дементьев, 2024: 11-14]. Такая дефиниция видится нам наиболее исчерпывающей и продуктивной при исследовании жанровой принадлежности женских психологических подкастов, так как совмещает в себе как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, а также обеспечивает возможность не только обобщенного, но и глубинного исследования жанра медиапродукта как активной структуры.

Подобно текстологическому подходу, с позиций генристики жанр подкаста *Women Today* может быть охарактеризован следующим образом:

- по каналу общения: устный;
- по субъекту речи: индивидуальный или коллективный (автор может продуцировать монологическую речь или создавать полилог с приглашенным гостем / гостями);
- по условиям коммуникации: естественный, так как чаще всего имитирует

непринужденную беседу, устное повествование;

- по объекту речи: полиадресный, так как предполагает массовую коммуникацию и довольно обширную, пусть и гендерно-ограниченную, целевую аудиторию;

- по стилю: нехудожественный;

- по первоисточнику: первичный (вновь созданный текст в отличие от вторичного, предполагающего переосмысление уже существующего текста);

- по композиционно-речевой форме: рассуждение с элементами описания;

- по прагматической установке: информативный;

- по сфере общения: контаминированный (научный, разговорный, публицистический жанры), см. [Богин, 1997: 14; 16-17].

Таким образом, жанровая детерминация подкаста зависит от целого ряда факторов, причем зачастую наблюдается комбинаторный принцип, т. е. смешение традиционных жанров с прагматической целью повышения уровня уникальности контента и, следовательно, потенциального расширения аудитории.

Наиболее подробно подходы к типологизации жанров описаны в работе Т. Н. Хомутовой, где жанр рассматривается как сложная многомерная иерархическая система, исследуемая с позиций структурного, функционального, коммуникативного, прагматического и семантического / содержательного подходов [Хомутова, 2006: 62].

Структурная типология основана на композиционной суперструктуре текстов. В подкасте *Women Today*, как и в большинстве медиапродуктов данного типа, она состоит из вступительной части – *intro*, основной части – *main content*, и заключительной части – *outro*. Вступительная часть повторяется из эпизода в эпизод и сопровождается джинглом (в данном случае – одним и тем же музыкальным оформлением речи, выполняющим роль вступления). Пример:

играет джингл

I believe that what we do as women in the privacy of our own minds is the single greatest determinant of our lives. I'm Emma Title and you are listening to the Women Today podcast where we are unpacking and investigating the new female psychology. I am a psychotherapist, coach and teacher who is passionate about women's internal and external freedoms. You are in the right place if you want to hear in-depth stories about women's lives. On this show, we dig deep into the minds and hearts of women to understand what it really takes to heal, to grow, and to experience psychological freedom so that we can create lives of authenticity, fulfillment and contribution. This is a place to receive nourishment, inspiration, and guidance as we continue to show up for the complexity and nuance of our lives as women. I'm so glad that you're here and let's get started with today's episode.

играет джингл [Women Day].

Вступление не только актуализирует для зрителя тематику общего повествования

(психология – *we are unpacking and investigating the new female psychology*), но и подчёркивает, какой именно аудитории контент будет интересен, с помощью очевидной доминирующей женской гендерно-тематической обусловленности, выраженной в данном отрывке речевыми единицами: *female psychology, women's freedoms, stories about women's lives, minds and hearts of women, complexity and nuance of our lives as women*.

Далее автор вводит часть вступления, уникальную для каждого эпизода:

Hello and welcome back everybody! I am really excited to be sharing today's interview guests with you, Mindi K. Counts. She is an integrative medical practitioner and five-element acupuncturist. She's the co-founder of the Inner Ocean Center for Healing, a keynote speaker, retreat leader and teacher. Mindi is the author of Everyday Chinese Medicine and a contributing author to The Trauma Toolkit and Singing Our Hearts Song. She's the founder of the international non-profit Inner Ocean Empowerment Project, which provides holistic health care and education through volunteer service missions to underserved populations around the world and in the US [Women Day].

В подкастах принято озвучивать профессиональную характеристику гостей, и в текст вводятся лексемы, связанные с родом деятельности собеседника: *an integrative medical practitioner, five element acupuncturist, co-founder, keynote speaker, retreat leader, teacher, contributing author, graduate* и т. п.

Заключительная часть также состоит из уникальной и повторяющейся частей.

– I know that we're coming to the end of our time together, Mindi. And this has been such a rich conversation and I wanna make sure people know how to get connected with you and your work. So, if you could just – It'll all be in the show notes – but if you could just let people know where to find you, that would be amazing.

– Sure! The best way to find me is on my website, which is Mindicounts.com. That's M-I-N-D-I-K-C-O-U-N-T-S dot com. You can contact me there. There's lots of resources on my site. <...>

– OK. Thank you so much, Mindi. So, my final question is, if I handed you a microphone and told you that every single woman in the world could receive your message, what would you want them to hear? I think... There are a few things, ha-ha-ha-ha... But above all, I would say I want them to hear that they matter. I want them to know that they are important, that they came here with something to do. And that they belong here.

– Thank you so much, Mindi, for contributing your time and wisdom to us today. I'm so grateful.

– Thank you for having me [Women Day].

Приведенный отрывок является условно спонтанным, симулирующим неподготовленную устную речь: гость якобы импровизированно отвечает на заранее заготовленные вопросы ведущего. Коммуникативные единицы *what would you want them to hear?*, *Thank you so much, Mindi, for contributing your time and wisdom to us today*, *If you could just let people know...* указывают на то, что данный подкаст является по своей сути продуктом массовой коммуникации. Местоимение *us* создаёт впечатление интеграции

слушателя в единое, равноправное сообщество.

Отметим также повторяющуюся схему восходящей интонации в конечных синтагмах данных коммуникативных единиц, подразумевающую незаконченность мысли, приглашение к дискуссии или к ее продолжению.

В тексте также примечательно использование спеллинга, особого приема устной речи, в котором воспроизводится графический облик лексемы (*M-I-N-D-I-K-C-O-U-N-T-S – dot – com*), что является характерным признаком англоязычного устного дискурса. Данные лексическо-семантические единицы могут быть квалифицированы как контактоустанавливающие, они направлены на получение обратной связи. То же можно сказать и о типовом абзаце текста в заключительной части любого эпизода:

– Thank you so much for listening to the Women Today podcast. If you liked this episode, please subscribe to the podcast and take a moment to leave a rating and a review. The more five-star ratings this podcast gets, the more easily women around the world will be able to access this valuable information [Women Day].

Императив в этом высказывании используется с целью вовлечения слушателей и активизации интерактивности, мультимедийности медиаконтента. Эпитет *valuable* подчёркивает значимость содержательной стороны контента, ее повышенную информативность для слушателей.

Наиболее адекватной при исследовании подкастов, однако, мы считаем семантическую типологию, в основе которой – тематическо-содержательный дифференцирующий компонент. Ввиду очевидно обширного тематического пласта подкастов создание универсальной классификации при данном подходе не представляется возможным. Одна из наиболее общих классификаций на основе анализа стриминговых сервисов *Apple Podcast* и *Spotify* (раздел подкастов) представлена Али Приякорном. Ученый обобщает известные жанры и субжанры подкастов (которые на самих платформах чаще именуются «категориями») и предлагает следующую классификацию:

- общество и культура;
- бизнес и менеджмент;
- искусство и развлечение;
- образование;
- образ жизни и досуг (*leisure*);
- здоровье и фитнес;
- спорт и отдых (*recreation*);
- новости и политика;
- музыка;
- наука и технологии;
- религия и духовность (*spirituality*);
- «истории» (*stories*) [Priyakorn, 2023: 22-23].

Отметим, что данная классификация может быть расширена, т. е. включать в себя

субкатегории более частного порядка, узкотематические. С другой стороны, наоборот, тематическая классификация может быть обобщена и основана на макрокатегориях, если исходить из целей и задач исследования.

Принимая во внимание общую проблематику освещаемых тем, феминно-ориентированный подкаст следует отнести к жанру «психология» – с той оговоркой, что он являет прецедент субжанра внутри макрожанра «здоровье». Такая иерархия в классификации обусловлена общепринятым пониманием здоровья не только как физиологического, но и психического благополучия (в соответствии с положениями Всемирной организации здравоохранения).

Правомерность рассмотрения подкаста с позиций указанной макрокатегории подтверждается обозначенными на подкаст-сервисе категориями (жанрами) – *Health*, *Fitness*, *Mental Health* и *Education*, где *Health* является условным гиперонимом для понятий *Fitness* и *Mental Health*. Кроме этого, данной типологии соответствуют и заголовки эпизодов *Women Today: How to Revitalize Our Health with Natural Foods with Chef Maria Cooper*; *Unpacking Women & Health*; *Women's Health*; *Integrative Medicine & Hormones with Dr. Sara Gottfried* и пр.

Заключение

Таким образом, нами были выявлены следующие базовые дискурсообразующие параметры для англоязычных феминно-ориентированных психологических подкастов: устная форма реализации; обязательное размещение и, следовательно, функционирование текста в Интернет-пространстве, общедоступность материалов для широкой публики, т. е. ориентация на массовую коммуникацию. Также наблюдается неизбежная контаминация, проявляемая на уровнях дискурса, жанра, текста. В частности, фиксируется смешение характеристик спонтанной и подготовленной речи; массмедийного, психологического и сетевого дискурсов, публицистического, научного и разговорного жанров. Контаминация делает предъявляемый контент уникальным, разнообразным, запоминающимся, действенным.

Кроме того, примечательна тесная взаимосвязь понятий триады «дискурс – текст – жанр», обусловленная заданным форматом подкаста при типологизации медиавывления с дискурсивной и текстологической позиций. В обоих случаях наиболее релевантной и целесообразной выступает типология, основанная на структурном, содержательном, функциональном подходах.

Подкастинг – адаптивный процесс, в котором конечный результат обусловлен целым рядом экстралингвистических факторов, среди которых ключевыми являются

национально-культурные особенности субъектов коммуникации, выбранная целевая аудитория, рейтинг отдельно взятых эпизодов, хронологические особенности релиза продукта и осознанная стратегия создания формата.

25-летняя история существования и функционирования подкастов, их популярность среди женщин-неспециалистов в области теоретической и практической психологии обусловила исследовательский интерес к текстовой компоненте медиапродукта со стороны лингвистов.

В перспективе видятся как минимум три направления в исследовании феминно-ориентированных англоязычных подкастов. Это, прежде всего, гендерный аспект в уяснении коммуникативной специфики дискурса; это осмысление пассивно-активных ролей участников дискурса – ведущего (персуазивность высказывания), гостя (информативность высказывания), слушателя (скрытая интеракция с «третьей стороной»); и это анализ конкретных приемов и средств речевого воздействия при коммуникации в формате феминно-ориентированного подкаста.

Таким образом, исследование дискурсологической, текстологической, коммуникативной и собственно лингвистической специфики подкастов видится вполне перспективным направлением при условии применения междисциплинарного подхода. Синергия указанных аспектов позволит достичь положительных результатов в исследовании данного по-своему уникального продукта современной медиакоммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмерова Л. Р. Психологический дискурс и его разновидности в современном русском языке // И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика. Казань: КФУ, 2015. Т. 2. С. 21-23.
2. Бережанская Л. Н. Англоязычный «женский» психологический подкаст: специфика дискурса в координатах функциональной стилистики // Научная мысль Кавказа. 2024. № 1 (117). С. 71-79.
3. Богин Г. И. Речевой жанр как средство индивидуализации текста // Жанры речи. 1997. № 1. С. 12-23.
4. Булаева Н. Е. Соотношение понятий медиатекст и медиадискурс // Научный альманах. 2021. № 5-2 (79). С. 152-154.
5. Василенко Е. Н. Основные критерии типологии дискурса // Куляшоўскія чытанні – 2017. Магілёў: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 100-102.
6. Все, что нужно знать о форматах подкастов // Дзен. 18.05.2020. Режим доступа: https://dzen.ru/a/XsJZ_3qjAlnFaGtC?ysclid=m5x70cjlib935645639. (дата обращения: 01.02.2025). [Дзен].
7. Дементьев В. В. К проблеме интегрального описания речевых жанров // Жанры речи. 2024. Т. 19. № 1 (41). С. 6-22.
8. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва: Изд-во Ridero, 2020. 180 с.

9. Дорофеева А. А. Подкастинг: новое радио в Интернете // Век информации. 2018. № 1. С. 192-199.
10. Игнатова И. Б. Новые медиа: теория и практика. Москва: Московский педагогический гос. ун-т, 2022. 96 с.
11. Казак М. Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1 (6). С. 30-41.
12. Карасик В. И. Языковые ключи. Москва: Гнозис, 2009. 406 с.
13. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3-21.
14. Лазутина Г. В. Жанр и формат в терминологии современной журналистики // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. Москва, 2010. № 6. С. 14-21.
15. Потапов П. Ф. Понятие и характерные особенности новых медиа в информационном пространстве России // Медиа-2023: теория и практика: 2023 – год педагога и наставника. Москва: МПГУ, 2023. С. 132-138.
16. Ревзина О. Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. Новосибирск, 2005. Вып. 8. С. 66-78.
17. Рыбальченко Р. Подкасты: что это, зачем они нужны и где их слушать // RB.RU. 21.08.2020. Режим доступа: <https://rb.ru/opinion/why-do-we-need-podcasts/?ysclid=m6nuuuuqa715950374>. (дата обращения: 01.02.2025).
18. Савицкий В. М. «Дискурс», «текст», «коммуникация», «речевая деятельность»: разграничение понятий // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 10. С. 1-7.
19. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Волгоград, 2004. 39 с.
20. Сухомлинова М. А. Дифференциация дискурсивных разновидностей как проблема современной лингвистики // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 3. С. 144-157.
21. Хомутова Т. Н. Типология жанра: от теории к практике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2006. № 6 (61). С. 60-64.
22. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Москва: ООО «Книжный дом ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
23. Шутова Е. А. Подкаст: от дефиниции к перспективам исследования // Культура и технологии. 2023. Т. 8. № 3. С. 152-160.
24. Bawarshi A. Genre and the invention of the writer. Lognan, Utah: Utah State University Press, 2003. 222 p.
25. Frigo C. What is a podcast: history of a revolutionary format // Doxee. 2022. Режим доступа: <https://www.doxee.com/blog/marketing/what-is-a-podcast>. (дата обращения: 01.02.2025).
26. Martin J., Rose D. E. Genre Relations: Mapping Culture. London: Equinox, 2009. 299 p.
27. Priyakorn A. Exploring Podcast Genres and Formats: An Integrated Analysis of Thai Podcast Content Distribution. 6. 2023. P. 14-38.
28. Son M. The History of Podcasts: Everything You Need to Know // Descript. 2023. Режим доступа: <https://www.descript.com/blog/article/history-of-podcasts>. (дата обращения: 01.02.2025).
29. Vodcast // Cambridge Dictionary. 2021-2024. Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/vodcast?ysclid=m6nvyztxuq324026559>. (дата обращения: 01.02.2025). [CD]

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Teitel Emma. Women Today // Podchaser. Режим доступа: <https://www.podchaser.com/podcasts/women-today-1505954>. (дата обращения: 01.02.2025). [Women Day].

REFERENCES

1. Akhmerova, L. R. (2015). Psikhologicheskiiy diskurs i ego raznovidnosti v sovremennom russkom yazyke [Philological discourse and its varieties in Modern Russian]. In *I. A. Baudouin de Courtenay i mirovaya lingvistika*. Kazan: KFU. Vol. 2. Pp. 21-23. (In Russ.).
2. Berezhanskaya, L. N. (2024). Angloyazychnyy «zhenskiy» psikhologicheskiiy podkast: spetsifika diskursa v koordinatakh funktsionalnoy stilistiki [English language ‘feminine’ psychological podcast: discourse specificity with functional stylistics as coordinates]. In *Nauchnaya mysl Kavkaza*. No 1 (117). Pp. 71-79. (In Russ.).
3. Bogin, G. I. (1997). Rechevoy zhanr kak sredstvo individualizatsii teksta [Speech genre as a means of individualizing texts]. In *Zhanry rechi*. No 1. Pp. 12-23. (In Russ.).
4. Bulaeva, N. E. (2021). Sootnoshenie ponyatiy mediatekst i mediadiskurs [Correlation of notions ‘mediatext’ and ‘mediadiscourse’]. In *Nauchnyy almanakh*. No 5-2 (79). Pp. 152-154. (In Russ.).
5. Vasilenko, Ye. N. (2017). Osnovnye kriterii tipologii diskursa [Basic criteria in the discourse typology]. In *Kulyashouskiya chytanni – 2017*. Magilyou: MGU imeni A. A. Kuleshova. Pp. 100-102. (In Russ.).
6. Vsyo, chto nuzhno znat o formatakh podkastov [All you have to know about podcast formats]. In *Zen*. 18.05.2020. Available at: https://dzen.ru/a/XsJZ_3qjAlnFaGtC?ysclid=m5x70cjlib935645639. (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
7. Dementyev, V. V. (2024). K probleme integralnogo opisaniya rechevykh zhanrov [Towards the problem of integral description of speech genres]. In *Zhanry rechi*. Vol. 19. No 1 (41). Pp. 6-22. (In Russ.).
8. Dobroslonskaya, T. G. (2020). *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Medialinguistics: theory, methods, trends]. Moskva: Ridero. (In Russ.).
9. Dorofeeva, A. A. (2018). Podkasting: novoe radio v Internete [Podcasting: a new radio on the Internet]. In *Vek informatsii*. No 1. Pp. 192-199. (In Russ.).
10. Ignatova, I. B. (2022). *Novye media: teoriya i praktika* [New media: theory and practice]. Moskva: Moskovskiy pedagogicheskiiy gos. un-t. (In Russ.).
11. Kazak, M. Yu. (2012). Spetsifika sovremennogo mediateksta [Specificity of modern mediatexts]. In *Sovremennyyi diskurs-analiz*. No 1 (6). Pp. 30-41. (In Russ.).
12. Karasik, V. I. (2009). *Yazykovye klyuchi* [Language keys]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
13. Kibrik, A. A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Modus, genre and other parameters of classifying discourses]. In *Voprosy yazykoznaniya*. No 2. Pp. 3-21. (In Russ.).
14. Lazutina, G. V. (2010). Zhanr i format v terminologii sovremennoy zhurnalistiki [Genre and format in terms of modern journalism]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*. No 6. Pp. 14-21. (In Russ.).
15. Potapov, P. F. (2023). *Ponyatie i kharakternye osobennosti novykh media v informatsionnom prostranstve Rossii* [The notion and characteristics of the new media in the information space of Russia]. In *Media-2023: teoriya i praktika: 2023 – god pedagoga i nastavnika*. Moskva: MPGU. Pp. 132-138. (In Russ.).
16. Revzina, O. G. (2005). Diskurs i diskursivnye formatsii [Discourse and discursive formations]. In *Kritika i semiotika*. Novosibirsk. Iss. 8. Pp. 66-78. (In Russ.).
17. Rybalchenko, R. (2020). Podkasty: chto eto, zachem oni nuzhny i gde ikh slushat [Podcasts: what’s this, why, and where can you listen to them]. In *RB.RU*. 21.08.2020. Available at: <https://rb.ru/opinion/why-do-we-need-podcasts/?ysclid=m6nuuuuqa715950374>. (accessed: 01.02.2025). (In Russ.).
18. Savitskiy, V. M. (2022). «Diskurs», «tekst», «kommunikatsiya», «rehevaya deyatel'nost'»: razgranichenie ponyatiy [«Discourse», «text», «communication», «speech activity»: coning the notions]. In *Gumanitarnyyi nauchnyy vestnik*. No 10. Pp. 1-7. (In Russ.).

19. Slyshkin, G. G. (2004). *Lingvokulturnye kontsepty i metakontsepty* [Linguacultural concepts and meta-concepts]: avtoref. diss. ... d-ra filol. Nauk: 10.02.19. Volgograd. (In Russ.).
20. Sukhomlinova, M. A. (2015). *Differentsiatsiya diskursivnykh raznovidnostey kak problema sovremennoy lingvistiki* [Differentiating discursive variations as a linguistic problem]. In *Gumanitarnye i sotsialnye nauki*. No 3. Pp. 144-157. (In Russ.).
21. Khomutova, T. N. (2006). *Tipologiya zhanra: ot teorii k praktike* [Typology of genres: from theory to practice]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika*. No 6 (61). Pp. 60-64. (In Russ.).
22. Chernyavskaya, V. E. (2009). *Lingvistika teksta. Polikodovost, intertekstualnost, interdiskursivnost* [Text linguistics. Polycode nature, intertextuality, interdiscursivity]. Moskva: OOO Knizhnyi dom LIBROKOM. (In Russ.).
23. Shutova, Ye. A. (2003). *Podkast: ot definitsii k perspektivam issledovaniya* [A podcast: from definition to the prospects of study]. In *Kultura i tekhnologii*. Vol. 8. No 3. Pp. 152-160. (In Russ.).
24. Bawarshi, A. (2003). *Genre and the invention of the writer*. Lognan, Utah: Utah State University Press.
25. Frigo, C. (2022). What is a podcast: history of a revolutionary format. In *Doxee*. Available at: <https://www.doxee.com/blog/marketing/what-is-a-podcast>. (accessed: 01.02.2025).
26. Martin, J., Rose, D. E. (2009). *Genre Relations: Mapping Culture*. London: Equinox.
27. Priyakorn, A. (2023). *Exploring Podcast Genres and Formats: An Integrated Analysis of Thai Podcast Content Distribution*. 6. Pp. 14-38.
28. Son, M. (2023). The History of Podcasts: Everything You Need to Know. In *Descript*. Available at: <https://www.descript.com/blog/article/history-of-podcasts>. (accessed: 01.02.2025).
29. Vodcast. In *Cambridge Dictionary*. 2021-2024. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/vodcast?ysclid=m6nvyztxuq324026559>. (accessed: 01.02.2025).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Teitel Emma. Women Today. In *Podchaser*. Available at: <https://www.podchaser.com/podcasts/women-today-1505954>. (accessed: 01.02.2025).

Николаев Сергей Георгиевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии (e-mail: nikolaev_s@bk.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Nikolaev Sergey G. – Doctor of Philology, Professor, Head of the English Philology Department (e-mail: nikolaev_s@bk.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Southern Federal University» 105/42, B. Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006

Бережанская Лада Николаевна – аспирант, преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации (e-mail: ladber@sfedu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» 344006, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

Berezhanskaya Lada N. – Post-graduate student, teacher of the Department of Linguistics and Professional Communication (e-mail: ladber@sfedu.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Southern Federal University» 105/42, B. Sadovaya St, Rostov-on-Don, 344006

Поступила в редакцию 10 февраля 2025 г.

УДК:811.111'373.23

2025 Ye. S. Sysoieva

EVALUATIVE ANTHROPONYMS AS ELEMENTS OF ENGLISH ONOMASTIC WORLDVIEW*

The present article addresses the analysis of the semantic peculiarities of English evaluative anthroponyms, the latter being viewed as onomastic worldview elements. By the evaluative anthroponym we mean a person's name (first name, last name and nickname) the semantics of which contains an evaluative component.

The research corpus has been compiled in compliance with the criteria of language material selection. The methodology of the study is based on the combination of traditional, axiological and linguacultural approaches, which enables us to identify the specific features of the English onomastic worldview, the system of ethno-cultural values, language and culture dominants.

The research material has been classified into eight classes according to the semantic principles.

Key words: *evaluation, connotation, anthroponym, semantic class, structural type, word-building model.*

2025 Е. С. Сысоева

ОЦЕНОЧНЫЕ АНТРОПОНИМЫ КАК ЭЛЕМЕНТЫ АНГЛИЙСКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

В настоящей статье приводятся результаты анализа семантических особенностей английских оценочных антропонимов, которые рассматриваются как элементы ономастической картины мира. Под оценочным антропонимом мы понимаем имя человека (имя, фамилию и прозвище), семантика которого содержит оценочный компонент.

Корпус исследования был составлен в соответствии с критериями отбора языкового материала. Методология исследования основана на сочетании традиционного, аксиологического и лингвокультурологического подходов, что позволяет выявить специфические особенности английской ономастической картины мира, описать систему этнокультурных ценностей и доминант английского языка и культуры.

В результате семантической классификации было выделено восемь групп оценочных антропонимов.

Ключевые слова: *оценка, коннотация, антропоним, семантический класс, структурный тип, словообразовательная модель.*

1. Introduction

Our ancestors believed in the connection between a person's name, fate and character. Knowing someone's name (a kind of sociolinguistic code) meant having power over this person. In ancient Sumer, the etymology of the word *fate* was associated with the verb *to name*. An anthroponymic stem can elucidate intentions of parents, their hopes and thoughts in the process of naming. In any linguistic community, personal names can cause positive or negative associations, but in each individual linguaculture the set of factors influencing the emergence of

* Исследование проводилось в рамках НИР ДонГУ (номер госрегистрации 12411180021-7).

additional connotations in anthroponymic semantics is different.

The present research focuses on semantic and linguacultural features of English personal names (anthroponyms) with an evaluative component in their semantic structure. This paper aims at shedding some new light on the linguacultural analysis of evaluative anthroponymic semantics in English.

An evaluative anthroponym (hereinafter EA) is defined as a person's name (personal name, surname and nickname), the lexical background of which contains an evaluative component [Сысоева, 2016: 16]. Evaluation is a connotation component in anthroponymic meaning, which can be explicated on the basis of the following set of name characteristics:

- native – foreign (borrowed);
- rarely used – frequently used;
- active – passive;
- familiar – unfamiliar;
- associated with positive-evaluative – negative-evaluative vocabulary units;
- identical to names of worthy – unworthy known name-bearers.

In the present study, we develop the approach to the analysis of evaluation within anthroponymic connotative meaning suggested by Ye. Volf [Вольф, 2024] and N. Arutyunova [Арутюнова, 1988]. Evaluation in semantic structure of anthroponymic lexis is considered as a unity of the following elements:

- the subject of the evaluation (the one who gives the name),
- the object of the evaluation (the one who is given the name),
- the type of the evaluation (absolute positive or negative evaluation),
- the basis of the evaluation (factors determining positive or negative evaluation mark in an anthroponym).

Here are the most salient semantic features of anthroponyms: native – foreign or borrowed, active – passive, familiar – unfamiliar. The feature familiar – unfamiliar makes it possible to determine the etymology which, in turn, is closely related to the cultural component of connotation, and to state that the name has a pronounced national identity, i.e. such a name has chances to be used in the patriotic family. The features frequently used – rarely used and familiar – unfamiliar enables the naming participants to realize their preferences as far as the name giving frequency is concerned. These features reveal the system of values and naming preferences in the English linguaculture.

2. Materials and Methods

In modern onomastic studies, a significant interest is attached to anthroponyms, which is accounted for by the anthropocentric paradigm development in linguistics.

The problem of connotative meaning formation within anthroponymic semantics has repeatedly been researched into by prominent onomatologists and lexicologists [Отин, 2004; Лукаш, 2011].

The problem of connotative onyms (connotonyms, the term suggested by Ye. Otin) was separately considered in the system of more general issues: problems of nomination in onomastics [Суперанская, 2023; Ермолович, 2001].

Although the proper names specificity is already largely understood, the study of evaluative anthroponyms as units of English onomastic worldview, a system of knowledge about the nation formed on the basis of proper names, make up an innovative direction in present-day anthroponymics.

3275 evaluative anthroponyms selected from the anthroponymic dictionaries Oxford Dictionary of First Names [Hanks & Hodges, 2006], The Wordsworth Dictionary of First Names [Freedman, 1997], Oxford Dictionary of Nicknames [Delahunty, 2003], Dictionary of English Personal Names [Рыбакин, 2000] make up the research corpus. The language material was further verified and elaborated according to the online resources: Collins English Dictionary and Thesaurus, and Behind the name. The choice of the above sources enables us to study the axiological evolution in names' semantics and changes in naming preferences over time.

The purpose, objectives and material informed the research methods employed. The method of component analysis was used to establish the semantic volume of evaluative anthroponyms, integral and differential features of their lexical meaning. The etymological method made it possible to identify the origin of appellative stems in evaluative anthroponyms. With the help of the linguacultural analysis, ethnolinguistic features of evaluative anthroponyms as specific linguistic units reflecting the attitude of native speakers to certain fragments of reality were traced. The use of quantitative method provided ground for establishing the productivity of units entering different semantic types, as well as the ways of the English anthroponymic system enrichment.

3. Theoretical background

The category of evaluation is universal, since there is no language that lacks the notion of good or bad. As V. Vinogradov notes, «the word not only possesses grammatical, lexical and objective meanings, but at the same time expresses the evaluation of the subject ...» [Виноградов, 1977: 24]. In our opinion, this definition universally describes semantic features of anthroponyms in different languages.

Evaluation can be studied in two dimensions: as a category of logic and as a linguistic category. In logic, evaluation is defined as a value judgment. To evaluate is to express a thought, reasoning about the value or significance of someone or something. The main sphere of meanings, which are traditionally correlated with evaluative ones, is associated with the signs good – bad. The category of evaluation is also associated with the predicates «good» and «bad» in linguistics [Бессонова, 2002: 12].

3.1. In this research, evaluative meaning is understood as «information about a positive or negative attitude of a speech participant towards a particular property of the object discussed» [Телия, 1986: 98]. Evaluative semantics can be categorised according to various criteria; however, the primary domain of evaluative meanings is grounded in the opposition good and bad.

One of the elements of the evaluation structure is the axiological scale, which can be represented in the form of various models. In the present study, we adopted the axiological model developed by N. Arutyunova [Арутюнова, 1988], O. Bessonova [Бессонова, 2003; Bessonova, 2018], Ye. Volf [Вольф, 2024], A. Wierzbicka [Вежбицкая, 1996]. According to this model, the evaluation norm is not contained in the middle of the scale but coincides with its positive edge. Thus, the norm acquires an axiological function and is perceived as something normal, which means positive, while lexical units with the meaning ‘deviation from the norm’ are perceived as negative. For example, the name *Rhonwen* (*f*), derived from the appellatives *rhawn* ‘hair’ and *gwen* ‘white’, is popular in Wales. The persistent popularity of this anthroponym is due to its association with the name of the lyrical heroine of Welsh medieval poetry, who the authors praised as the standard of national beauty [Behind the Name]. That is, *fair hair* is perceived as a norm, thus endowing the name with positive evaluation.

Some linguists come to the conclusion that the quantitative advantage of negative evaluation lexis is also associated with the idea of a norm. Normally, a person does not focus on events or situations when he / she feels good. But when someone feels bad (deviation from the norm occurs), he / she uses a number of ways to communicate about it. Obviously, it is with this psychological feature of human thinking that linguists pay close attention to the study of negative connotation (evaluation). On the whole, in the language system, «negative connotative fields are quantitatively more powerful than fields with positive connotations». Positive evaluation occupies a basic place in the word stock [Вольф, 2024; Арутюнова, 1988].

The quantitative ratio analysis of positive and negative anthroponyms shows the result that is contrary to the above statement. It indicates the prevalence of units with the positive evaluation mark. The vocabulary gets enriched at the expense of positive anthroponymic meanings coinciding with the norm that proves the influence of the pragmatic factor on the

language system. The speaker seeks to eliminate, soften unpleasant topics, messages, refrain from naming that has unpleasant connotations, and thus refers to names with positive connotations [Сысоева, 2016: 96-98]. This statement will be presented in more detail.

3.2. This research uses the evaluation classification proposed by S. Khiddekel [Хиддекель, 1983], within which rational, emotional and rational-emotional evaluation types are distinguished.

Rational type of evaluation is based on social experience assessment criteria of native speakers. In linguistics, there are many terms for this type of evaluation: logical evaluation, intellectual-logical evaluation, deontic evaluation. Rational evaluation type is referent-related, i.e. correlates with the referents' world views. The structure of the rational evaluation scale is logically based on the opposition norm – deviations from the norm, in other words, + / – evaluation. The opposition norm – deviations from the norm can be expanded and interpreted with the help of such oppositions: smart – stupid; truthful – untruthful; good – evil, etc. Thus, rational evaluation is associated with the desire to logically justify a certain decision.

Emotional evaluation is based on evaluative experiences, feelings, emotions, i.e. it is focused on the speaker's emotional attitude to the subject of evaluation, for example, hypocoristics *Annie, Mickey, Danny*, reduplicated names *Lulu, Fifi, Vivi / Viva*, names-national symbols expressing national dislike or even hostility *Micky < Michael, Paddy < Patrick* (insulting, derogatory naming forms of the Irish). This type of evaluation is more pragmatically oriented, since emotions determine a speaker's behavior in the process of communication.

Using the approach to the emotional evaluation analysis suggested by V. Shakhovsky [Шаховский, Панченко, 2013], we single out the following types of emotional positive evaluation of anthroponymic units (the examples given belong to the author of the article): 1) affection (most often realized in the names of women and children – *Honey (f), Darlene (f)*) [Hanks & Hodges, 2006]; 2) playfulness (*Winnie (m, f), Piggy (m)* – observational nicknames for a fat person, a child) [Delahunty, 2003]; 3) admiration (*Goldie (f), Pearl (f)* – derived from the names of precious metals and stones); 4) approval (from the appellative anthroponyms *Dexter (m)* – Latin *dexter* 'right hand', *Manley (m)* – phonographic association with the adjective *manly* 'courageous'); 5) playfulness (*Queenie (f)* as a semantic derivative of the name *Victoria*).

Within the framework of the emotional negative evaluation, we single out the following types: 1) condemnation (*Tinker (m)*, originally a nickname – *to tinker* 'to do something poorly, inaccurately, somehow'); 2) disrespect (*Norris (m)* – norm. *Norreis* 'north' disrespectful naming of settlers and inhabitants of the north); 3) resentment (*Jock (m)* is associated with the offensive naming of a Scotsman) [Rybakin, 2000; Delahunty, 2003; Behind the Name; Collins Dictionary and Thesaurus].

The analysis of proper names testifies to the fact that different evaluation types can be associated with emotions – sensory, ethical, aesthetic, etc. In addition, we assume that there is a gap between a wide scale of emotional evaluative meanings (with different shades from affection to humiliation) and lexicographic practice, transforming these meanings into + / – evaluation mark.

Evaluation may be a component of both denotation and connotation in the semantic structure of an anthroponym. In some contexts, the logical perception of evaluative meanings comes to the fore, in others – sensorial perception prevails. The relevant signs of rational-emotional evaluation in anthroponyms are the evaluative meaning of the appellative stem and reference connotations, i.e. extralinguistic features of a name – information about famous bearers, etc. For example, purely linguistic characteristics of the name *Bill* are: a diminutive form of the male name *William* of Germanic origin, the appellative semantics of which is based on the desirable for the Germans formants: *wil* ‘freedom’ + *helm* ‘helmet, protection’ [Behind the name]. A possible reference connotation of the name *Bill* is based on the association with the personality of Bill Gates, wealthy person, computer genius. Consequently, the rational-emotional type of evaluation combines both exclusively linguistic evaluative characteristics of an anthroponym and background knowledge about famous bearers, which enrich the lexical background of the name and give its semantics additional evaluative meanings.

The lexicographic criteria for identifying a mixed type of evaluation are the semantic part of the dictionary entry, which contains the lingual features of the name, and the subject part, containing the label, which traditionally correlates with connotative features. For example, in the dictionary entry of the name *Blanche* (*f*) we find the following: «originally a nickname for a blonde from *blanche*, feminine of Old French *blanc* ‘white’. «It came to be associated with the notion of whiteness as indicating purity» [Hanks & Hodges, 2006]. This connotative attribute makes the name *Blanche* (*f*) correlate with the positive end of the axiological scale. It should be noted that the mixed nature of evaluation can be identified not only with the help of definition, functional-stylistic and emotional-evaluative features. Such labels as ***old fashioned, out of active use as a given name, dated, popular in G.B., USA, Fr.*** can give additional information about the name and shape its axiological characteristics.

Anthroponyms with an evaluative meaning component form a significant layer of the English language system. It seems expedient to consider the evaluative component role in the meaning of anthroponimic units.

3.3. We compiled the corpus taking into account the socio-cultural component of the anthroponymic meaning, which is contained in the subject part of the lexicographic description in accordance with the following criteria for the data selection.

1. Dictionary labels indicating popularity – unpopularity of a name.

This criterion implements the axiological opposition popular – unpopular name, which can be transformed into «+» (popular) / «-» (unpopular) evaluation. Lexical units selected according to this criterion, may be marked in anthroponymic dictionaries by the following labels: *bears perennial popularity after ..., the name has enjoyed steady popularity since the appearance of the novel ..., name popularized by the central character in the novel ..., completely out of fashion after X starred in the film* For example: *Scarlett, Rhett, Ashley* have enjoyed steady popularity since the appearance of the novel «Gone with the Wind» by M. Mitchell [Behind the Name].

2. Markers of a dictionary entry indicating the origin of anthroponymic units.

In this case, the axiological model *native – foreign* is actualized, i.e. opposition of native English names and names of German, French, Norman, Hebrew origin. The lexicographic criteria for determining the origin of anthroponymic units are the vocabulary labels *of Germanic, Greek, French, Norman, Celtic, Old English origin*. In the context of growing globalization, a name is often the only thing that indicates national belonging and emphasizes the national identity.

3. Dictionary indications disclosing appellative stem etymology.

The etymology of the appellative stem of a name is not the main naming motive, since it requires a sufficient amount of cultural and historical knowledge. However, having an etymological reference, one can shape an idea about a name meaning, which might correspond with positive or negative connotations. For example: *Loyal* ‘committed, faithful’, *Felicity* ‘happiness, luck’, *Dotty* ‘weird, strange, senseless’ [Rybakin, 2000].

4. Dictionary labels indicating the geography of a name's popularity.

The anthroponym's belonging to the Irish, Scottish, Welsh national anthroponymic systems may influence the formation of a negative evaluation in the minds of Englishmen, which might be associated with interethnic hostility. In this case, the main classifiers are such dictionary labels as: *preferred by relatives proudly conscious of their Welsh roots ..., name chosen as a token of Scottish national identity ..., a typical Irish name* For example: *Gwendolyn*: a Welsh female first name, derived from Gwendolen; *Africa*: preferred by relatives proudly conscious of their African roots [Behind the Name].

5. Dictionary references to famous name bearers, literary characters, etc. evoking positive or negative associations in the minds of the English. For example: *Richard* may be associated with Richard the Lionheart; *Ebenezer* – *Ebenezer Scrooge*; *Dwight* – Dwight D. Eisenhower.

4. Data and Generalizations

The component and etymological analysis of the corpus enabled us to provide a set of semantic features. The basic elements of the lexical background of the units studied are: the

etymology of the appellative stem and cultural-historical component (extralinguistic encyclopedic information about a name).

4.1. The evaluation mark is defined with the reference to a positive or negative attitude of a linguistic persona to the reality aspects explicated by anthroponyms. Table 1 contains the ratio of the units studied.

Table 1. *Types of evaluation explicators (quantitative characteristics)*

Evaluation explicators	Quantity	%
Appellative stem etymology	1670	51
Cultural-historical component	1605	49
Total	3275	100

The above data show that both types are almost equal. This result is in keeping with the famous onomastic theory as for the coexistence of linguistic and extralinguistic elements of information in proper names' semantics. For instance, the etymology of the female name *Merry* correlates with the vocabulary word *merry* having a positive connotation, thus the name is marked with «+» evaluation. The cultural-historical component of the male anthroponym *Clint* (a short form of *Clinton*) might be explicated through the association with a talented American, director, producer, etc. Clint Eastwood, the popularity and positive evaluation being sustained by the dictionary entry: 'now the name is bestowed because of its association with a popular American film actor, director, producer, composer and politician' [Behind the Name].

4.2. On the basis of conceptual features, the following semantic classes of the evaluative anthroponyms have been singled out (see Table 2):

Table 2. *Semantic classes of English evaluative anthroponyms*

#	Semantic classes	Quantity	%	Examples
1.	Allusive EA	1294	39,5	<i>Narcissus (m)</i> – name of the Greek mythology character falling in love with his own reflection, the embodiment of self-admiration; <i>Cordelia (f)</i> – heroine of Shakespeare's <i>The Tragedy of King Lear</i> , king's youngest and beloved daughter;
2.	EA with the seme <i>appearance</i>	685	20,7	<i>Goldie (f)</i> – name indicates beautiful goldish hair colour; <i>Bella, Belle (f)</i> – name associated with the Italian adjective <i>bella</i> or French <i>belle</i> 'beautiful';
3.	EA indicating <i>occupation</i> and <i>social status</i>	379	11,5	<i>Skipper (f)</i> – originates from the nickname <i>skipper</i> 'captain, commander'; <i>Earl (m)</i> – name was given to those who worked for earls to ironically stress low social status of a name bearer;
4.	EA of the sphere <i>religion</i>	265	8,1	<i>Faith (f), Felicity (f)</i> – Puritan anthroponyms, unpopular as given names;

Table 2 (continued)

5.	EA describing <i>character traits</i>	164	5,3	<i>Loyal (m)</i> ; <i>Curtis (m)</i> – stems from the French <i>curteis</i> or English <i>courteous</i> ‘polite’;
6.	EA with the seme <i>cultural intolerance</i>	132	4	<i>Norris (m)</i> – Norman <i>norreis</i> ‘North’, obtains negative evaluation due to unfriendly relationships between northerners and southerners; <i>Scot (m)</i> – name popular in Scotland;
7.	EA with the seme <i>interpersonal relationships</i>	116	3,6	<i>Honey (f)</i> ; <i>Pet (f)</i> – (derived from <i>Petula</i>);
8.	Others	237	7,3	<i>Donna (f)</i> – Italian <i>donna</i> ‘lady’; <i>Holly (f)</i> – <i>holly</i> is the plant associated with European Christmas
	Total	3275	100	

The data in Table 2 reveals the asymmetry in corpus behavior. The most productive semantic group is «Allusive evaluative anthroponyms» amounting 1294 units (39,5%). Allusiveness of proper names results from the identity of the name either with a famous bearer’s personality or with a particular situation. Such names are widely popular far beyond the linguacultural areas. Internationally acclaimed names often acquire a symbolic character [Алефиренко, 2020]. The units entering the biggest class have been further classified into three groups: 1) historical allusive EA: *Rockefeller* – John D. Rockefeller, American industrialist and philanthropist – wealth, beneficence; 2) literature allusive EA: *Simon Legree* – fictional character, the principal villain in Harriet Beecher Stowe’s antislavery novel *Uncle Tom’s Cabin* – cruel, relentless person; 3) Bible allusive EA: *Dorcas* – the name of the Christian woman in the «New Testament» who sewed clothes and distributed them to the poor – philanthropist.

The group «Evaluative anthroponyms with the seme *appearance* rank second» (685 units, 20,7%). Semantically the units of this group are not homogeneous. The four subgroups were singled out: 1) colour of hair, skin and eyes: *Ginger (f)*, *Silver (f)*, *Hazel (f)*; 2) bodily constitution: *Piggy, Billy*; 3) fashion style: *Buck (m)*, *Buster (m)*, *Dandy (m)*; 4) facial features: *Taliesin (m)* Gaelic *tal* ‘eyebrows’ + *iesin* ‘beautiful’, *Courtney (m, f)* Old French *court* + *nez* ‘snub nose’ [Hanks & Hodges, 2006, Behind the Name].

The classes «Evaluative anthroponyms indicating *occupation* and *social status*» (379 units, 11,5%), «Evaluative anthroponyms of the sphere *religion*» (265 units, 8,1%), «Evaluative anthroponyms describing *character traits*» (164, 5,3%) are less numerous. The semantic class «Evaluative anthroponyms with the seme *cultural intolerance*» (116 units, 3,6%) is the least productive one. The group «Others» was singled out holding together 237 EA, whose semantics does not correlate with the above semantic classes.

5.3. The semantic analysis of the units under study reveals the specific evaluation nature in the subsystem of anthroponymic vocabulary. Unlike evaluative common nouns, characterized by the predominance of negatively colored lexemes, positively colored units prevail in the corpus. The analysis of the axiological characteristics of English anthroponyms testifies to the significant prevalence of positively evaluative units over negatively evaluative ones (see Table 3).

Table 3. *Ratio of positively and negatively colored anthroponyms*

Axiological characteristics	Quantity	%
«+» evaluation	2639	80,6
«-» evaluation	636	19,4
Total	3275	100

Positive evaluation anthroponyms considerably prevail in the English anthroponymic system. Containing only positive aspects of reality in their semantics, they reflect specific features of the conceptual world views of the English cultural and linguistic community in general and naming motivation in particular. The naming motivation is governed by the desire of naming participants to choose a name with positive semantics or positive cultural and historical background.

5. Conclusion

5.1. The linguacultural study of the English evaluative anthroponymicon reveals the peculiarities of speakers' worldview, which are reflected in the form of mental models and are fixed in the onomastic picture of the world.

5.2. The evaluation in anthroponymic semantics is actualized by: the stem etymology and cultural-historical component.

5.3. The ratio of positively and negatively marked anthroponyms indicates a significant dominance of the former. Anthroponyms with «+» evaluation prevail within all semantic classes. The most significant predominance of «+» over «-» anthroponyms is found within the semantic class «Allusive evaluative anthroponyms». The semantic class «Evaluative anthroponyms with the seme *interpersonal relationships*» is represented by anthroponyms with purely positive evaluation, since most of such names originate from affectionate forms of addressing a person.

5.4. Evaluation in semantic structure of anthroponyms can combine with other connotation components. The combination of evaluative and cultural-historic meaning components is mostly attributed to the allusive anthroponyms. Evaluation interacts with the emotive connotation component in EA with the seme *interpersonal relationships*. Evaluation being sustained by expressive and stylistic connotation components, is detected in literature, biblical EA, EA indicating occupation and social status and cultural intolerance.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. Москва: Флинта-Наука, 2020. 288 с.
2. Арутюнова Н. Д. Оценка. Событие. Факт. Москва: Наука, 1988. 341 с.
3. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно-гендерні аспекти. Донецьк : ДонНУ, 2002. 362 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русское слово, 1996. 412 с.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва: Наука, 1977. 244 с.
6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва: Лингвистическое наследие XX века, 2024. 278 с.
7. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 198 с.
8. Лукаш Г. П. Актуальні питання української конотоніміки. Донецьк: ТОВ «Видавничо-поліграфічне підприємство «ПРОМІНЬ», 2011. 438 с.
9. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Стереотип, 2023. 366 с.
10. Сысоева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. 206 с.
11. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. Москва: Наука, 1986. 269 с.
12. Хиддекель С. С. Природа и характер языковых оценок // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. С. 11-16.
13. Шаховский В. И., Панченко Н. Н. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.
14. Bessonova O. L. Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages. // Agnieszka Ubermann, Marta Dick-Bursztyn (eds.) Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations. Berlin: Peter Lang GmbH, 2018. P. 77-95.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго – Восток, ЛТД», 2004. 412 с.
2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. Москва: Издательство Астрель, 2000. 576 с.
3. Delahunty A. Oxford Dictionary of Nicknames. Oxford: Oxford University Press, 2003. 230 p.
4. Freedman T. The Wordsworth Dictionary of First Names. Herefordshire: Wordsworth Editions LTD, 1997. 254 p
5. Hanks P. A Dictionary of First Names. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2006. 444 p.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F., (2020). *Lingvokulturologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka* [Linguacultural studies: evaluative and notional volume of the language]. Moskva: FLINTA. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Otsenka. Sobytie. Fakt* [Evaluation. Event. Fact]. Moskva: Nauka. (In Russ.)
3. Bessonova, O. L. (2002). *Otsinnyy tezaurus angliyskoyi movy: kognityvno-genderni aspekty* [Evaluative thesaurus of the English language: cognitive and gender aspects]. Donetsk: DonNU. (In Ukr).

4. Wierzbicka, A. (1997). *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moskva: Russkie slovari. (In Russ.).
5. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected papers. Lexicology and lexicography]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
6. Volf, Ye. M. (2024). *Funktsionalnaya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moskva: Lengvisticheskoe nasledie XX veka. (In Russ.).
7. Yermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper names at the junction of languages and cultures]. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
8. Lukash, G. P. (2011). *Aktualni pytannya ukrayinskoyi konotonimiky* [Ukrainian connotative onymycon: structure and factors of formation]. Donetsk: TOV «Vydavnycho-poligrafichne pidpriemstvo «PROMIN»». (In Ukr.).
9. Superanskaya, A. V. (2023). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. Moskva: Stereotip. (In Russ.).
10. Sysoieva, Ye. S. (2016). *Otsenochnye antroponimy v angliyskom yazyke i kulture* [Evaluative anthroponyms in the English language and culture]. Rostov-on-Don: Izdatelstvo YuFU. (In Russ.).
11. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [Connotative aspect of semantics of nominative units]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
12. Khiddekel, S. S. (1983). *Priroda i kharakter yazykovykh otsenok* [Nature and character of language evaluations]. In *Leksicheskie i grammaticheskie komponenty v semantike yazykovogo znaka*. Voronezh: Izd-vo VGU. Pp. 11-16. (In Russ.).
13. Shakhovskiy, V. I., Panchenko, N. N. (2013). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguoecology in modern communicative space]. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena». (In Russ.).
14. Bessonova, O. L. (2018). Evaluative Designations of Person in Non-cognate Languages. In Agnieszka Ubermann, Marta Dick-Bursztyn (eds.) *Language in the New Millennium: Applied-linguistic and Cognitive-linguistic Considerations*. Berlin: Peter Lang GmbH. Pp. 77-95.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Otin, E. S. (2004). *Slovar konnotativnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of connotative proper names]. Donetsk: OOO «Yugo – Vostok, LTD». (In Russ.).
2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [Dictionary of English Personal Names]. Moskva: Izdatelstvo Astrel. (In Russ.).
3. Delahunty, A. (2003). *Oxford Dictionary of Nicknames*. Oxford: Oxford University Press.
4. Freedman, T. (1997). *The Wordsworth Dictionary of First Names*. Herefordshire.
5. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford: Oxford University Press.

Сысоева Евгения Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода (e-mail: eugeniasysoieva@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Sysoieva Yevgenia S. – Candidate of Philology, Associate Professor of Translation Studies Department (e-mail: eugeniasysoieva@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 23 января 2025 г.

УДК 81'42:811.111

© 2025 И. В. Фатьянова

ВЕРБАЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *POLITICS* В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТОВ США)*

*Статья посвящена исследованию вербальной реализации концепта *POLITICS* в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков на материале официальных выступлений президентов США. Концепт анализируется в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, при котором определяется как сложная, динамичная, структурно-смысловая, этнически и культурно обусловленная ментальная единица сознания, которая выступает способом и результатом категоризации знания и имеет вербальное выражение. Определены функции, которые выполняет концепт *POLITICS* в американском политическом дискурсе.*

Ключевые слова: американский политический дискурс, концепт, политика, метафора, терминологизм, эвфемизм.

© 2025 I. V. Fatianova

VERBALIZATION OF THE CONCEPT *POLITICS* IN AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF THE XXth – EARLY XXIst CENTURIES (BASED ON PUBLIC SPEECHES OF THE US PRESIDENTS)

*The article presents the analysis of the verbal means of the concept *POLITICS* in the American political discourse of the XX-th – early XXI-st centuries, which were singled out in the official speeches of the US presidents. The study treats the concept in the light of the cognitive-discursive approach that defines it as a complex, dynamic, structural and semantic, ethnically and culturally determined mental unit of consciousness, which acts as a method and result of knowledge categorization and which can be expressed by language means. The functions that the concept *POLITICS* performs in the American political discourse are determined.*

Key words: American political discourse, concept, politics, metaphor, terminologism, euphemism.

Вводные замечания

Статья посвящена изучению функционирования концепта *POLITICS* в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков, выявлению и анализу способов формирования общественного мнения с помощью данного концепта на материале публичных выступлений президентов США [Фатьянова, 2021a].

Объектом исследования является концепт *POLITICS* в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков, **предметом** – особенности вербализации концепта

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

POLITICS гарантами Конституции США. Цель работы изучить вербальные средства выражения концепта POLITICS, используемые в публичных выступлениях президентов, установить, каким образом умелое оперирование данным концептом может сформировать общественное мнение и манипулировать им.

Характеристика материала исследования и методика его анализа

Материалом исследования послужили 679 официальных речей 21 президента США, из них – 509 публичных выступлений 17 президентов в XX веке и 170 публичных выступлений 4 президентов в XXI веке (общий объем выборки составляет 21000 страниц (15000 страниц в первом исследуемом периоде и 6000 страниц – во втором)) послужили эмпирической базой данного исследования.

В соответствии с целью, задачами и объектом исследования были использованы следующие **методы и приемы анализа**: описательно-аналитический метод – для развернутого описания особенностей концептуального пространства американского политического дискурса XX – начала XXI веков; метод компонентного анализа – для определения интегральных и дифференциальных семантических признаков значения единиц, вербализующих дискурсообразующий концепт POLITICS; метод контекстуального анализа – для выявления дискурсивных реализаций способов вербализации данного концепта; метод концептуального анализа – для описания концептосферы американского политического дискурса, включая фреймовое моделирование – для построения фреймовой модели концепта и инструментарий теории концептуальной метафоры – для установления коррелятов когнитивных метафор, которые формируют образно-ценностный компонент концепта; метод лингвостилистического анализа – для описания языковых средств, служащих стилистическими приемами экспрессивности; дискурсивный анализ – для интерпретации текстов публичных выступлений президентов в контексте политической ситуации с учетом как лингвистических, так и экстралингвистических факторов; метод количественного анализа – для определения частотности средств вербализации дискурсообразующего концепта POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков и установления продуктивности средств его выражения.

Результаты исследования

Концепт POLITICS является дискурсообразующим концептом американского политического дискурса XX – начала XXI веков: он имеет древнее происхождение и занимает ведущее место в американской языковой картине мира, наглядно отражая

общественные процессы, происходящие в стране, репрезентируя ценностно-эмоциональное отношение к ним носителей языка, а также содержит социолингвистическую специфику, характерную для американского понимания политики [Бессонова, 2019; Карасик, 2007; Чудинов, 2006; Шейгал, 2004; Vyessonova, 2021; Bessonova, Fatianova, 2024].

Современные ученые акцентируют внимание на многозначности термина «политика», подразумевая под ним совокупность социальных практик и дискурсов, направленных на формирование, развитие, проектирование и исследование правовых и моральных норм, структуры государственно-административных институтов и форм государственного управления. Решающей линией в трактовке политики как самостоятельной сферы общественной жизни в начале XX в. являются различные варианты определения специфики политики как системы властных отношений и институтов власти. Вместе с определением политики как власти происходит тотализация политики, ее распространение на все области человеческой жизни – от семьи до государства, когда все становится политическим [Неретина, Огурцов, 2009: 33].

Анализ этимологических и толковых словарей позволяет реконструировать прежний смысл, утраченную «внутреннюю форму» концепта POLITICS, а также выявить его новейший, наиболее активный слой [Трофимова, 2004: 7]. Понятийно-ценностное содержание концепта POLITICS раскрывается на основе изучения лексикографических дефиниций и компонентного анализа значения имени концепта, членов его синонимического ряда, их частеречных дериватов. Таким образом, для описания семантики концепта POLITICS используется дефиниционный анализ его имени.

Обратившись к толковым словарям, изданным в XX в. [The American Heritage College Dictionary of the English Language, 1997; Chambers Twentieth Century Dictionary by W. and R. Chambers, 1901], можно обнаружить, что семантическое пространство концепта POLITICS составляют пять признаков: (1) *‘the art of government’*; (2) *‘political affairs, life, or principles’*; (3) *‘civil government’*; (4) *‘the form or constitution of government’*; (5) *‘the science dealing with the nature, production, distribution, and consumption of wealth’*.

В американском политическом дискурсе XXI века мотивирующий признак прослеживается в первичном значении лексической единицы (далее ЛЕ) *politics* «*the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society*» [Cambridge Learner’s Dictionary, 2001; Collins Cobuild Advanced Learner’s English Dictionary, 2008]. Cambridge Dictionary даёт следующее определение ЛЕ *politics*: «*the activities of the government, members of law-making*

organizations, or people who try to influence the way a country is governed» [Cambridge Learner's Dictionary, 2001]. Longman Dictionary of Contemporary English представляет ЛЕ *politics – ideas and activities relating to gaining and using power in a country, city, etc.* [Longman Dictionary of American English, 2008].

Таким образом, на основе результатов анализа дефиниций имени концепта по данным английских толковых словарей XXI века приходим к выводу, что семантическое пространство имени концепта POLITICS в английском языке насчитывает шесть признаков: (1) *«the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society»*; (2) *«matters concerned with getting or using power within a particular group or organization»*; (3) *«a person's political views or beliefs»*; (4) *«political science»*; (5) *«a system of political beliefs»*; (6) *«a state of political affairs»*.

Сопоставив данные дефиниционного анализа имени концепта POLITICS в толковых словарях XX и начала XXI веков, отмечаем, что структура концепта претерпевает определенные трансформации в диахронии, т. е. имеет место изменение содержания концепта, его понятийно-ценностного компонента, что отражается в языке и может быть представлено на примере анализа семантики языковых репрезентантов концепта.

Таким образом, концепт POLITICS является динамичным феноменом, что находит свое выражение в перекомпоновке ядерно-периферийных элементов в структуре концепта и появления новых значимых признаков, таких как *«matters concerned with getting or using power within a particular group or organization»*; *«a person's political views or beliefs»*; *«a system of political beliefs»*; *«a state of political affairs»*.

Анализируя семантический признак (1) *«the activities involved in getting and using power in public life, and being able to influence decisions that affect a country or a society / the art of government»*, получаем такие контекстуальные эквиваленты: *politics, policy, polity, government policies / officials / ministers, a government department / agency / grant, government expenditure / intervention, government-controlled industries; central / federal government, corrupt / strong government, governmental agencies / actions, governance, the governing party, realpolitik, politico, appeasement, political grandstanding, American policy*: (1) *‘It is demanded on considerations of **broad national policy** as well as by our economic interest. ... both because of its importance from the broad standpoint of **international policy**’* (ср. *‘Этого требуют соображения осознанной государственной политики, а также наши экономические интересы. ... как из-за их важности с точки зрения глобальной международной политики’*) [Theodore Roosevelt, November 10, 1903].

Признак (2) «*matters concerned with getting or using power within a particular group or organization*» совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов: *politics, affairs of state, public affairs, polity, parties, democracy, (political) machinations, manoeuvring, realpolitik, political ends, irresponsible power*: (2) ‘*The defenders of those murderous criminals who seek to excuse their criminality by asserting that it is exercised for **political ends**, inveigh against wealth and **irresponsible power***’ (ср. ‘Защитники этих преступников-убийц, которые пытаются оправдать их противоправные действия, утверждая, что они осуществляются в политических целях, яростно выступают против богатства и безответственной власти’ [Theodore Roosevelt, December 3, 1901]; (3) ‘*I am asking both **parties** to come together to give us the safe, fast, reliable, and modern infrastructure our economy needs and our people deserve*’ (ср. ‘Я прошу обе партии объединиться, чтобы предоставить нам безопасную, быструю, надежную и современную инфраструктуру, в которой нуждается наша экономика и которую заслуживают наши люди’ [Donald Trump, January 30, 2018]

Признак (3) «*a person's political views or beliefs*» совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов, например: *politics, policy, polity, political views / beliefs, democracy*: (4) ‘*The exposition was peculiarly in harmony with the trend of our **public policy**, because it represented an effort to bring into closer touch **all the peoples of the Western Hemisphere**, and give them an increasing sense of unity. Such an effort has a genuine service to the **entire American public***’ (ср. ‘Выставка была в абсолютной гармонии с направлением нашей государственной политики, потому что она представляла собой попытку сблизить все народы Западного полушария и показать растущее единство с ними. Такое усилие имеет подлинную услугу для всей американской общественности’ [Theodore Roosevelt, December 3, 1901]; (5) ‘***But the millions of Americans who are watching right now, they don't care about politics. They have real-life concerns. Many have spent months looking for work. Others are doing their best just to scrape by – giving up nights out with the family to save on gas or make the mortgage; postponing retirement to send a kid to college. These men and women grew up with faith in an America where hard work and responsibility paid off. They believed in a country where everyone gets a fair shake and does their fair share – where if you stepped up, did your job, and were loyal to your company, that loyalty would be rewarded with a decent salary and good benefits; maybe a raise once in a while***’ (ср. ‘Но миллионы американцев, которые смотрят прямо сейчас, им плевать на политику. У них есть реальные жизненные проблемы. Многие месяцами ищут работу. Другие делают все возможное, чтобы просто свести концы с концами – отказываются от ночных посиделок с семьей, чтобы сэкономить

на бензине или выплатить ипотеку; откладывают выход на пенсию, чтобы отправить ребенка в колледж. Эти мужчины и женщины выросли с верой в Америку, где упорный труд и ответственность окупаются. Они верили в страну, где каждый получает справедливую долю и выполняет свою работу добросовестно – где, если вы активны в работе, выполняете свои обязанности честно и преданы своей компании, это трудолюбие и преданность будут вознаграждены достойной зарплатой и хорошими льготами; может быть, повышением иногда' [Barack Obama, September 8, 2011].

Анализируя семантический признак (4) «*political science*», получаем такие контекстуальные эквиваленты, как *political economy, political geography, political scientist, theory, government regulations, policies*: (6) '... *to our laws, our **sustained and continuous policies**; above all to the high individual average of our citizenship*' (ср. '... нашим законам, нашей устойчивой и последовательной политике; прежде всего высокому индивидуальному среднему показателю уровня жизни нашего гражданина' [Theodore Roosevelt, December 2, 1902]; (7) 'Now, I realize that some of you ***have a different theory on how to grow the economy. Some of you sincerely believe that the only solution to our economic challenges is to simply cut most government spending and eliminate most **government regulations*****' (ср. 'Теперь я понимаю, что у некоторых из вас другая теория о том, как развивать экономику. Некоторые из вас искренне верят, что единственное решение наших экономических проблем – это просто сократить большую часть государственных расходов и отменить большую часть государственных регулирований' [Barack Obama, September 8, 2011].

Признак (5) «*a system of political beliefs*» совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов: *politics, government, diplomacy, policy, politicization, governmental policies, public policy, parties*: (8) 'There may be honest differences of opinion as to many ***governmental policies***: but surely there can be no such differences as to the need of unflinching perseverance in the war against successful dishonesty. Such combinations are against ***public policy*** ...' (ср. 'Могут быть честные разногласия по многим вопросам правительственной политики: но, конечно, не может быть таких разногласий по вопросу о необходимости непоколебимого упорства в войне против вопиющей нечестности. Такие действия противоречат государственной политике ...' [Theodore Roosevelt, December 3, 1901];

Признак (6) «*a state of political affairs*» совпадает с набором семантических признаков контекстуальных эквивалентов *politics, political and economic relations, civilized and orderly powers, diplomacy, a diplomatic crisis / means, power*: (9) 'More and more the

increasing interdependence and complexity of international political and economic relations render it incumbent on all civilized and orderly powers to insist on the proper policing of the world' (ср. 'Все больше и больше растущая взаимозависимость и сложность в международных политических и экономических отношениях обязывают все цивилизованные и процветающие державы настаивать на надлежащем контроле над мировым устройством' [Theodore Roosevelt, December 2, 1902]; (10) '*We have the power to help. The United States is committed to working with other nations to reduce suffering and to spare lives*'. (ср. 'У нас есть все силы, чтобы помочь. Соединенные Штаты стремятся к сотрудничеству с другими странами, чтобы уменьшить человеческие страдания и спасти жизни людей' [George W. Bush, May 11, 2001]).

Анализ дискурсивных реализаций концепта POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков свидетельствует о том, что ядро данного концепта состоит из 4 лексем: *politics* (41% / 39%), *government* (43% / 42%), *affairs of state* (16% / 14%), *public affairs* (8% / 6%). Периферию концепта PEOPLE составляют еще 6 лексических единиц (далее ЛЕ): *diplomacy* (5% / 11%), *policy* (9% / 8%), *power struggles* (5% / 9%), *machinations* (3% / 4%), *manoeuvring* (4% / 2%), *polity* (2% / 1,5%), *realpolitik* (0,5% / 0,3%).

В результате анализа 2000 примеров контекстуального употребления синонимов имени концепта установлено, что концепт POLITICS представлен рядом **субстантивных номинаций** (*politics, government, administration, management, leadership, organization, direction, control, rule, command, conduct, operation, running, coordination, governance, supervision, regulation, guidance, operation, executive, regime, authority, council, powers that be, cabinet, ministry, affairs of state, public affairs, diplomacy, policy, power, power struggles, directorate, term of office, machinations, manoeuvring, polity, realpolitik, politician, representative, minister, statesman, stateswoman, senator, congressman, congresswoman, politico, leader, ruler, chief, head, administrator, principal, director, chairman, chairwoman, chair, superintendent, commissioner, controller, managers, employers, directors, board, directorate, executive, administration, head, supervisor, principal, director, superintendent, foreman, forewoman, overseer, organizer, administrator, chief, governor* – 80 ЛЕ), **адъективными номинациями** (*political, governmental, government, constitutional, ministerial, parliamentary, diplomatic, legislative, administrative, politic, wise, prudent, sensible, judicious, expedient, advantageous, beneficial, profitable* – 18 ЛЕ), **глагольными номинациями** (*to politicize, to govern, to rule, to preside over, to control, to be in charge of, to command, to run, to lead, to dominate, to head, to manage, to oversee, to supervise, to determine, to decide, to constrain, to regulate, to direct, to dictate, to shape, to affect, to administer, to operate, to coordinate, to conduct, to handle, to organize, to steer, to dispense, to*

issue, to give out, to provide, to apply, to offer, to distribute, to deliver, to hand out, to deal out, to dole out, to restrain, to keep in check, to curb, to hold back, to suppress, to repress, to limit, to restrict, to curb, to cap –50 ЛЕ).

На основе номинаций концепта и членов его СР отдельно выделяются свободные словосочетания, которые также представляют содержание концепта: *American politics, crooked politics, political affiliation / activity, political terms / relations, long-continued governmental policies, public / world / radical policy, lousy politicians, a permanent political class.*

Анализ дискурсивных реализаций номинантов концепта POLITICS в XX в. свидетельствует о том, что доминантными ЛЕ являются *politics* (41%), *policy* (18%), *government* (6%), *administration* (5%), *organization* (3%), *management* (2,9%).

В начале XXI века наибольшую частотность актуализации находят такие вербализаторы концепта, как *politics* (42%), *government* (14%), *administration* (10%), *policy* (6%), *authority* (5%).

Некоторые номинации, которые выражают концепт POLITICS исчезают, например: *polity* (0,33%), *realpolitik* (0,32%) и появляются новые, такие как *campaign* (1,1%), *black power* (0,8%), *white power* (0,6%), *soft power* (0,3%).

Анализ семантических признаков имени концепта, синонимов имени концепта и их частеречных дериватов позволяет представить структуру семантического пространства концепта в виде модели, состоящей из четырех сегментов POWER IN PUBLIC LIFE, INFLUENCE, POLITICAL VIEWS / BELIEFS, A STATE OF POLITICAL AFFAIRS.

Анализ дискурсивных реализаций позволил дополнить прототипические представления о концепте POLITICS. Публичные выступления президентов США свидетельствуют о том, что значение данного концепта в АПД как XX, так и в начале XXI веков формируют четыре концептуальных уровня, которые образуются при помощи иерархически взаимозависимых и взаимообусловленных признаков.

Первый уровень структуры концепта репрезентируется девятью сегментами, которые далее подразделяются на микросегменты.

Актуализация сегмента POWER IN PUBLIC LIFE происходит при помощи объективации признаков: *(political) control, regime, a power struggle, (rival) party, authority, country, the body politic, public policy*: (11) *'But our policy cannot change, and it will not change. America and the world will not be blackmailed by this ruthless policy'* (ср. 'Но наша политика не может измениться, и она не изменится. Никто не сможет шантажировать Америку и мировое сообщество с помощью этой безжалостной политики') [George H. W., September 11, 1990].

Сегмент INFLUENCE представлен признаками *influence, power over men or things, effect on the mind, representative government*: (12) ‘... *Liberty – liberty within the law – and civilization are inseparable, and though both were threatened we find them now secure; and there comes to Americans the profound assurance that our **representative government is the highest expression and surest guaranty of both***’ (ср. ‘... Свобода – свобода в рамках закона – и цивилизация неделимы, и хотя обе они были под угрозой, мы теперь видим, что они в безопасности; и к американцам приходит глубокая уверенность в том, что наше избранное народом правительство является высшим выражением народной воли и самой надежной гарантией свободы в рамках закона и человеческого существования и процветания’ [Warner Harding, March 4, 1921]; (13) ‘... *there’s a crisis for folks who have power and influence and can hire lobbyists, but for the nurse, the teacher, the police officer, who, frankly, at the end of each month, they’ve got a little financial crisis going on*’ (ср. ‘...кризис наступает для людей, имеющих власть и влияние и могущих нанимать лоббистов, но не для медсестры, учителя, полицейского, которые, честно говоря, в конце каждого месяца сталкиваются с небольшим личным финансовым кризисом’) [First McCain-Obama Presidential Debate, September 26, 2008].

Актуализация сегментов POLITICAL VIEWS / BELIEFS происходит при помощи объективации признаков *conservatism, liberalism, the party of liberty, equality, justice, republicanism, populism, separatism, socialism, monarchism, nationalism, individualism, collectivism, racial / religious / sex segregation, segregation by age and sex*: (14) ‘*Martin Luther King was born in 1929 in an America where, because of the color of their skin, nearly 1 in 10 lived lives that were **separate and unequal**. Most black Americans were taught in **segregated** schools. Across the country, too many could find only poor jobs, toiling for low wages. They were refused entry into hotels and restaurants, made to use separate facilities. In a nation that proclaimed **liberty and justice for all**, too many black Americans were living with neither*’ (ср. ‘Мартин Лютер Кинг родился в 1929 году в Америке, где из-за цвета кожи почти 1 из 10 подвергался гонениям. Большинство чернокожих американцев обучались в сегрегированных школах. По всей стране слишком многие могли найти только плохую работу, работая за низкую зарплату. Им отказывали в приеме в гостиницы и рестораны, заставляли пользоваться отдельными помещениями. В стране, которая провозгласила свободу и справедливость для всех, слишком много чернокожих американцев жили ни с тем, ни с другим’) [Ronald Reagan, November 2, 1983]; (15) ‘*Republicans are **the party of liberty, equality, and justice for all**. We are the party of Abraham Lincoln, and we are the party of law and order. Think of what we’ve done*’ (ср. ‘Республиканцы – партия свободы, равенства и справедливости для всех. Мы – партия

Авраама Линкольна, и мы – партия закона и порядка. Подумайте, что мы сделали’ [Donald Trump, June 20, 2020].

Сегмент A STATE OF POLITICAL AFFAIRS представляют микросегменты **political / social / economic / military policy, body politic, anarchy, regime**:(16) ‘... *the general body politic and social murderous anarchy* ...’ (ср. ‘... привычная политическая практика и человеко-убийственная анархия’) [Theodore Roosevelt, December 3, 1901]; (17) ‘*They want to demolish our heritage so they can impose their new oppressive **regime** in its place*’ (ср. ‘Они хотят уничтожить наше наследие, чтобы навязать вместо него свой новый репрессивный режим’) [Donald Trump, June 20, 2020].

Следует заметить, что результаты исследования контекстов, в которых актуализируются семантические признаки концепта, указывают на то, что сегментная структура концепта POLITICS в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков имеет неоднородный характер. Как свидетельствует анализ эмпирического материала наибольшее количество контекстов, которые вербализируют концепт POLITICS в XX в., актуализируют сегменты POLITICAL VIEWS / BELIEFS (35%) и A STATE OF POLITICAL AFFAIRS (25%).

В начале XXI в. на первый план выдвигается сегмент POWER IN PUBLIC LIFE (36%) и INFLUENCE (24%), что находит свое непосредственное выражение в тесной связи концепта POLITICS с дискурсообразующими концептами POWER и STATE, а также национально-маркированными DEMOCRACY, LIBERTY, AMERICA.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в английском языке контекстуальное семантическое пространство представлено большим количеством признаков, чем семантическое пространство концепта, смоделированное на основании словарных дефиниций.

Образно-ценностный компонент концепта POLITICS реализуется в американском политическом дискурсе XX- начала XXI веков при помощи различных разноуровневых языковых средств [Фатьянова, 2023]. Среди основных языковых средств реализации концепта доминируют лексические средства (82%), включающие метафору, фразеологизмы, термины, терминологизмы, метонимию, эпитеты, сравнения, эвфемизмы. Синтаксические средства составляют (18%), ведущими являются сложноподчиненные предложения, семантический повтор, синтаксический параллелизм, отрицательные предложения, антитеза, анафора.

Следует заметить, что образная интерпретация концепта POLITICS осуществляется с помощью привлечения механизма метафоры. Анализ текстовых фрагментов американского

политического дискурса показал, что метафорическая интерпретация концепта POLITICS реализуется благодаря концептуальным метафорам [Фатьянова, 2021б]. Политики, имеющие целью внушить какую-либо точку зрения адресату, прибегают к образам природы, человека, войны и мира, духовного мира, света и тьмы, профессионального круга, науки, культуры и спорта, научно-технического прогресса, что непосредственно находит выражение в доминирующих метафорических моделях XX – начала XXI веков, таких как POLITICS IS POWER (14% / 16%), POLITICS IS WAR (12% / 14%), POLITICS IS THEATER (7% / 5,5%), POLITICS IS BUSINESS (5% / 7,5%), POLITICS IS SPORT (4,5% / 5%), POLITICS IS HUNT (4,2% / 5%), POLITICS IS PROFESSION (3,5% / 3%), POLITICS IS GOOD / EVIL (3,5% / 1,2%), POLITICS IS GAMBLING (3% / 1,8%), POLITICS IS SCIENCE (2,7% / 2,5%), POLITICS IS RELIGION (2,5% / 1,5%), POLITICS IS JOURNEY (2% / 4,5%), POLITICS IS CRIME (1,2% / 2,7%) (структурные метафоры); POLITICS IS NATURAL PHENOMENON (8,8% / 7%), POLITICS IS PLANT (8,5% / 4,5%), POLITICS IS BEAST (3,6% / 3,8%) (онтологические метафоры) и POLITICS IS UP (8,5% / 9%), POLITICS IS DOWN (5,5% / 4,5%) (ориентационные метафоры).

В американском политическом дискурсе XX в. политика часто представляется как профессия. Неоднозначная трактовка данной метафорической модели представлена в речи Рональда Рейгана, где акцентируется продажность, беспринципность, отсутствие моральных устоев в политической сфере: (18) *'Politics is supposed be the second **oldest profession**. I have come to realize that it bears a very close resemblance to the first'* (ср. 'Политика считается второй древнейшей профессией. Я пришел к выводу, что она очень похожа на первую') [Presidential Rhetoric].

В данном виде дискурса начала XXI в. на первый план выходит военная метафора, представленная моделью POLITICS IS WAR: (19) *'I was proud to **help lead the fight in Congress that led to the most sweeping ethics reform since Watergate**'* (ср. 'Я гордился тем, что помог возглавить борьбу в Конгрессе, которая привела к самой масштабной этической реформе со времен Уотергейта') [Barack Obama, September 6, 2008].

В данном выступлении политические действия рассматриваются как война. Барак Обама подчеркивает свое деятельностное участие в Конгрессе, а именно лоббирование интересов тех или иных групп в правительстве. Представляя себя как участника «военных действий» за справедливость, демократию и благополучие страны, будущий президент создает себе имидж ответственного и серьезного политика, способного предпринимать решительные действия в критической ситуации. Тем самым, внушается аудитории мысль о том, что, если другие политики не «ведут войну», то они не только недооценивают

степень угрозы сложившихся обстоятельств, а, на самом деле, являются безответственными политическими деятелями.

Таким образом, в американском политическом дискурсе начала XXI века доминирует военная метафора, которая указывает на наличие жестокой конкуренции не только среди политических деятелей, но и в обществе в целом. Политическая система пронизана духом милитаризма и осмысливается в терминах войны со всеми и против всех, что может быть объяснено сущностью самого политического дискурса – борьбой за власть.

Терминологизм – языковая единица, которая функционирует в естественном языке в качестве термина, но при употреблении в нетерминологическом контексте и под влиянием определенных факторов у данной единицы развивается переносное значение, она становится фразеологизмом и начинает функционировать в языке как фразеологическая единица [Никулина, 2005: 7]. Данные единицы продолжают оставаться терминами, но реализуют свои значения – первые, буквальные, но осложненные, и вторые, метафорические, в зависимости от контекста – терминологического или фразеологического, например: *nuclear option* (процесс разоружения, возможность применения ядерного оружия, крайняя мера); *front runner* (лидер забега, лидер предвыборной «гонки», кандидат, который имеет больше шансов быть выдвинутым на партийном съезде и способен победить на выборах).

Вместе с метафорами, фразеологическими единицами, терминологизмами и терминами, эвфемизмы выступают одним из продуктивных источников вербализации образно-ценностного компонента концепта POLITICS. Данное стилистическое средство представляет собой перенос значения, перефразирование или замену одного нежелательного или недозволительного слова / словосочетания на другое с целью смягчения и «завуалирования» действительности. В американском сообществе эвфемизмы выступают своеобразным маркером принадлежности к определенной политической партии и методом убеждения адресата, напр.: *collateral damage* (сопутствующий ущерб), *enhanced interrogation techniques* (усовершенствованные методы допроса), *detainees* (задержанные), *detention camp* (лагерь для задержанных), *overseas contingency operations* (зарубежные операции по чрезвычайным ситуациям). Следует отметить, что эвфемизмы в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков скрывают и маскируют слова, которые могут вызвать отрицательную реакцию у адресата, поскольку политика, власть и государство в речи адресанта представляется как демократическое, гуманное, стремящееся к миру и благоденствию, в котором нет войн, коррупции, терроризма и конфликтов.

Следует заметить что, эвфемизмы в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков используются для исключения каких-либо видов дискриминации (расовой, возрастной, социальной, религиозной, этнической), напр.: *a career change* (смена карьеры), *early retirement opportunity* (возможность раннего выхода на пенсию), *career / employee transition* (понижение / переход сотрудника на низкооплачиваемое место), *a surplus reduction in personnel* (избыточное сокращение персонала), *workforce imbalance correction* (коррекция дисбаланса рабочей силы).

Для актуализации концепта POLITICS в американском политическом дискурсе на синтаксическом уровне широко используются семантический повтор и синтаксический параллелизм: (20) *'This isn't political grandstanding. This isn't class warfare. This is simple math. This is simple math. These are real choices. These are real choices that we've got to make'* (ср. 'Это не политическое бахвальство. Это не классовая борьба. Это простая математика. Это простая математика. Это реальный выбор. Это реальный выбор, который нам нужно сделать') [Barack Obama, 2008].

Выводы. Концепт POLITICS является ведущим дискурсообразующим концептом американского политического дискурса XX – начала XXI веков, объединяя в себе компоненты, присущие таким дискурсообразующим концептам как POWER, STATE, PEOPLE и национально-маркированным AMERICA, DEMOCRACY, LIBERTY, PRESIDENT.

Прослеживается динамика ядерных и периферийных признаков концепта POLITICS и его ключевых слов в данном виде национального дискурса, в частности выявлены важнейшие тенденции в реализации концепта в XX веке, а именно актуализация таких характеристик как функции политики, структура государственного управления и виды, в то время как в начале XXI века на первый план выходит власть / сила и мощь государства как залог доминирования в мировой политике, политическая система и идеология как основа государственной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка // *Studia Linguistica*. Санкт-Петербург, 2019. № 28. С. 52-58.
2. Карасик В. И. Дискурс // *Социальная психоллингвистика: Хрестоматия*. Москва: Лабиринт, 2007. С. 162-196.
3. Неретина С. С., Огурцов А. П. Концепты политического сознания // *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. 2009. № 1. С. 17-72.
4. Никулина Е. А. Теминологизмы как результат взаимодействия и взаимовлияния терминологии и фразеологии современного английского языка: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 2005. 44 с.
5. Трофимова Ю. В. Концепт «Политика» в русской языковой картине мира: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул, 2004. 20 с.
6. Фатьянова И. В. Методика лингвистического анализа лингвокогнитивных и

коммуникативных особенностей американского политического дискурса XX-XXI вв. // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021a. Т. 17. № 3 (53). С. 107-125.

7. Фатьянова И. В. Метафора как способ реализации интенции в американском политическом дискурсе XX века // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2021b. Т. 17. № 4 (54). С. 24-36.

8. Фатьянова И. В. Особенности функционирования оценочной лексики в американском политическом дискурсе XX – начала XXI веков (на материале публичных выступлений президентов) // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2023. Т. 19. № 4 (62). С. 50-62.

9. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. Москва: Флинта, Наука. 2006. 254 с.

10. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва: Гнозис, 2004. 326 с.

11. Byessonova O. Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarina Žeňuchová. Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University, 2021. P. 259-284.

12. Bessonova O. L., Fatianova I. V. Dynamics of American political discourse of the 20th – early 21st centuries // *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024. Vol. 23, No. 1. P. 69-83. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.1.6.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Bush G.H.W. Address Before a Joint Session of Congress, 11 September 1990. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress>. (дата обращения: 09.01.2025).

2. First McCain-Obama Presidential Debate, September 26, 2008 Debate Transcript. Доступ: <https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/first-presidential-debate.html>. (дата обращения: 10.01.2025).

3. Harding W. Inaugural Address, 4 March 1921. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1921-inaugural-address>. (дата обращения: 10.01.2025).

4. Reagan R. Speech on the Creation of the Martin Luther King, Jr., National Holiday, 2 November 1983. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-2-1983-speech-creation-martin-luther-king-jr-national>. (дата обращения: 12.01.2025).

5. Trump D. State of the Union Address, 30 January 2018. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address>. (дата обращения: 10.01.2025).

6. Trump D. Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma, 20 June 2020. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-20-2020-campaign-rally-tulsa-oklahoma> (дата обращения: 10.01.2025).

7. Obama B. Debate Transcript, 26 September 2008. Доступ: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/2008-debate-transcript>. (дата обращения: 10.01.2025).

8. Obama B. Night Before the Election, 2008. Доступ: <http://obamaspeeches.com/E-Barack-Obama-Speech-Manassas-Virgina-Last-Rally-2008-Election.htm>. (дата обращения: 12.06.2022).

9. Obama B. Address to Congress on the American Jobs Act, 8 September 2011. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act> (дата обращения: 09.10.2025).

10. Presidential Rhetoric.com. Доступ: <http://www.presidentialrhetoric.com/programs/index.html>. (дата обращения: 10.01.2025).

11. Roosevelt F.D. State of the Union (Four Freedom), 6 January 1941. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms>. (дата обращения: 10.01.2025).

12. Roosevelt Th. First Annual Message, 3 December 1901. Доступ: <https://millercenter.org/>

the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message. (дата обращения: 09.01.2025).

13. Roosevelt Th. Second Annual Message, 2 December 1902. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message>. (дата обращения: 09.01.2025).

14. Roosevelt Th. Message Regarding US-Cuban Commercial Convention, 10 November, 1903. Доступ: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-10-1903-message-regarding-us-cuban-commercial>. (дата обращения: 10.01.2025).

REFERENCES

1. Bessonova, O. L. (2019). Osnovnye kharakteristiki otsenochnogo tezaurusa angliyskogo yazyka [Principal Features of English Evaluative Theasaurus]. In *Studia Linguistica*. Sankt-Peterburg. No 28. Pp. 52-58. (In Russ.).

2. Karasik, V. I. (2007). Diskurs [Discourse]. In *Sotsialnaya psiholingvistika: Khrestomatiya*. Moskva: Labirint. Pp. 162-196. (In Russ.).

3. Neretina, S. S., Ogurtsov, A. P. (2009). Kontsepty politicheskogo soznaniya [Concepts of political consciousness]. In *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal mezhdisciplinarnykh issledovaniy*. No 1. Pp. 17-72. (In Russ.).

4. Nikulina, E. A. (2005). *Terminologizmy kak rezultat vzaimodeystviya i vzaimovliniya terminologii i frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Terminologisms as a result of interaction and mutual influence of terminology and phraseology of the modern English language]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).

5. Trofimova, Yu. V. (2004). *Kontsept «Politika» v russkoy yazykovoy kartine mira* [The concept of «Politics» in the Russian linguistic picture of the world]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Barnaul. (In Russ.).

6. Fatianova, I. V. (2021a). Metodika lingvisticheskogo analiza lingvokognitivnykh i kommunikativnykh osobennostey amerikanskogo politicheskogo diskursa XX-XXI vv. [Method of linguistic analysis procedure of linguo-cognitive and communicative features of American political discourse of XX-XXI-st centuries]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17. No 3(53). Pp. 107-125. (In Russ.).

7. Fatianova, I. V. (2021b). Metafora kak sposob realizatsii intentsii v amerikanskom politicheskom diskurse XX veka [Metaphor as a means of expressing intention in American political discourse of the XX-th century]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 17. No 4 (54). Pp. 24-36. (In Russ.).

8. Fatianova, I. V. Osobennosti funktsionirovaniya otsenochnoy leksiki v amerikanskom politicheskom diskurse XX – nachala XXI vekov (na materiale publicnykh vystupleniy prezidentov) [Peculiarities of Linguistic Means of Evaluation Functioning in American Political Discourse of the XXth – Beginning of the XXIst Centuries]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 19. No 4(62). Pp. 50-62. (In Russ.).

9. Chudinov, A. P. (2006). *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moskva: Flinta, Nauka. (In Russ.).

10. Sheygal, E. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moskva: Gnozis. (In Russ.).

11. Byessonova, O. (2021). *Evaluative Thesaurus as Instrument in Coding Values of the English Linguocultural Community. The Ethical and Axiological Aspects in the Literature and the Culture of the 20th and 21st Centuries* [Collective monograph] / edited by Maja Jakimovska-Toshikj, Katarína Žeňuchová. – Skopje: Institute of Macedonian Literature, Ss. Cyril and Methodius University. Pp. 259-284.

12. Bessonova, O. L., Fatianova, I. V. (2024). Dynamics of American political discourse of the 20th - early 21st centuries. In *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. Vol. 23. No. 1. Pp. 69-83. DOI 10.15688/jvolsu2.2024.1.6.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Bush, G.H.W. *Address Before a Joint Session of Congress*, 11 September 1990. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-11-1990-address-joint-session-congress>. (accessed: 09.01.2025).
2. *First McCain-Obama Presidential Debate*, September 26, 2008 Debate Transcript. Available at: <https://www.nytimes.com/elections/2008/president/debates/transcripts/first-presidential-debate.html>. (accessed: 10.01.2025).
3. Harding, W. *Inaugural Address*, 4 March 1921. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/march-4-1921-inaugural-address>. (accessed: 10.01.2025).
4. Reagan, R. *Speech on the Creation of the Martin Luther King, Jr., National Holiday*, 2 November 1983. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-2-1983-speech-creation-martin-luther-king-jr-national>. (accessed: 12.01.2025).
5. Trump, D. *State of the Union Address*, 30 January 2018. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-30-2018-state-union-address> (accessed: 10.01.2025).
6. Trump, D. *Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma*, 20 June 2020. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-20-2020-campaign-rally-tulsa-oklahoma>. (accessed: 10.01.2025).
7. Obama, B. *Debate Transcript*, 26 September 2008. Available at: <https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/2008-debate-transcript>. (accessed: 10.01.2025).
8. Obama, B. *Night Before the Election*, 2008. Available at: <http://obamaspeeches.com/E-Barack-Obama-Speech-Manassas-Virgina-Last-Rally-2008-Election.htm>. (accessed: 12.06.2022).
9. Obama, B. *Address to Congress on the American Jobs Act*, 8 September 2011. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/september-8-2011-address-congress-american-jobs-act>. (accessed: 09.01.2025).
10. *Presidential Rhetoric. com*. Available at: <http://www.presidentialrhetoric.com/programs/index.html>. (accessed: 10.01.2025).
11. Roosevelt, F. D. *State of the Union (Four Freedom)*, 6 January 1941. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-6-1941-state-union-four-freedoms>. (accessed: 09.01.2025).
12. Roosevelt, Th. *First Annual Message*, 3 December 1901. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-3-1901-first-annual-message>. (accessed: 09.01.2025).
13. Roosevelt, Th. *Second Annual Message*, 2 December 1902. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-2-1902-second-annual-message>. (accessed: 09.01.2025).
14. Roosevelt, Th. *Message Regarding US-Cuban Commercial Convention*, 10 November, 1903. Available at: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/november-10-1903-message-regarding-us-cuban-commercial>. (accessed: 10.01.2025).

Фатьянова Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка для экономических специальностей (e-mail: irafatianova@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Fatyanova Irina V. – Doctor of Philology, Associate Professor of English Philology Department, Head of English for Economics Department (e-mail: irafatianova@mail.ru), Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 27 января 2025 г.

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811: 133

© 2025 С. Е. Кремзикова

ДИНАМИКА ЛИНГВОКРЕАТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ДИСКУРСАХ СТАРОФРАНЦУЗСКОГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫХ СИТУАЦИЙ)

В статье проведено исследование языковых средств вербализации деятельностных ситуаций церемониального типа с позиций конструирования модели как универсальной категории, которая охватывает лексическую семантику, словообразование, взаимодействует с категориями текста и дискурса. В рамках данной проблемы в работе рассматриваются вопросы: 1) выделения признаков деятельностной ситуации как динамичной полиситуативной структуры; 2) выявления факторов полиситуативности деятельностной ситуации с учетом разных аспектов, непосредственно связанных со словом – грамматического, семантического, словообразовательного. В статье обосновывается положение о том, что лингвистическая креативность, соотносится с языковой нормой как когнитивной программой реализации ее реальных и потенциальных возможностей в дискурсивных практиках.

Ключевые слова: дискурс, лингвокреативность, старофранцузский период, концепт, деятельностная ситуация.

© 2025 S. Ye. Kremzikova

DYNAMICS OF LINGUOCREATIVE PROCESSES IN DISCOURSES OF THE OLD FRENCH PERIOD (BASED ON THE MATERIAL OF CEREMONIAL ACTIVITY SITUATIONS)

The article studies the lingua-creative potential of linguistic means of verbalization of ceremonial situations from the standpoint of constructing a model of an activity situation as a universal category that covers lexical semantics, word formation, and interacts with the categories of text and discourse. Within the framework of this problem, the paper considers the following issues: 1) identifying the features of an activity situation as a dynamic polysituational structure; 2) identifying the factors of polysituational activity situation taking into account various aspects directly related to the word – grammatical, semantic, word-formation. The article substantiates the position that linguistic creativity is related to the language norm as a cognitive program for the implementation of its real and potential capabilities in discursive practices.

Key words: discourse, linguistic creativity, Old French period, concept, activity situation.

Введение

В современной лингвистике существуют различные подходы к толкованию понятия «лингвистическая креативность». Н. Хомский определяет ее как врожденную способность личности к обработке лингвистического опыта, в котором «... нормальные языковые способности распространяются на неограниченную область: каждый носитель может произвести и понять неограниченное число языковых выражений при нормальном

употреблении языка». Автор отмечает: «Эта замечательная способность, которая называется критически значимым компонентом «креативности» обыденного использования языка ... считается принципиально важной составляющей человеческой природы» [Хомский, 2005: 13-14]. По-разному объясняются и причины возросшей популярности этого термина в последние десятилетия. Важным этапом в развитии теории лингвокреативности является ее выход на исследования текста и дискурса. Согласно разработанной модели «Смысл-текст» определяется креативная функция языка как трансформатора заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы [Мельчук, 1974: 9]. В предисловии к коллективной монографии «Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности» отмечается, что в эпоху цифровых технологий с ускорением процесса обмена информацией, расширением сферы межличностных контактов, развитием новых форм коммуникативного взаимодействия (виртуальных, онлайн), создаются условия к изменениям в языковой системе. Особенно важным, на взгляд авторов книги, «... представлялось исследование функционального потенциала системно-языковых техник и стратегий лингвокреативности, действующих в определенных дискурсивных условиях при участии экстралингвистических факторов» [Зыкова, 2021: 12].

В то же время, в трактовке понятия лингвистическая креативность, отмечаются различные аспекты, которые требуют уточнения. В ряде работ данное явление рассматривается в оппозиции 'лингвистическая креативность – языковая норма' в разработке метаязыка исследований креативного потенциала языковой системы в разных дискурсивных практиках, а также в изучении исторической динамики и тенденций развития языка. [Зыкова, 2021, Гридина, 2008; 2012, 2013; Демьянков, 2021; Семенова, 2023; Соколова, 2021, Сотникова 2021]. Лингвокреативность как коммуникативная стратегия говорящего рассматривается также в аспекте антропоцентризма, что обуславливает, как считает автор, непредсказуемость «текстового материала за счет появления огромного количества несуществующих лексических номинаций» [Захаров, 2024: 610]. В коллективной монографии «Лингвистика креатива 1 и 2» под редакцией Т. А. Гридиной лингвокреативность представляется как вид деятельности, в рамках которого происходят словотворчество, языковая игра [Гридина, 2012; 2013]. Лингвокреативность определяют как деятельность, мыслительный процесс, который находит своё выражение языковыми средствами, когда языковая личность отступает от языковых норм и употребляет языковые единицы (в частности, лексику) в несвойственных контекстах, дополняя семантику новыми

оттенками значения. Отмечается способность языковой игры реализоваться на любом уровне [Сотникова, 2021: 58].

В ряде исследований обосновывается иная точка зрения, отмечается взаимодействие факторов языковой креативности и языковой системы и нормы. Так, в работах известных российских ученых лингвокреативность понимается как источник создания языкового канона, как движущая сила в реализации языковой системы. [Арутюнова, 1999, 79; Гак, 2016]. Говоря об индивидуальном творчестве авторов, В. Г. Гак отмечает, что оно «сводится к специфическому индивидуальному использованию общих типов языкового варьирования» [Гак, 2016]. В статье «Лингвистическая креативность: нарушение нормы?» Е. Г. Беляевская отмечает, что «лингвистическая креативность основывается на знании языковой системы (language competence) и реализуется в сфере пользования языком (language performance), т. е. в сфере номинации и сфере текстоформирования, где она начинает соотноситься с языковой нормой как когнитивной программой дальнейшей «правильной» реализации языковой способности в дискурсивных практиках». Автор считает, что лингвистическая креативность, которую принято связывать с отступлением от языковых средств, приводящим к повышению эффективности прагматического воздействия, не следует трактовать как нарушение принятой системной и/или коммуникативной нормы [Беляевская, 2022: 62]. Акцентируется также ведущая роль нормы в языковой деятельности, которая обусловлена тем, что «понять и осмыслить феномен лингвокреативности можно только на фоне нормы» [Гришаева, 2022: 19; Guilbert, 1975]. Как известно, норма представляет собой совокупность моделей конструирования языковых единиц и правил сочетания их элементов в соответствии с закономерностями развития системы языка. Обладая способностью вариативности, языковая система обуславливает и лингвистическую креативность как «реализацию потенциала языковой системы в процессе дискурсивной деятельности говорящего с учетом возможных пределов расширения нормы» [Беляевская, 2022].

Современные ученые высказывают мнение о том, что креативность дискурса базируется на динамических ментальных репрезентациях, которые позволяют интегрировать новые смыслы в реальном общении [Алефиренко, 2005: 209; Faconnier, 2002]. В. З. Демьянков считает, что креативность в употреблении языка предполагает опыт создания, восприятия и критики речевых произведений. Одним из важнейших параметров креативности является степень «контекстной креативности», зависящая от редкости не только лексем, но и их контекстов [Демьянков, 2021: 23]. Отмечается, что языковые механизмы реализации лингвистической креативности

охватывают все уровни языковой системы, и, как следствие, являются приоритетными в исследованиях синхронного плана.

Создаются также предпосылки для постановки и необходимости решения комплекса сложных вопросов, среди которых и вопросы креативной функции языка в разные периоды его развития и в дискурсах разных типов, представляющих ключевые социокультурные сферы коммуникативного взаимодействия. Так, известные российские ученые В. Н. Ярцева, на материале английского языка, Н. А. Катагощина, на материале французского языка, рассмотрели целый ряд важнейших вопросов, позволяющих в диахроническом ключе выявить связь лингвистического творчества с выработкой нормативных форм употребления единиц языка на ранних исторических этапах его существования [Ярцева, 2022; Катагощина, Васильева, 1997]. В этом плане, выбор дискурсов старофранцузского периода для исследования реализации творческого потенциала языка обусловлен рядом факторов: важностью привязанности дискурсов к определенным событиям социокультурной жизни Средневековой Франции, принадлежностью дискурсов к различным жанрам (эпическому и куртуазному), представляющим значительный временной отрезок (XI–XIII вв.).

Основная часть

Широкое толкование дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речи, текста, диалога превалирует в современной лингвистической литературе. Ученые считают, что разные типы дискурсов имеют общую основу, что позволяет говорить о дискурсе вообще и прототипичной модели дискурсивной деятельности, сущностью которой является «... формирование смысла и его становление, фиксации как текста»

Дискурс как система коммуникации, как процесс, приводящий к формированию текста, связной речи, как средство речевого моделирования образа, порожденного человеческим сознанием, представляет определенный интерес в исследовании явлений лингвокреативности [Charaudeau, Maingueneau 2002]. В любом дискурсе происходит прямая или косвенная репрезентация структуры предметной (референтной) ситуации: проводится идентификация объектов и отношений, характерных для данной ситуации, приписыванием определенных признаков. Таким образом, акт референции делает ситуацию объектом дискурсивного действия. Ситуация же представляет сеть связей между позициями действия, формирующих определенную фактологическую данность и перспективу события [Бурбело, 2004: 81].

Считается, что когнитивный образ предметно-референтной ситуации опирается на

знания о предмете, вытекающие из предыдущего опыта и вероятности прогнозирования. Такой образ может быть представлен в виде модели – некоторой базовой структуры представления знаний о предметно-референтной ситуации [Ажеж, 2003: 121-122]. Реальная предметная ситуация может интерпретироваться в акте речевой деятельности.

Концепция деятельностной ситуации как комплексной дискурсивной единицы. Деятельностная ситуация объединяет аспекты *языковой ситуации* (используются единицы системы языка соответствующего исторического периода), *коммуникативной ситуации* (элементы конкретных подязыков и их стилистических средств), *текстовой ситуации* (контекстуальные парадигмы различной структуры), *категориальной ситуации* (актуализация грамматических категорий: времени, аспекта, рода действия), *когнитивной ситуации* (стереотипы, которые отражают знания, убеждения, взгляды, опыт носителей языка; оценки определенных явлений, действий, событий) [Кремзикова, 2010: 87].

В работе предложено толкование деятельностной ситуации как лингвокреативной модели онтологической ситуации, формула которой на концептуальном уровне отражает характер связей между явлениями реального мира. Она является его «функциональной аппроксимацией». Модель деятельностной ситуации представляет, таким образом, центр отношений, который организует языковые единицы в синтагматическом и парадигматическом планах. В рамках деятельностной ситуации такие парадигматические единицы, как тематические, словообразовательные, лексические (синонимические, антонимические, паронимические, омонимические) ряды выполняют организационную роль, образуя структурный ее каркас. Деятельностная ситуация представляет, таким образом, узел отношений, организует языковые единицы в *синтагматическом и парадигматическом планах*, делает возможным существование широкой *концептуальной (глубинной) сети взаимоотношений*, которая на поверхностном уровне дискурса отражает эти отношения в виде семантически и формально связанных слов. Время существования ситуации определенного действия сводится к одному раунду наблюдения, *деятельность определяется совокупностью разнородных и разноплановых действий*, направленных к достижению цели; существование деятельностной ситуации во времени подтверждается ее разворачиванием как ряда эпизодов [Кремзикова, 2010; 2021].

Динамическая составляющая. Динамический аспект мировосприятия отражает событийную концептуализацию действительности, то есть представление ситуации как сегментированного хода событий с акцентом на связях и отношениях. Развитие деятельностной ситуации происходит как через синтагматическую последовательность высказываний, так и путем реализации «парадигматических проекций» (термин,

предложенный С. Lévi-Strauss в установлении им парадигматической структуры мифа, а затем А. J. Greimas как одной из составляющих структуры текста) [Lévi-Strauss, 1974; Greimas, 1976], которые отражают и деривационно-семантические отношения ключевого термина и его контекстуальных синонимов.

Деятельностная ситуация как динамическая составляющая развертывания дискурса отражает действия и процессы, которые в каждый отдельный момент существуют в определенной фазе их развития: каждая следующая фаза переходит в другую, и, таким образом, действие или процесс получают целостность. По этому признаку (фазовость, или дискретность существования) действия и процессы отличаются от предметов и свойств, последние воспринимаются как существующие в каждый момент в своей целостности [Кремзикова, 2010]. Как уже было отмечено, в системе языка существуют такие узлы, в которых креативный потенциал проявляется с наибольшей силой. Одной из таких открытых к творческим изменениям подсистем языка является словообразование, поскольку в словообразовательном процессе сохраняются формы перехода от действительности к мышлению и от мышления к языку. Языковыми носителями концептуальной информации выступают внутренняя форма слова, понятийное ядро значения, коннотация, парадигматические и синтагматические отношения, деривационные связи, ассоциативные связи, которые составляют определенную иерархию.

Модель деятельностной ситуации. Вербализованная деятельностная ситуация (ДС) вооружения, облачения рыцаря в доспехи реализуется в дискурсе, формируя сферу главного действия, выразителем каждого акта (сегмента) которой является предикат (П) *s'armer*, олицетворяющий функцию (Ф) центра отношений, а также обусловленные им (П¹, П², П*), актуализирующие развитие ситуации сегменты, которые взаимодействуют между собой. Схематически она представлена следующим образом:

ДС = П¹ / Ф¹ (А¹, А² ...) > П² / Ф² (А¹, А² ...) > П* / Ф* (А¹, А² ...) [Кремзикова, 2010: 51-55].

Примеры развития ситуации.

В синтагматике эпического и куртуазного дискурсов реализуются этапы ситуации, которые показывают ее развитие в динамике последовательности действий, выполняемых субъектом. Предикат широкой семантики *armer* 'вооружать(ся)' содержит потенциальные семы 'подготовиться к битве', 'надеть доспехи', которые реализуются рядом предикатов конкретного действия (*s')apareiller*, (*s')atorner*, *afaitier*, *vestir*, *chaucier*, *conreer*, *garnir*; а также предикатами, называющими событие, к которому готовится рыцарь *joster* 'сражаться в поединке', *tornoïier* 'участвовать в рыцарском турнире' [Gdf.; GDAF]. Актанты ситуации

определяются семантическим анализом ситуации или лексикографическим толкованием соответствующего слова [Мельчук, 1974: 134; Guilbert, 1975]. «*Por armer s'atorne et afeite: Premieremant se fist lacier Unes chauce de blanc acier. Après vest un hauberc tant chier Qu'an n'an pooit maille tranchier*» [Erec, 2636-2640]. «*Et li chevaliers se resvoille, s'atorne et si s'aparoille Et s'arme*» [Charrette, 1295-1297].

В парадигматической проекции дискурса реализуются мотивированные предикатами актанты A^1 , A^2 , представляющие определенный словообразовательный тип и формирующие словообразовательные ряды [Катагощина, 1997] или деривационные парадигмы [Guilbert 1975; Štekauer 2005; Sanacore, Hathout, Namer, 2020]. Словообразовательные ряды церемониального действия, функционирующие в дискурсах старофранцузского периода:

– Мотивированные именем существительным

- N^1 --- V^1 -er --- N^2 -eure; --- Pref.- V^2 / arme --- armer --- armeure; --- desarmer
- N^1 --- V^1 -er --- Pref.- V^2 / chauce --- chaucier --- deschaucier

– Мотивированные глаголом

- V^1 -ir --- N^1 -ement; ---Pref.- V^2 / garnir --- garnement / garnissement; --- desgarnir
- V^1 -er --- N^1 -eure; - N^2 -ø; - N^3 eor / conreer --- conreüre; ---conroi; ---conreor
- V^1 -ir --- N^1 -ement / N^2 -eüre; ---Pref.- V^2 vestir -vestement / vesteüre; -desvestir; -revestir
- V^1 -er --- N^1 -ement; ---Pref.- V^2 -er / apareiller ---apareillement; ---desapareiller
- V^1 -er --- N^1 -ement; --- Pref.- V^2 -er / afubler ---afublement; ---desafubler
- V^1 -er --- N^1 -ement; --- N^2 -eure /afaitier --- afaitement; --- afaiture
- V^1 -er --- N^1 -ement / atoner --- atonnement

Церемониальные деятельностные ситуации в дискурсах старофранцузского периода. В работе рассматриваются средства вербализации ситуаций церемониального типа «вооружать(ся), снаряжать(ся), готовиться к битве» и «снаряжать(ся), готовить(ся), посвящать в рыцари». Одними из основных вербализаторов этих деятельностной ситуаций церемониального типа в эпическом и куртуазном дискурсах являются глаголы *s'adober* (*s'équiper*) / *s'armer* ‘снаряжаться’, ‘вооружаться(ся)’, *adober* (*équiper un chevalier*) / *armer* ‘снаряжать рыцаря’, ‘вооружать’ [Gdf.; GDAF].

Анализ эпических поэм «*La Chanson de Roland*» / «Песня о Роланде», «*Le Couronnement de Louis*» / «Коронование Людовика», «*La Chanson de Guillaume*» / «Песня о Вильгельме», «*La Chanson d'Aspremont*» / «Песня об Аспремоне», «*Ipomedon*» / «Ипомедон» и ряда куртуазных романов, позволил зафиксировать динамику лингвокреативного процесса в реализации ситуаций церемониального действия «готовиться, снаряжаться к битве», «посвящать в рыцари». Последние актуализируются посредством функционирования форм ключевых глаголов *adober* / *armer*, мотивированных ими структурно различных

словообразовательных моделей, тематически и семантически организованных рядов слов, формирующих парадигматические и синтагматические проекции.

Синтагматико-парадигматические проекции деятельностной ситуации «снаряжать / вооружать». В ходе проведенного исследования установлено, что синтагматические и парадигматические проекции, образующие лексико-семантические сети концептуального поля деятельностной ситуации «снаряжение рыцарей к битве» формируются:

– акциональными глаголами (s') *armer v*, (s') *adober* с первоначальным значением 'вооружать(ся)' / 'снаряжать(ся)' к битве; антонимическими глаголами – (s') *armer v* / *desarmer*, 'вооружать(ся)' / 'разоружать(ся)', вербализирующими основной референт деятельностной ситуации; «*Païen s'adubent des osbercs sarazineis*» [Rol. 994];

– глаголами *apareillier*, *aprester*, с общим значением 'подготовить(ся) / оснастить себя', идентифицирующими главный референт, отражая определенные его аспекты, и функционирующими как конситуенты деятельностной ситуации; «*Carles comande que l'os soit apretee*» [Asprem. I, 1605];

– глаголами *garnir*, *conrëer*, *atorner*, *vêtir* с общим значением 'надевать что-либо';

– глаголами с конкретным значением «надевать доспехи, вооружаться» – как, например, *ceindre v* 'опоясать / повесить на пояс' (чаще всего меч); «*L'espee çainte a cest senestre lé*» [Asprem. II, 8408]; *ceindre v*; *ceindre v ceignent* (1) 2275; *ceindre* (1) 1139; *ceint* (4) 411, 643, 2073, 2477; *ceinte* (4) 122, 1984, 1996, 2458; *ceinz* (1) 1508 [Cour. L.];

– вторичными глаголами, мотивированными именами предметов, входящими в состав доспехов: *halberc s.m* 'кольчуга' --- *halbergier v* 'надевать кольчугу'; *chalice / chauce n.f* 'обувь' --- *chaucier v* / *mettre les chausses*, *chausser* 'обуться, надеть обувь'; *calcez* (1) 3860 *chalcer* (1) 2677 [Rol.]; *las s.m* 'шнурок' --- *lacier v* 'шнуровать / зашнуровать' – идентифицирующими специализированные аспекты главного референта, детализируя ситуацию; «*Lacie el cief cest vert elme genme?*» [Asprem. II, 8409]; *lacier v lace* (3) 410, 2072, 2476 *lacent* (1) 2456 *laciez* (3) 1507, 2274, 2297 *lacie* (3) 645, 1983, 2078 [Cour. L.];

– глаголами, мотивированными названиями частей тела, реализующими значение «надеть определенный элемент доспехов на определенную часть тела» выступающими в роли актуализаторов второстепенных референтов, подчиненных основному, детализируя деятельностную ситуацию; *-endosser v* / *dos sm-* 'спина / надеть, натянуть на спину' – «*Por qoi arai cest oberc endosse*» [Asprem. II, 8407];

– мотивированными этими глаголами, словообразовательными рядами: производными именами действия, деятеля, антонимическими однокорневыми глаголами – *armer // desarmer* v, вербализирующими основной референт деятельности ситуации.

Выступая в роли вербализатора главного референта деятельности ситуации, глагол *armer* ‘вооружаться’ характеризуется многомерностью семантики, отражает ее полифункциональность, весомым фактором которой является активность субъекта-лица, непосредственно влияющего на процесс, его результативность и динамизм. Различные компоненты действия составляют деятельностьную ситуацию вооружения рыцаря и подчиняются общему наименованию. Деятельностная ситуация при этом характеризуется сегментированностью, то есть, дескрипцией действия, представляющей собой последовательность актов, когда каждый последующий акт не просто следует во времени за другим, но и детерминирован им. В некотором смысле организация деятельности ситуации коррелирует с композицией соответствий семантических фреймов и деривационных парадигм, предложенной в работе французских ученых «*Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques*» [Sanacore, Nathout, Namer, 2020: 344], а также с конструкцией языковых группировок, формируемых гипо-гиперонимическими связями по двум основным направлениям: горизонтали и вертикали [Балакин, 2019: 8].

Вся ситуация не сводится к отдельному акту, хотя может быть названа одним глаголом. По законам метонимии отдельный акт может именоваться по целому деянию и напротив. Вооружиться означает надеть кольчугу, зашнуровать шлем, подпоясать меч, как например: «*Richiers s'en vait armer al pavellon, vest un oberc, lace un elme reon, çaint une espee al senestre geron*» [Asprem. I, 1817-1820]. В других случаях глагол *armer*, выступая обобщенным термином, имплицитно реализует специализированные действия, составляющие ситуацию вооружения. Сравним с предыдущим примером: «*Mais onques jent ne furent si arme, come de broignes et de haubers sabres, de bones targes, de fors escus bocles, de trencans lances et d'espiels aceres*» [Asprem. II, 9147-9150]. Глагол *armer* управляет серией косвенных дополнений, которые называют предметы снаряжения рыцаря, его оружие: *broignes / cuirasse* (justaucorps de cuir, garni de metal, d'anneaux) ‘кираса, латы’, *haubers* (longue cotte de mailles) ‘длинная кольчуга’, *targes* (bouclier) ‘щит’, *escus* (bouclier) ‘щит’, *lances* (lance) ‘копье, пика’, *espiels* (épieu) ‘копье’, которые в деятельности ситуациях коррелируют также с глаголами специальной семантики *vestir* (habiller) *haubers* ‘надеть кольчугу’; *çaindre* (entourer) *espiels* ‘подпоясать меч’; *lacer* (lier) *helmes* ‘завязать шлем’; *afubler* (habiller) *un mantel* ‘надеть плащ’ [Gdf.; GDAF].

Согласно результатам проведенного анализа ситуации «вооружения, снаряжения к битве» в эпическом дискурсе, глагол *adober* / *équiper un chevalier*, *armer* ‘снаряжать рыцаря, вооружать’ регулярно коррелирует с глаголом *armer*, который является составной частью его дефиниции. Так, например, в поэме «Песня о Роланде» функционирует 12 форм *adober*: *adobez* (1) 1143, *adubees* (1) 713, *adubent* (3) 994, 1796, 2999, *aduber* (2) 993, 3138, *adubet* (1) 2986, *adubez* (4) 1792, 2469, 2776, 3133 [Rol.], тогда как форм глагола *armer* всего одна *armez* (1) 682 [Rol.] в «Песне о Вильгельме» – функционирует 16 форм глагола *adober* – *adober* (1) 3404, *adoberai* (1) 2837, *adobez* (2) 3084, 3121, *adubas* (1) 1035, *adubbai* (1) 2003, *adubber* (1) 2832, *adube* (1) 384, *aduber* (1) 2665, *adubé* (7) 854, 1032, 1074, 2019, 3094, 3100, 3311 и 12 форм глагола *armer*; в поэме «Ипомедон» – 5 форм *adober* – *adubé* (1) 3832, *adubez* (1) 3331, *adubbé* (2) 4621, 5624, *adubbez* (1) 8225 и 15 глагольных форм *armer*; в поэме «Коронование Людовика» – 7 форм глагола *adober* – *adouba* (1) 1634, *adoubez* (1) 1630, *s'adoube* 2453, 2454, *adoubé* (3) 400, 481, 496 и 13 форм глагола *armer*.

Семантическая структура глагола *adober* ‘снаряжать, вооружать’ содержит потенциальную сему «конкретный предмет – результат / средство действия», что делает возможным появление в ситуации «вооружения» участника, вербализуемого производным существительным с нулевым суффиксом *adob sm* /*armure*/ ‘доспехи’ (1) 1807 [Rol.]. По модели *V-er—N-ø* образуется ряд отглагольных производных – *conrëer v/armer*, *vêtir* / *parer* /, ‘вооружать, снаряжать, украшать’ – *cunreer* (1) 343 *cunreez* (1) 161 [Rol.], «*conroi*» *sm* /*équipement*/ – *cunreid* (1) 2492 [Rol.]. Как свидетельствуют данные выборки из эпических поэм, регулярные лексемы, вербализующие деятельностные ситуации подготовки / снаряжения к бою или турниру, относятся преимущественно к организованным группам слов, которые характеризуются формальными и семантическими связями. Типичными для данной ситуации рядами являются, зафиксированные в поэме «*Couronnement de Louis*» / «Коронование Людовика», многочисленные формирования, способствующие развертыванию деятельностной ситуации.

Словообразовательные ряды:

1) *arme sf* ‘оружие’ (35 словоформ) – *arme* (1) 1915; *armes* (34) 253, 260, 320, 377, 388, 406, 408, 434, 463, 481, 497, 637, 63 688, 884, 894, 901, 1025, 1029, 1034, 1121, 1169, 1427, 1473, 1618, 1752, 1909, 2070, 2161, 268; *armer v* ‘вооружать’ (3) 423, 2431, 2475; *armerent* (1) 640; *armez* (6) 1067, 1559, 1984, 1987, 2249, 2392; *armé* (3) 427, 1111, 1996; *armëure sf* ‘вооружение, оружие’, *armeure* (1) 955;

2) *garnir v* ‘оснастить’ (2) – *garni p.pas.* (1) 1564; *garniz* (1) 1565; *garnement sm*

‘оснащение’, ‘доспехи’; *garnemenz* (4) 224, 2233, 2451, 2472.

Ряды словоизменительных форм глаголов:

1) *apareillier* v ‘подготовить(ся)’ (16) – *apareillié p.pas* (3) 124, 659, 2055; *apareille* (1) 2627; *apareillent* (1) 21904; *apareillier* (7) 524, 1186, 1290, 1837, 2070, 2273, 2549; *apareilliez* (3) 1267, 1505, 2026;

2) *atorner* v / *atorner* (2) 666, 1579 – *atorné p.pas*. (1) 688; *atornez* (1) 1565.

3) *vestir* v ‘одевать(ся)’ – *vestu p.pas*. (2) 638, 688; *vestuz* (3) 619, 1188, 1506; *vest* (3) 410, 2072, 2476; *vestent* (3) 641, 2274, 2454;

4) *adober* v ‘вооружить(ся)’ – *adoubé p.pas*. (1) 496; *adouba* (1) 1634; *adoubez* (1) 1630.

Менее многочисленными являются формы глаголов *conrëer* v / *conraez* (1) 1564; *conroez* (1) 288; *afubler* v / *affubler* (1) 767 [Cour. L.].

Примеры реализации ДС «оснащение рыцаря» в эпическом дискурсе:

– «Richiers s'en vait **armer** al pavellon, *vest* un oberc, **lace** un elme reon, **çaint** une espee al senestre geron» [Asprem. I, 1817-1820];

– «Païen chevalchent par cez greignurs valees, Halbercs **vestuz** e tres bien fermeez Healmes **lacez e ceintes** lur espees, Escuz as cols e lances **adubees**» [Rol. 710-713] «**adubent** lor cors»; «*lur cors aduber*» [Rol.];

– «Païen **s'adubent** des osbercs sarazineis», «**Lacent** lor elmes mult bons sarraguzeis, **Ceignent** espees de l'acer vianeis» [Rol. 994; 996-997];

– «Plus de cent milie **s'en adubent** ensemble»; «De cels de France **XX milie adubez**» [Rol., 2777];

– «Prendés i. homme **adoubé de ses armes**» [Couron. 481, A1, C];

– «**Adubez** vos, si **criez** vostre enseigne» [Rol. 1793];

– «**S'il velt avoir armes ne garnement**» [Asprem. II, 7343].

Ряды, выявленные в поэме «Couronnement de Louis» / «Коронация Людовика», характерны для эпического дискурса, поскольку функционируют и в других эпических произведениях. В эпической разновидности художественного дискурса отмечено функционирование многозвенных словообразовательных рядов структурно разных, которые, реализуя определенные позиции, указывают на участников деятельностной ситуации подготовки воинов к битве. Среди них отмечается регулярностью словообразовательная корреляция: «глагол / вторичный глагол», маркирующая дополнительные аспекты в структуре специализированного действия. Функционирует словообразовательный ряд, реализующий позиции: «*V* глагол – *NAc* предикатное существительное», которое представляет действие как процесс и как номинализацию процесса снаряжения, номинализацию факта; *NRes* наименование конкретного результата действия; *NAg* наименование деятеля. Эпическая разновидность художественного дискурса изобилует ситуациями, которые категоризируются согласно когнитивной модели

деятельностной ситуации «направленность действия субъекта на объект». Когнитивно выделяются смысловые параметры «действие», «деятель», «объект действия», «результат действия» [Катагощина, 1997; Štekauer, 2005; Sanacore, Hathout, Namer, 2020]. Когнитивная модель «замкнутость действия в сфере субъекта-агента» включает смысловые параметры, в которых субъект и объект совпадают в одном лице в ситуации подготовки к битве, в частности в лексемах *chevalier* ‘рыцарь’, *guerrier* ‘воин’, *solduier* ‘солдат’, *combateor* ‘ратник’ и, таким образом, делает невозможным формирование имени деятеля по специальному действию.

В разновидностях художественного дискурса, в частности, куртуазного, глаголы *adouber* ‘снаряжать(ся)’, *armer* ‘вооружать(ся)’, *garnir* ‘оснащать(ся)’, *conreër* ‘снаряжать(ся), украшать(ся)’ функционируют как частные синонимы, реализуя динамический аспект концептуализации действительности как последовательности событий и связей между ними. Синонимические ряды вербализуют эпизоды батальных сценариев, которые предусматривают выполнение определенных действий в ситуации «вооружения», «подготовки воинов к бою», а также в ситуациях «подготовки к турниру, охоте», «сборам в дорогу», «посвящения в рыцари», реализуя различные блоки лексико-семантических сетей в их взаимосвязи.

Примеры реализации ДС «подготовка к турниру, охоте», «подготовка к странствиям», «посвящение в рыцари» в куртуазном дискурсе:

- «Li rois se lieve, si *s'atorne*, Et por aler an la forest. D'une corte cote *se vest*. *Afublez* d'un mantel ermin *Chauces* de paile avoit *chauciees*» [Erec, 70-72];
- «*La pucele meisme l'arme*, n'i ot fet charaie ne charme; *Lace* li les *chaucés* de fer. *Hauberc* li *vest* de buene maille, Et si li *lace* la vantaille. Le hiaume brun li *met* el chief» [Erec, 709-715];
- «*Erec nes a pas refusees*;... *Les armes a volantiens prises*, Si *s'an fet armer* an la sale» [Erec, 5687-5691];
- «Qui est li chevaliers *armez*, D'unes *armes* d'azur et d'or» [Erec, 584-585];
- «*A tant lor armes demanderent* Li chevalier et si *s'armerent*» [Charrette, 587-588];
- «Et Erec *un autre [écuyer]* apela, si li comande a aporte *ses armes* por son cors *armer*» [Erec, 2620-2622];
- «*Mes je me garni de desfandre*» [Yvain, 80 e 305].

Динамический аспект реализации ДС «посвящение в рыцари». Действие *adouber* ‘посвящать в рыцари’, как и процесс *adoubement* ‘посвящение в рыцари’ приобретает смысл церемонии (ритуала) в конце XII века, расширяя первоначальное значение *adouber(s)* ‘вооружать’ / ‘вооружаться’ (отметим, что в эпическом дискурсе *adouber* / *s'adouber* имел исключительно значение ‘вооружать’ / ‘вооружаться’) [TLFi]. В куртуазном дискурсе концепт «посвящать в рыцари» вербализируется глаголом

adouer / adober и мотивированным им типичным словообразовательным рядом: *V-er adouer --- NAc-ement adoubement; --- NAg-eor adoubeor*, звенья которого реализуют значения: действия «посвятить в рыцари», отвлеченного процессуального признака «ритуал посвящения в рыцари», носителя процессуального признака «лицо, проводящее ритуал посвящения». Процесс церемонии посвящения в рыцари включает в себя действия, когда претендент получает оружие, лошадь, соответствующую одежду и доспехи, а самое главное (в отличие от ситуаций эпического дискурса) он изменяет свое социальное положение – присоединяется к «ордену рыцарей».

Развертывание парадигматических проекций происходит через реализацию серии производных: имени действия со значением посвящения в рыцари *adoubement* (*rite de l'adoubement*) 'ритуал посвящения в рыцари'; существительного со значением агента действия *adobeor* 'совершающий ритуал посвящения в рыцари'; существительного со значением конкретного результат действия *adob* 'доспехи'. Исторические источники отмечают, что *adoubement* становится ритуалом только в конце XII века, заменив простой процесс вооружения [Dubu, 1999; Chédeville, 2000]. Сравним ситуации вооружения в эпическом дискурсе, в которых глагол *adober* коррелирует с глаголами *armer* 'вооружить', *aprester* 'снарядить': «*Prendés .i. homme adoubé de ses armes*» [Couronn., 481C]; «*Prenez .i. home apresté de ses armes*» [Couronn., 481 A1]; «*Qu'adoubé ot el mostier devant l'arche*» [Couronn., 495 A1]; «*Qui fu armez u moustier devant l'arce*» [Couronn., 496 B1]; и в куртуазном, где он коррелирует с глаголами *conraer* и существительным *conrois*, в семантической структуре которых присутствует сема *parer* 'украшать', 'наряжать': «*Riant dist la roïne: «Or vous esteut penser De dras de mainte guise a leur cors conraer, Et m'entremetrai de bons conrois donner, Si en ferai trois cens pour s'amour adouer»»* [Rom. d'Alex., 530].

Посвящение в рыцари происходит по определенному ритуалу, подобному крещению ввиду большого количества участников, который включает действия конвенционального характера, то есть целеустремленные не на сражение, а на действия символического плана, в частности, омовение, облачение в соответствующие одежды: «*Aprés por la joie angreignier Comanda çant vaslez beignier Que toz les viaut chevaliers feire*» [Erec, 2015-2017]; «*... si li fist porter en presant chemise et braies de censil et cauces taintes en bresil et cote d'un drap de soie ynde*» [Perc., 1600-1603]. «*Le soir d'une grant feste qu'il durent celebrer Sont venu a la rive pour leur cors esclaver*» [Rom. d'Alex., 540]. Ситуация посвящения в рыцари включает серию действий, валоризирующих не только непосредственных участников деяния, но и обстоятельства. Молодые кандидаты готовятся к церемонии, они должны

пройти длительный период обучения. Церемонию проводят в дни больших праздников при дворе короля или в его саду с участием знатных лиц и в присутствии большого количества зрителей: «*Li rois Evrains, cui niés je sui, M'adoba veant mainz prodomes **Dedanz cest vergier** ou nos somes*» [Erec., 6070-6072]. Таким образом, деятельная ситуация «посвящения в рыцари» вербализуется в дискурсе посредством актуализации потенциальной семантики глагола *adouer* представленной рядом сем конкретного и символического действия. Их последовательность передается серией глаголов специализированного действия, носящих к тому же символический характер.

В частности, в куртуазном дискурсе воспроизводится следующая церемониальная ситуация: S¹ *adobeor* субъект действия / лицо ответственное за ритуал / король, знатный рыцарь – V – действие *chauche* ‘надевает’ S² / P – пациенсу / кандидату в рыцари / – O¹ объект / *l'esperon destre* / ‘позолоченную шпору на правую ногу’, затем – V² *li çainst* ‘его опоясывает’ O² объект *l'espee* ‘мечом’ и V³ *dona la colee* ‘наносит ему символический удар саблей’: «*Et li preudom s'est abaissiez, si li chaucha l'esperon destre. La costume soloit tex estreque cil qui faisoit chevalier li devoit l'esperon cauchier*» [Perc., 1624-1628]; «*L'esperon destre et çaint l'espee et si lor dona la colee*» [Perc., 9185-9186].

Типичным для куртуазного дискурса является функционирование глагола *adouer* / *adober* и мотивированного им ряда производных слов (*adobement* ‘ритуал посвящения в рыцари’, *adobeor* ‘тот, кто посвящает, проводит ритуал’), которые расширяют границы ситуации «вооружаться, готовиться к битве», вербализуя ситуацию обряда «посвящать в рыцари».

Ритуал принятия в орден рыцарей приобретает особое значение: ситуация не имеет чисто религиозного (мифического) смысла, она освящена идеей причастности к социальному сообществу знатных людей, объединенных идеей служения, а через нее – верности высшей силе, Богу: «*le plus haute ordene avec l'espee que Diex ait faite et comandee: c'est l'ordre de chevalerie*» [Perc., 1635-1637]. Церковь поощряет благочестивые ассоциации, но, в то же время, порицает сообщества, объединенные иными, нежели религиозные, целями, сообщества, в частности, подвергает суровой критике рыцарские турниры [Ле Гофф, 2001: 313]. Деятельная ситуация обряда снаряжения рыцаря, вербализуемые в куртуазном дискурсе и отражающие реалии феодального общества, эволюционировали со времен крестовых походов, приобрели смысл ритуала, а соответственно смыслу меняется и состав участников. Глагол субъектно-объектного типа не только называет действие, замкнутое в нем, но и определяет отношение, связь между

предметами и лицами, между субъектом и объектом действия. Таким образом, деятельностные ситуации, объектом которых является описание церемоний принятия присяги, посвящение в рыцари, реализуют новые аспекты по сравнению с простой подготовкой к битве и на коммуникативном уровне характеризуются новыми признаками, такими как перформативность, интенциональность, конвенциональность.

Выводы

Исследование показало, что в основе организации дискурса находятся модели деятельностных ситуаций, базисным условием реализации которых является нелимитированное производство и воспроизводство различных структур языковой системы. Указанные выше факторы свидетельствуют о том, что деятельностная ситуация как центральная единица функционального пространства дискурса включает различные компоненты, связанные между собой детерминантными отношениями. Так, деятельностные ситуации снаряжения воинов к бою, подготовки рыцарей к турниру, сборы в путь, посвящения в рыцари актуализируются в дискурсах старофранцузского периода деривационными, тематическими сериями слов, парадигматическими и синтагматическими проекциями, отражающими концептуальную сеть реальных событий.

В деятельностных ситуациях «снаряжение, вооружение рыцаря», функциональная нагрузка приходится в основном на глагольные формы и в меньшей степени на мотивированные глаголом производные существительные, что подтверждается количественным анализом словоформ, воспроизводящих определенный фрагмент внеязыковой действительности – разные этапы подготовки воинов / войска к битве. Отмечено, что производные имена действия и деятеля, функционирующие в дискурсе как развивающие ситуацию компоненты, формируются по основным моделям системы французского словообразования, которые являются продуктивными и в современный период. Подтверждено, что динамический аспект мировосприятия, отражая событийную концептуализацию действительности, отражает онтологические реалии и представляет собой гетерогенные, динамические формирования, устанавливаемые на уровне речевой семантической интерпретации того, о чем идет речь в высказывании, тексте, дискурсе.

В центре внимания при этом находится творческое переосмысление мира человеком, отражающее динамическое развитие онтологической ситуации и, в соответствии с этим, посредством трансформационных процессов и перехода лингвистических структурных компонентов из одной позиции в другую, ее вербализация. Отмечено, что в рассматриваемых разновидностях дискурса старофранцузского периода, это обусловило построение широкого и открытого концептуального поля в каждом из них, которое

реализует вариативные разветвления на разных уровнях языковой системы и актуализирует типичные для конкретного дискурса концепты в соответствии с определенным историческим событием, социокультурным укладом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки / пер. с франц. Москва: УРСС, 2003. 301 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. Москва: Наука, 2005. 416 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, 1990. С. 136-137.
4. Балакин С. В. Деривационный и номинативный потенциал лексической системы языка (на материале русского, французского и португальского языков). 2-е изд. испр. и доп. Екатеринбург: УрГУПС, 2019. 311 с.
5. Беляевская Е. Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3 (53). С. 62-73. Doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73.
6. Бурбело В. Б. Модель дискурсу в парадигмальному вимірі // Вісник Київського національного університету ім. Т. Шевченка. Іноземна філологія. Київ, 2004. Вип. 37-38. С. 81-85.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. Москва: Либроком, 2016. 408 с.
8. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2008. 166 с.
9. Демьянков В. З. Лингвокреативность в дискурсах о возможном и вероятном // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 21-99.
10. Захаров О. И. Лингвокреативность как основа образования полисинтетических номинаций в англоязычном медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 607-615.
11. Зыкова И. В. Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 11-20.
12. Катагощина Н. А., Васильева Н. М. Очерк истории французского языка. Москва: Диана, 1997. 421 с.
13. Кремзикова С. Ю. Словотвір та дискурс: діяльнісні ситуації у старофранцузькій мові. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2010. 512 с.
14. Кремзикова С. Е. Моделирование комплексных единиц словообразования с учетом структурно-семантических и концептуальных связей их элементов в историческом контексте // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. Донецк, 2021. Т. 17. Вып. 4 (54). С. 37-53.
15. Соколова О. В. Лингвокреативность в рекламном и поэтическом дискурсах // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография. Москва: Р. Валент, 2021. С. 258-351.
16. Сотникова Е. С. Лингвокреативность в дискурсе социальной рекламы // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь, 2021. № 2. С. 54-64.
17. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого / пер. с фр.; общ. ред. С. К. Цатуровой. Москва: Изд. группа «Прогресс», 2001. 440 с.

18. Лингвистика креатива-1: коллективная монография / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 369 с.
19. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл-текст». Москва: Наука, 1974. 314 с.
20. Хомский Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия». Москва: КомКнига, 2005. 288 с.
21. Ярцева В. Н. Историческая морфология английского языка. 2-е изд. Москва: URSS, 2022. 200 с.
22. Duby G. Histoire de la France. Des origines à 1348. Larousse-Bordas, 1999. 415 p.
23. Guilbert L. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. 286 p.
24. Greimas A. J., Courtés J. Les acquis et les projets // Préface. Introduction à la sémiotique narrative et discursive. Paris: Hachette, 1976. P. 5-25.
25. Chédeville A. La France au Moyen Age. 11-e édition. Paris: PUF, 2000. 127 p.
26. Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. Basic Books, 2002. 464 p.
27. Sanacore D., Hathout N., Namer F. Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques // Traitement Automatique des Langues Naturelles (TALN, 27e édition). Nancy, France, 2020. Vol. 2. P. 342-350.
28. Štekauer P. Handbook of Word Formation. Dordrecht: Springer, 2005. 470 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Charaudeau P., Maingueneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. Paris: Editions du Seuil, 2002. 662 p.
2. Grand dictionnaire. Ancien français. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris, 2007. 630 p. [GDAF].
3. Godefroy Fr. Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle. T. I–X. Paris, 1881–1902. Var. p. [Gdf.].
4. Trésor de la langue française informatisé. Доступ: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr>. (дата обращения: 12.12.2024). [TLFi].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Chrétien de Troyes. Le Chevalier au Lion. Edition du texte par P. Sala, effectuée par P. Servet. Paris, 1996. 6807 vers. Доступ: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm. (дата обращения: 12.12.2024). [Yvain].
2. Chrétien de Troyes. Le Conte du Graal ou le roman de Perceval. Edition du manuscrit 354 de Berne, traduction critique, présentation et notes de Ch. Méla. Paris: Librairie Générale Française, 1990. 640 p. [Perc.].
3. Chrétien de Troyes. Romans. Érec et Énide, édité par P. Kunstmann. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval. Доступ: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>. (дата обращения: 12.12.2024). [Erec].
4. Ipomedon, poème de Hue de Rotelande (fin du XII-e siècle). Edité par A. J. Holden. Paris: Klincksieck, 1979. 10580 octosyllabes [Ipomed.].
5. La Chanson d'Aspremont. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. Paris: Champion, 1923. T. I. 208 p.; T. II. 211 p. [Aspremont.].
6. La Chanson de Roland. Éditée par G. Moignet, 2e édition revue et corrigée. Paris, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). Доступ: www.uottawa.ca/academic/arts/lfa. (дата обращения: 12.12.2024). [Rol.].
7. Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII-e siècle du cycle de Guillaume d'Orange, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève: Droz, 1978. 421 p. [Couronn.].

8. Roman d' Alexandre / Éd par E. C. Armstrong et Alfred Foulet. Princenton: Princenton Un-ty Press, 1942. Vol. IV. 110 p.; Vol. V. 250 p. [Rom. D'Alex.].

REFERENCES

1. Azhezh, K. (2003). *Chelovek govoryaschiy. Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki* [The Speaking Man. The Contribution of Linguistics to the Humanities] / per. s frants. Moskva: URSS. (In Russ.).
2. Alefirenko, N. F. (2005). *Sovremennye problemy nauki o yazyke* [Modern Problems of Language Science]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D. (1990). Diskurs [Discourse]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar*. Moskva. Pp. 136-137. (In Russ.).
4. Balakin, S. V. (2019). *Derivatsionnyy i nominativnyy potentsial leksicheskoy sistemy yazyka (na materiale russkogo, frantsuzskogo i portugalskogo yazykov)* [Derivational and nominative potential of the lexical system of language (based on the Russian, French and Portuguese languages)]. 2-e izd. ispr. i dop. Ekaterinburg: URGUPS, (In Russ.).
5. Belyaevskaya, E. G. (2022). Lingvisticheskaya kreativnost: narushenie normy? [Linguistic creativity: violation of the norm?]. In *Voprosy psikholingvistiki*. No 3 (53). Pp. 62-73. Doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73. (In Russ.).
6. Burbelo, V. B. (2004). Model diskursu v paradigmalnomo vimiri [Model of discourse in a paradigmatic world]. In *Visnik Kiyivskogo natsionalnogo universitetu im. T. Shevchenka. Inozemna filologiya*. Kiyiv. Iss. 37-38. Pp. 81-85. (In Ukr.).
7. Gak, V. G. (2016). *Yazykovye preobrazovaniya. Vidy yazykovykh preobrazovaniy. Faktory i sfery realizatsii yazykovykh preobrazovaniy* [Language transformations. Types of language transformations. Factors and spheres of implementation of language transformations]. Moskva: Librokom. (In Russ.).
8. Gridina, T. A. (2008). *Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste* [Language play in a fiction text]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t. (In Russ.).
9. Demyankov, V. Z. (2021). Lingvokreativnost v diskursakh o vozmozhnom i veroyatnom [Linguistic creativity in discourses about the possible and the probable]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 21-99. (In Russ.).
10. Zakharov, O. I. (2024). Lingvokreativnost kak osnova obrazovaniya polisinteticheskikh nominatsiy v angloyazychnom mediadiskurse [Linguistic creativity as a basis for the formation of polysynthetic nominations in English-language media discourse]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 17. Iss. 2. Pp. 607-615. (In Russ.).
11. Zyкова, I. V. (2021). Yazyk i diskursy: na novykh rubezhakh teorii lingvokreativnosti [Language and discourses: on new frontiers of the theory of lingua-creativity]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 11-20. (In Russ.).
12. Katagoschina, N. A., Vasileva, N. M. (1997). *Ocherk istorii frantsuzskogo yazyka* [An Outline of the History of the French Language]. Moskva: Diana. (In Russ.).
13. Kremzikova, S. Yu. (2010). *Slovotvir ta diskurs: diyalnisni situatsiyi u starofrantsuzskiy movi* [Word formation and discourse: activity situations in the Old French language]. Kiyiv: Vydavnychyy Dim Dmytra Burago. (In Ukr.).
14. Kremzikova, S. Ye. (2021). Modelirovanie kompleksnykh edinit slovoobrazovaniya s uchetom strukturno-semanticheskikh i kontseptualnykh svyazey ikh elementov v istoricheskom kontekste [Modeling complex units of word formation taking into account the structural-semantic and conceptual connections of their elements in the historical context]. In *Studia*

Germanica, Romanica et Comparatistica. Donetsk. Vol. 17. Iss. 4 (54). Pp. 37-53. (In Russ.).

15. Sokolova, O. V. (2021). Lingvokreativnost v reklamnom i poeticheskom diskursakh [Linguistic creativity in advertising and poetic discourses]. In *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektivnaya monografiya*. Moskva: R. Valent. Pp. 258-351. (In Russ.).

16. Sotnikova, E. S. (2021). Lingvokreativnost v diskurse sotsialnoy reklamy [Linguistic creativity in the discourse of social advertising]. In *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*. Perm. No 2. Pp. 54-64. (In Russ.).

17. Le Goff, Zh. (2001). *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The Medieval World of the Imaginary] / per. s fr.; obsch. red. S. K. Tsaturvoy. Moskva: Izd. gruppа «ProgresS». (In Russ.).

18. *Lingvistika kreativa-1* [Linguistics of creativity-1]: kollektivnaya monografiya / pod obsch. red. prof. T. A. Gridinoy. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-T», 2013. (In Russ.).

19. Melchuk, I. A. (1974). *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl-tekst»* [Experience of the theory of linguistic models «Meaning-text»]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

20. Khomskiy, N. (2005). *O prirode i yazyke. S ocherkom «Sekulyarnoe svyaschenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya»* [About nature and language. With the essay «The Secular Priesthood and the Dangers of Democracy»]. Moskva: KoMKniga. (In Russ.).

21. Yartseva, V. N. (2022). *Istoricheskaya morfologiya angliyskogo yazyka* [Historical morphology of the English language]. 2-e izd. Moskva: URSS. (In Russ.).

22. Duby, G. (1999). *Histoire de la France. Des origines à 1348*. Larousse-Bordas.

23. Guilbert, L. (1975). *La créativité lexicale*. Paris: Larousse.

24. Greimas, A. J., Courtés, J. (1976). Les acquis et les projets. In *Préface. Introduction à la sémiotique narrative et discursive*. Paris: Hachette, Pp. 5-25.

25. Chédeville, A. (2000). *La France au Moyen Age*. 11-e édition. Paris: PUF.

26. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic Books.

27. Sanacore, D., Hathout, N., Namer, F. (2020). Représentation sémantique des familles dérivationnelles au moyen de frames morphosémantiques. In *Traitement Automatique des Langues Naturelles (TALN, 27e édition)*. Nancy, France. Vol. 2. Pp. 342-350.

28. Štekauer, P. (2005). *Handbook of Word Formation*. Dordrecht: Springer.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Charaudeau, P., Maingueneau, D. (2002). *Dictionnaire d'analyse du discours*. Paris: Editions du Seuil.

2. *Grand dictionnaire. Ancien français*. La langue du Moyen Age de 1080 à 1350 / A. J. Greimas. Paris, 2007.

3. Godefroy, Fr. (1881–1902). *Le Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX-e au XV-e siècle*. T. I–X. Paris. Var. p.

4. *Trésor de la langue française informatisé*. Available at: <https://www.le-tresor-de-la-langue.fr> (accessed: 12.12.2024).

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Chrétien de Troyes*. Le Chevalier au Lion. Edition du texte par P. Sala, effectuée par P. Servet. Paris, 1996. 6807 vers. Available at: www.uhb.fr/alc/medieval/index.htm. (accessed: 12.12.2024).

2. *Chrétien de Troyes*. Le Conte du Graal ou le roman de Perceval. Edition du manuscrit 354 de Berne, traduction critique, présentation et notes de Ch. Méla. Paris: Librairie Générale Française, 1990.

3. *Chrétien de Troyes. Romans. Érec et Énide*, édité par P. Kunstmann. Ottawa; Nancy: Université d'Ottawa, Laboratoire de Français Ancien. Publié en ligne par la Base de français médiéval. Available at: <http://catalog.bfm-corpus.org/ErecKu>. (accessed: 12.12.2024).

4. *Ipomedon, poème de Hue de Rotelande* (fin du XII-e siècle). Edité par A. J. Holden. Paris: Klincksieck, 1979. 10580 octosyllabes.

5. *La Chanson d'Aspremont*. Chanson de geste du XII-e siècle. Texte du manuscrit de Wellaton Hall édité par Louis Brandin. Paris: Champion, 1923. T. I.; T. II.

6. *La Chanson de Roland*. Éditée par G. Moignet, 2e édition revue et corrigée. Paris, 1971. Index lemmatisé (établi par P. Kunstmann). Available at: www.uottawa.ca/academic/arts/lfa. (accessed: 12.12.2024).

7. *Le Couronnement de Louis, chanson de geste du XII-e siècle du cycle de Guillaume d'Orange*, (édition d'Yvan G. Lepage). Paris-Genève: Droz, 1978.

8. *Roman d' Alexandre* / Éd par E. C. Armstrong et Alfred Foulet. Princenton: Princenton Un-ty Press, 1942. Vol. IV.; Vol. V.

Кремзикова Светлана Ефимовна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru)
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kremzikova Svetlana Ye. – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Romanic Philology Department (e-mail: svetlana-kremzikova@rambler.ru),
Federal State-Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk State University»
24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'374.2

© 2025 И. А. Михайлин

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК МАРКЕРЫ ЖАНРА «ШУТЕР» В КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЕ «АТОМИК HEART»

Статья посвящена исследованию жанрообразующих признаков имен собственных в компьютерной игре, относящейся к жанру «шутер». Показано, что основные особенности данного жанра – характер игрового процесса, перспектива и игровое пространство – определили особенности выбора или создания собственных имен определенного типа. Представляются механизмы формирования имен собственных, определяемые спецификой игрового процесса и компьютерного дискурса.

Ключевые слова: компьютерная игра, жанр «шутер», дискурс, имя собственное, ономастикон.

© 2025 I. A. Mikhailin

PROPER NAMES AS MARKERS OF THE GENRE «SHOOTER» IN THE COMPUTER GAME ATOMIC HEART

The article deals with the study of the genre-forming features of proper names in a computer game that belongs to the «shooter» genre. It is shown that the main features of this genre are the nature of the game process, the perspective and the game space. They have determined the peculiarities of choosing or creating proper names of a certain type. The mechanisms of proper names formation determined by the specifics of the game process and computer discourse are presented.

Key words: computer game, «shooter» genre, discourse, proper name, onomasticon.

Введение. До настоящего времени исследования жанровой специфики имен собственных выполнялись на материале художественных произведений, кино и других форм материального искусства. Однако в последние годы значительно возросла значимость компьютерных игр как более доступного вида развлечений. Под компьютерной игрой зачастую понимается «разновидность игры (взаимодействие по определённому алгоритму с целью развлечения, обучения или тренировки), процесс, правила и участие в которой происходит и обсчитывается при помощи компьютера или другого электронного вычислительного устройства» [Подвальный, 2023].

Существует обширный жанровый диапазон компьютерных игр. По комплексности и масштабности они сопоставимы с художественными произведениями (реальными или фикциональными). Анализируя лингвистические особенности компьютерной игры, А. А. Селютин отмечает, что у каждой из них есть своё особое языковое наполнение [Селютин, 2021]. До последнего момента лингвистическое исследование компьютерных

игр было направлено на определение специфики их перевода на русский язык [Богомазова, Ионова, Кулешова, 2023; Буряковская, 2024; Болотина, Кузьмина 2019; Белоконь, 2023; Балан, Косташ, 2022]. Однако специфика языкового наполнения компьютерных игр, в том числе особенности использования имен собственных, вне переводческого аспекта практически не исследовалась. Особенно актуальным в этом отношении представляется выявление взаимосвязи между жанром и ономастиконем компьютерной игры. С целью определения жанрообразующих признаков имен собственных в компьютерной игре мы обратились к наиболее распространённому жанру – «шутер». Это «жанр компьютерных игр, основой игрового процесса которого является сражение с использованием огнестрельного оружия» [CGItems, 2022]. В играх жанра «шутер» присутствуют определенные структурные элементы: характер игрового процесса, перспектива и игровое пространство [Компьютерные миры ZX Spectrum, 1995; McNaughton и др., 2004].

Наиболее показательна в этом отношении игра «Atomic Heart» (с англ. – «атомное сердце»), созданная российской студией Mundfish. Действие игры происходит в альтернативном СССР 1950-х годов. Главный герой игры – агент советской разведки. Он прибывает на предприятие по производству роботов под кодовым названием «Предприятие 3826» для разрешения сложившейся критической ситуации. Роботы ополчились против людей, а один из сотрудников предал государство.

Материалом исследования послужили 438 имен собственных, полученных методом сплошной выборки из данной игры. Для большинства групп собственных имен использовалась устоявшаяся терминология из словаря Н. В. Подольской [Подольская, 1988], в некоторых случаях использовалась своя терминология в соответствии с принципами присвоения ономастических терминов [De Stefani, 2004; Супрун, 2011; Суперанская, 2007].

Результаты. Исследование показало, что каждый из трех основных отличительных признаков игр жанра «шутер» (характер игрового процесса, перспектива и пространство), а также отдельные элементы ролевой игры маркированы собственными именами определенного типа.

1. Характер игрового процесса. Эта характеристика связана с фактическим наличием боевых действий, с применением разнообразных видов вооружения, специальных механизмов и роботов. Результаты исследования показали, что эта основная отличительная черта жанра «шутер» определила выбор для каждого единичного объекта

военного дискурса индивидуального имени – хрематонима. В ономастике термин используется для названий единичных предметов, созданных человеком [Подольская, 1988: 161]. Между тем для номинации оружия в ономастике используются и другие термины. Например, М. Е. Ляпидовская называет подобные предметы опплонимами [Ляпидовская, 2023]. Т. П. Романова именует разные виды оружия армонимами, армохрематонимами и армопрагматонимами [Романова, 2024]. Однако, в отличие от реальных названий оружия, которое выпускается серийно, названия оружия в компьютерной игре всегда единичны, поэтому термин «хрематоним», для обозначения фикциональных единичных предметов, мы считаем более корректным.

Всего в игре употребляется 59 хрематонимов (13,5% от всего ономастикона игры), среди них: 29 названий оружия, 16 названий отдельных роботизированных предметов, 12 наименований роботов, а также названия биологического оружия (вакцины и вируса). Эта группа представлена своеобразными названиями-метафорами, символически обозначающими форму или принцип работы объекта. Имена созданы по моделям, характерным для реальных наименований подобного типа: аббревиация, использование буквенно-цифровых индексов и определенных групп существительных во вторичной номинации. Рассмотрим несколько примеров.

В игре используется оружие трех видов: холодное, огнестрельное, полимерное. Для каждого из них разработчики используют свой способ номинации.

Названия холодного оружия были созданы путем онимизации апеллятивов. Это названия-метафоры, основанные на внешнем сходстве. «*Килька*» – гарпуноподобное орудие ближнего боя, заостренный конец которого визуально напоминает рыбу-кильку. «*Молот*» – огромный промышленный молот, дополненный разнообразными острыми предметами. Апеллятив *молот* ассоциативно связан с реальными названиями предметов, имеющих подобную форму.

Огнестрельное оружие представлено «классическим для шутеров» набором: пистолет, автомат, дробовик и тяжелая ракетница. За всеми, по канонам жанра «шутер», закреплены собственные имена. Некоторые взяты из дискурса реального мира. Например, *пистолет Макарова* и *автомат Калаш*. Последний образован путем усечения фамилии советского конструктора-изобретателя Калашникова. Этот хрематоним популярен в играх жанра «шутер». За ним закрепился узнаваемый образ автомата советского производства. Авторы, употребляя подобные единицы в дискурсе игры, намеревались добиться полной ассимиляции игроков к альтернативному СССР. Для номинации тяжелой ракетницы авторы использовали единицу МРПК «*Крепыш*». Такое сочетание буквенной

аббревиатуры и онимизированного апеллиатива характерно для военно-промышленного ономастикона. Аббревиатура формируется из первых букв словосочетания *Многоцелевой ракетно-пусковой комплекс*, а существительное *крепьши* метафорически характеризует внешний вид и функционал оружия (малые габариты и силу наносимого удара).

У названий полимерного оружия ППО «Доминатор», *Рельсотрон*, *Электро* основной мотивировочный признак – принцип работы. *Персональное Полимерное Оружие «Доминатор»* – это апеллятивное словосочетание усечено до аббревиатуры ППО, его дополняет существительное *доминатор*. Мы считаем, что в его значении скрыта идея о превосходстве полимерного вида оружия над обычным огнестрельным. Тем самым авторы подчеркивают значимость *полимера* и его вовлеченность во все сферы жизни советского человека. В названии полимерного оружия *Электро*, предназначенного для эффективного выведения из строя чувствительных электронных противников, использована «первая часть сложных слов в знач. ‘электрический, связанный с действием силы электричества’» – *электро* [Ожегов, Шведова, 2013].

Названия роботов-машин (*СУВ-1 «Дрофа»*, *МУВ-1 «Сипуха»*, *ВШК-69 «Ватрушка»*, *ШМ-7 «Шмель»*, *ЕЖХ-7 «Ежиха»*, *ПЧ-9 «Пчела»*), образованные от названий животных, насекомых, птиц, предметов, метафорически связаны со свойствами обозначаемых механизмов. Например, *СУВ-1 «Дрофа»* и *МУВ-1 «Сипуха»* – это летательные аппараты небольшого размера. В официальной книге о разработке игры, авторы указали, что аббревиатура СУВ – «*средний универсальный вертолет* (скорость до 50 км в час)», а МУВ – «*малый универсальный вертолет* (скорость до 75 км в час)». Названия птиц, выбранные для номинации аппаратов, метафорически обозначают скорость их передвижения: *Дрофа* (может развивать скорость до 50 км) и *Сипуха* (может развивать скорость до 50 км).

В игре есть хремотонимы, обозначающие полимерную вакцину «*Прорыв*» и вирус, созданный Третьим рейхом в финале Великой Отечественной войны – «*Коричневая чума*». Последнее название взято из дискурса реального мира. «*Коричневая чума*» – метафора для номинации движения фашизма во времена Второй Мировой и Великой Отечественной войн, выражает негативные эмоции. Ей противопоставлено название полимерной вакцины «*Прорыв*». Прилагательное «*полимерная*» связано с нарративом футуристического альтернативного СССР. На агитационных плакатах в игре показано, как шприц с вакциной пронзает коричневую бактерию.

В названиях роботизированных предметов наиболее ярко проявляется

ономастическое творчество разработчиков игры. Например, небольшое портативное устройство, используемое для записи, обмена и хранения звуковых и письменных сообщений, получило название *Щебетарь*, созданное при помощи приема ономастического шаржирования. Ономастическое шаржирование определяется как «вид искажающей сатирической стилизации имен собственных, который предполагает наличие легко узнаваемого прототипа. <...> Шаржированные имена содержат зашифрованные намеки, связанные с конкретными лицами, местами, объектами или событиями» [Крюкова 2009: 147]. В данном случае *Щебетарь* – это намек на иностранную социальную сеть «Twitter», запрещенную на территории Российской Федерации. Название предмета получено путём калькирования словообразовательной модели: *to twite* (щебетать, чирикать) + суффикс *-er*. Игровая единица создана похожим способом: путем прибавления к существительному *щебет* суффикса *-арь*, который используется для обозначения рода деятельности.

2. Перспектива. Вторая характеристика связана с особенностями представления в игре главных персонажей. С учетом перспективы разработчики игры решают, как игрок будет видеть происходящее на экране: глазами главного персонажа или со стороны. От этого может зависеть не только визуальный образ главных героев, но и связанный с ним выбор имени. Это определяет внимание разработчиков к именам главных персонажей игры. В игре «Atomic Heart» используется 34 имени персонажей (8%), которые мы рассматриваем под общим термином «персоналии», предложенным Д. И. Ермоловичем [Ермолович, 2001]. Мы используем этот термин для обозначения имени любого персонажа компьютерной игры (человека, животного, антрополоподобного существа).

Одна из отличительных особенностей использования персоналий в данной игре – использование аллюзивных имен, ассоциативно связанных с известными личностями СССР: *Сеченов*, *Нечаев*, *Молотов*, *Плисецкая*, *Раневская* и др. При этом известная фамилия сохраняется, а имя заменяется. Так осуществляется связь реального и вымышленного мира. Термин «аллюзивное имя» часто используется в рамках теории интертекстуальности при стилистическом анализе художественных и публицистических текстов [см. Захарова, 2004; Павленко, 2018 и др.].

Приведем характерный пример. Фамилия *Сеченов* принадлежит гениальному русскому ученому *Ивану Михайловичу Сеченову*. Авторы отмечают, что при создании персонажа *Дмитрия Сергеевича Сеченова* они вдохновлялись образом *Ивана Михайловича*. Реальный Сеченов сделал множество открытий в медицине и биологии. Игровой *Сеченов* также сделал ряд открытий в этих сферах, однако, с учетом нарратива

игры эти открытия имеют ретрофутуристическую природу (нейрополимеры, роботы, роботизированные модули).

Другая отличительная особенность – смена имени героем при переходе в иное состояние. Например, *ХРАЗ*, маскировочное имя *Харитона Радеоновича Захарова*, образовано путем буквенной и слоговой аббревиации от фамилии и имени данного персонажа. Персоналия используется для сокрытия главного антагониста игры при его переходе в иное состояние. Считалось, что Захаров погиб, но Сеченов сохранил его сознание, поместив в перчатку. В ходе развития истории *ХРАЗ* все больше вовлекается в сюжет, постепенно обогащая свой образ и превращаясь в отдельного персонажа, участвующего в развитии общего нарратива.

Такие перерождения со сменой имени характерны не только для персонажей-людей. Например, три маскировочных персоналии (*Пушистик* – *Муся* – *Изнакурнож*) – это клички одной и той же кошки в разных временных точках игрового мира. Когда кошка была жива, её называли *Мусей* (популярная кличка кошек в СССР). Кличка *Пушистик* появляется у кошки в параллельном мире *Лимбо*. Там кошка выглядит как пушистое, белое существо. Подобная кличка тоже существует в зоонимиконе реального мира, но уже может номинировать не только кошку. Персоналия *Изнакурнож* принадлежит непонятному существу, напоминающему маленькую избушку на курьих ножках из русских народных сказок. Это еще одно преобразование кошки Муси, которая снова попала в реальный мир, а ее новая кличка – интертекстуальная аллюзия на повесть братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Так там называется музей *ИЗНАКУРНОЖ* института НИИЧАВО, название образовано путем слоговой аббревиации и стилизовано под официальные аббревиатурные названия советского времени.

3. Игровое пространство. Специфика третьей характеристики определила выбор топонимов как основных единиц для номинации игрового пространства. География представлена в игре 21 топонимом (5%). С точки зрения маркирования жанровых особенностей представляют интерес «игровые топонимы», которые используются для создания географии внутри макрообъекта – «*Предприятия 3826*, обширной территории, на которой происходят основные события игры. Название образовано по модели реальных номинаций, обозначающих засекреченные режимные объекты в СССР.

Названия некоторых локаций «*Предприятия 3826*» созданы путём трансонимизации реальных фамилий известных ученых: комплексы «*Вавилов*», «*Павлов*», «*Менделеев*», конструкторское бюро «*Челомей*». Каждое название связано с определенным

направлением работы ученого: «Вавилов» – экспериментальный ботанический комплекс, «Павлов» – медицинский, «Менделеев» – химико-технический, «Челомей» – конструкторское бюро и название города, парящего на летающей платформе над основной территорией предприятия.

Название комплекса *Нептун*, который находится под водой, образовано от мифонима – имени бога воды в греческой мифологии, а комплекс «ВДНХ» – от реального выставочного комплекса. Территория комплекса «ВДНХ» разделена на несколько зон, для их обозначения используются своеобразные урбанонимы, выполняющие мемориальную функцию. Например, *Научный центр Сеченова* назван в честь одного из персонажей игры, ученого *Дмитрия Сеченова*, а *театр им. Майи Плисецкой*, где выступают роботы-балерины, – в честь выдающейся балерины *Майи Плисецкой*. Исследователи урбанонимов отмечают мемориальную функцию у многих названий внутригородских объектов, созданных в советское время [Мезенко, 2023].

4. Атрибут «элементы ролевой игры». Кроме обязательных элементов в игре «Atomic Hearth» присутствует модифицирующий атрибут «элементы ролевой игры», характерный для многих игр разных жанров. Это имена собственные, формирующие ономастический фон игры и создающие правдоподобность игрового нарратива. К ним относятся онимы разных разрядов (антропонимы, этнонимы, топонимы, хрононимы), с помощью которых построен целый мир, обладающий своей историей – альтернативный, футуристичный СССР 1950-х годов. Всего 321 имя (73,5%). Самые многочисленные в ономастике игры, но редкие по частности употребления, они выступают своеобразными конкретизаторами хронотопа, служат для погружения игрока в конкретную эпоху. В большинстве своем такие имена собственные заимствованы из дискурса СССР в неизменном виде:

- фамилии известных ученых, соединенные в игре в единой временной точке (*Вавилов, Павлов, Челомей, Курчатов, Королёв, Лебедев* и др.);

- географические названия и хрононимы, служащие для описания хронотопа советской эпохи (*СССР, КазССР, Германия, Болгария, РСФСР, Москва. Усть-Каменногорская область, Великая Отечественная война, Вторая мировая война* и т. д.).

- фамилии второстепенных персонажей, отражающие национальное разнообразие жителей СССР (*Назаров, Веритаев, Габриашвили, Логинова, Исмаилов, Ласточкин, Елизаров, Фурман, Неевлова, Бур, Лизова, Захарченко, Янсон, Мельникас* и т. д.).

Однако при образовании некоторых имен второстепенных персонажей тоже проявляется ономастическое творчество разработчиков. Например, имя второстепенного

героя *Григорий Лорьевич Домов* содержит зашифрованный намек на популярного персонажа сериала «*Доктор Хаус*». В данном случае мы имеем дело с буквальной переводческой калькой с английского: имени главного героя сериала – *Gregory*, фамилии актера, сыгравшего главную роль – *Lorry*, и фамилии доктора – *House*. Все элементы этого шаржированного имени стилизованы с помощью словообразовательных формантов под русскую антропонимическую формулу (фамилия с добавлением форманта *-ов* и отчества с формантом *-евич*).

Выводы. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что каждый структурный элемент игры «Atomic Heart», относящийся к жанру «шутер» (характер игрового процесса, перспектива, игровое пространство), маркирован именами собственными определенного типа. Характер игрового процесса, в основе которого всегда военные действия, отражают названия оружия разного вида и предметов, имеющих отношение к ведению боя (хрематонимы). При их создании используется аббревиация, буквенно-цифровые индексы и различные группы существительных во вторичной номинации. Перспектива, связанная с особенностями представления персонажей игры, отмечена использованием аллюзивных и шаржированных имен персонажей-людей, животных, антропоморфных существ (персоналий), а также сменой имени персонажа при переходе его в иное состояние и изменении визуального облика. Для номинации игрового пространства используются топонимы, взятые из реального дискурса или стилизованные под реальные названия географических объектов. Присутствующие в игре «Atomic Heart» элементы ролевой игры обусловили использование многочисленных онимов разных разрядов, характерных для эпохи СССР 1950-х годов. Реальный ономастикон становится фундаментом для создания фикционального.

В результате игровой мир, маркированный собственными именами, воспринимается как целостное явление, отражающее характерные особенности игры жанра «шутер».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балан О. В., Косташ Л. Л. Особенности имён собственных в английском языке (на материале компьютерной игры «World of Warcraft») // Языкознание. Восточнославянская филология. 2022. С. 39-46.
2. Белоконь К. А. Особенности перевода имён собственных в компьютерных играх // Студенческий: электронный научный журнал, 2022. № 20 (190). С. 5-6.
3. Богомазова В. В., Ионова Т. А., Кулешова П. П. Лексические и грамматические проблемы перевода в процессе локализации англоязычных компьютерных игр // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Серия. Филологические науки. 2023. № 3 (4). С. 13-18.

4. Болотина М. А., Кузьмина Е. В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 1. С. 43-50.
5. Буряковская В. А. Локализация компьютерных игр как переводческая проблема // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Серия. Филологические науки, 2024. № 5 (1). С. 13-18.
6. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.
7. Захарова М. А. Семантика и функционирование аллюзивных имен собственных (на материале англоязычных художественных и публицистических текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2004. 19 с.
8. Компьютерные миры ZX Spectrum. Санкт-Петербург: Питер, 1995. Т. 2. 221 с.
9. Крюкова И. В. Ономастическое шаржирование // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург, 2009. С. 147-149.
10. Ляпидовская М. Е. О некоторых особенностях номинации единиц военной техники и орудий // Russian Linguistic Bulletin. 2023. №1 (37). Доступ: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.43>. (дата обращения: 25.11.2024). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.43>.
11. Мезенко А. М. Урбанонимный континуум – географические термины: Роль, устойчивость, историческая изменчивость // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. Донецк: ДонГУ, 2023. Т. 19. Вып. 3 (61). С. 82-94.
12. Павленко Е. А. Специфика функционирования аллюзивных имен собственных (на материале цикла романов Л. Дж. Браун «Кот, который ...») // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. № 4 (25). С. 88-90.
13. Романова Т. П. Структура армонимического поля // Ономастика Поволжья. Саратов: Сарат. гос. мед. ун-т, 2024. С. 67-72.
14. Селютин А. А. Игровой сленг и трансмедийность // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: ЧелГУ, 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 131-137.
15. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. Москва: URSS, 2007. 366 с.
16. Супрун В. И. Размышления над ономастической терминологией // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 8 (62). С. 133-138.
17. Шутер. Жанр видеоигр // CGItems.ru. 2022. Доступ: <https://cgitems.ru/articles/shuter-zhanr-videoigr>. (дата обращения: 25.11.2024).
18. De Stefani E. La terminologia nell'onomastica // Rivista Italiana di Onomastica. 2004. X. 1. S. 53-71.
19. McNaughton M., Schaeffer J., Szafron D., Parker D., Redford J. Code Generation for AI Scripting in Computer Role-Playing Games // American Association for Artificial Intelligence. Halifax, Canada, 2004. P. 1-5.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подвальный М. А. Видеоигра (компьютерная игра) // Большая российская энциклопедия. 2023. Доступ: <https://bigenc.ru/c/videoigra-915272>. (дата обращения: 25.11.2024).
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2013. Доступ: <https://ozhegov.info/slovar>. (дата обращения: 25.11.2024).
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 192 с.
4. Atomic Heart // Знание. Вики. Доступ: https://znanierussia.ru/articles/Atomic_Heart. (дата обращения: 25.11.2024).

ИСТОЧНИК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Мир игры Atomic Heart. Ver. 2. иллюстрированный альбом. Санкт-Петербург: XL Media, 2023. 256 с.

REFERENCES

1. Balan, O. V., Kostash, L. L. (2022). Osobennosti imyon sobstvennykh v angliyskom yazyke (na materiale kompyuternoy igry «World of Warcraft») [The peculiarities of proper names in English (based on the computer game «World of Warcraft»)]. In *Yazykoznanie. Vostochnoslavianskaya filologiya*. Pp. 39-46. (In Russ.).
2. Belokon, K. A. (2022). Osobennosti perevoda imyon sobstvennykh v kompyuternykh igrakh [The translation features of proper names in computer games]. In *Studencheskiy: elektronnyy nauchnyy zhurn*. No 20 (190). Pp. 5-6. (In Russ.).
3. Bogomazova, V. V., Ionova, T. A., Kuleshova, P. P. (2023). Leksicheskie i grammaticheskie problemy perevoda v protsesse lokalizatsii angloyazychnykh kompyuternykh igr [Lexical and grammatical problems of translation in the process of localization of English-language computer games]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya. Filologicheskie nauki*. No 3 (4). Pp. 13-18. (In Russ.).
4. Bolotina, M. A., Kuzmina, E. V. (2019). Leksicheskie problemy perevoda kompyuternykh igr [Lexical problems of computer games translation]. In *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*. No 1. Pp.43-49. (In Russ.).
5. Buryakovskaya, V. A. (2024). Lokalizatsiya kompyuternykh igr kak perevodcheskaya problema [Localization of computer games as a translational problem]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya. Filologicheskie nauki*. No 5 (1). Pp. 13-18. (In Russ.).
6. Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper names at the juncture of languages and cultures]. Moskva: R. Valent. (In Russ.).
7. Zaharova, M. A. (2004). *Semantika i funktsionirovanie allyuzivnykh imen sobstvennykh (na materiale angloyazychnykh khudozhestvennykh i publicisticheskikh tekstov)* [Semantics and functioning of allusive proper names (based on the English fiction and journalistic texts)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. (In Russ.).
8. *Kompyuternye miry ZX Spectrum* [Computer worlds ZX Spectrum]. Sankt-Peterburg: Piter, 1995. Vol. 2. (In Russ.).
9. Kryukova, I. V. (2009). Onomasticheskoe sharzhirovanie [Onomastic caricaturing]. In *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya*. Yekaterinburg. Pp. 147-149. (In Russ.).
10. Lyapidovskaya, M. E. (2023). O nekotorykh osobennostyakh nominatsii edinit voennoy tekhniki i orudiy [On certain peculiarities of nominating military equipment units and weapons]. *Russian Linguistic Bulletin*. №1 (37). Available at: <https://rulb.org/archive/1-37-2023-january/10.18454/RULB.2023.37.43>. (accessed: 25.11.2024). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.43>. (In Russ.).
11. Mezenko, A. M. (2023). Urbanonimnyy kontinuum – geograficheskie terminy: Rol, ustoychivost, istoricheskaya izmenchivost [Urban onomastic continuum – geographic terms: Role, sustainability, historical variability]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Donetsk: DonGU. Vol. 19. Iss. 3 (61). Pp. 82-94. (In Russ.).
12. Pavlenko, E. A. (2018). Spetsifika funktsionirovaniya allyuzivnykh imen sobstvennykh (na materiale tsikla romanov L. Dzh. Braun «Kot, kotoryy ...») [The specifics allusive proper names functioning (based on the material of the cycle of novels by L. J. Brown «The Cat Who ...»)]. In *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. No 4 (25). Pp.88-90. (In Russ.).
13. Romanova, T. P. (2024). Struktura armonimicheskogo polya [The structure of the aronymic field]. In *Onomastika Povolzhya*. Saratov: Sarat. gos. med. un-t. Pp. 67-72. (In Russ.).

14. Selyutin, A. A. (2021). Igrovoy sleng i transmediynost [Game Slang and Transmedia Storytelling]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Chelyabinsk: ChelGu. No 7 (453). Filologicheskie nauki. Iss. 125. Pp. 131-137. (In Russ.).
15. Superanskaya, A. V. (2007). *Obschaya teoriya imeni sobstvennogo* [The general theory of proper names]. 2-e izd., ispr. Moskva: URSS. (In Russ.).
16. Suprun, V. I. (2011). Razmyshleniya nad onomasticheskoy terminologiyey [Reflections on onomastic terminology]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No 8 (62). Pp. 133-138. (In Russ.).
17. Shuter. Zhanr videoigr [Shooter. Computer games genre]. In *CGitems.ru*. 2022. Available at: <https://cgitems.ru/articles/shuter-zhanr-videoigr>. (accessed: 25.11.2024). (In Russ.).
18. De Stefani, E. (2004). La terminologia nell'onomastica [Terminology in onomastics]. In *Rivista Italiana di Onomastica*. X. 1. S. 53-71.
19. McNaughton, M., Schaeffer, J., Szafron, D., Parker, D., Redford, J. (2004). Code Generation for AI Scripting in Computer Role-Playing Games. In *American Association for Artificial Intelligence*. Halifax, Canada. Pp. 1-5.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Podvalnyy, M. A. (2023). Videoigra (kompyuternaya igra) [Computer game]. In *Bolshaya rossiyskaya yentsiklopediya*. Available at: <https://bigenc.ru/c/videoigra-915272>. (accessed: 25.11.2024). (In Russ.).
2. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2013). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of Russian language]. Available at: <https://ozhegov.info/slovar>. (accessed: 25.11.2024). (In Russ.).
3. Podolskaya, N. V. (1998). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology] Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Atomic Heart. In *Znanie. Viki*. Available at: https://znanierussia.ru/articles/Atomic_Heart. (accessed: 25.11.2024). (In Russ.).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

Mir igry Atomic Heart. Ver. 2. illyustrirovannyy albom [World of Atomic Heart. Ver.2. Illustrated album]. Sankt-Peterburg: XL Media, 2023. (In Russ.).

Михайлин Иван Алексеевич – аспирант
кафедры языкознания
(e-mail: dudelevel932@gmail.com),
Федеральное бюджетное государственное
образовательное учреждение высшего
образования «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»,
400005, Волгоград, пр. имени В. И. Ленина, 27

Mikhailin Ivan A. – Postgraduate Student
of the Department of Linguistics
(e-mail: dudelevel932@gmail.com),
Federal Budgetary State Educational Institution of
Higher Education «Volgograd State Socio-
Pedagogical University »
27, Ave. named after V. I. Lenina, Volgograd,
400005

Поступила в редакцию 06 декабря 2024 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 81'371:811.111+811.112.2

© 2025 В. Д. Калиущенко, Е. И. Милохин

СЕМАНТИКА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОЧАРОВАНИЕ» В НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ*

Статья посвящена исследованию семантики глаголов, выражающих каузирование эмоционального состояния очарования в немецком и английском языках. Проведенный сопоставительный анализ исследуемых лексических единиц позволил установить общие и дифференциальные черты в их семантике.

Ключевые слова: каузативный глагол, семантический анализ, формула толкования, каузативная сема, эмотивная сема, дополнительная сема.

© 2025 V. D. Kaliuščenko, E. I. Milokhin

SEMANTICS OF THE CAUSATIVE VERBS BELONGING TO THE LEXICO-SEMANTIC GROUP «CHARM» IN GERMAN AND ENGLISH

This paper deals with the semantics of verbs that express the causation of the emotional state of charm in German and English. The conducted contrastive analysis of the studied lexical units made it possible to establish convergences and divergences in their semantics.

Key words: causative verb, semantic analysis, interpretation formula, causative seme, emotive seme, additional seme.

Введение. Данная статья посвящена исследованию семантики каузативных глаголов лексико-семантической группы «очарование» (далее каузативные глаголы «очарования» – КГО) в немецком и английском языках, таких как нем. *bezaubern* ‘очаровывать’, англ. *to charm* ‘очаровывать’. **Актуальность** исследования обусловлена интересом лингвистики к лексике чувств и эмоций [Wierzbicka, 1999], к проблемам сопоставительного изучения вопросов семантического синтаксиса, а также недостаточным уровнем изученности особенностей языковой реализации эмотивных глаголов в разноструктурных языках. В основе данной работы лежит семантический анализ, который позволяет выделить основные и дополнительные семы в значениях исследуемых лексических единиц.

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

Цель настоящего исследования – провести сопоставительный семантический анализ КГО и выделить общие и дифференциальные черты в семантике данных лексических единиц.

Материалом работы служат 44 эмотивных глагола в немецком языке и 48 глаголов в английском языке. Лишь незначительная часть из них (11 в немецком) и (14 в английском) выражают каузирование эмоционального состояния очарования. Данные КГО были отобраны из толковых словарей и рассмотрены на примерах из Deutsches Referenzkorpus (227 предложений) [DeReKo] и iWeb: The Intelligent Web-based Corpus (248 предложений) [iWeb].

1. У. Крофт [Croft, 1993] рассматривает эмотивные глаголы, которыми являются исследуемые глаголы очарования, преимущественно как каузативные. Анализируя русский каузативный глагол «радовать», С. В. Шустова [Шустова, 2018: 48] подчёркивает, что в его семантике обнаруживается эмотивный потенциал, т. е. эмотивная функция находит своё выражение в значении *возбуждать, вызывать радость в ком-чем-н., доставлять радость кому-н.* [Ожегов, 1987: 555], где *возбуждать, вызывать* и *доставлять* являются каузативными семами, а *радость* – эмотивной семой. Аналогичная ситуация с немецкими и английскими КГО. Например, эмотивная функция глагола нем. *faszinieren* осуществляется в его значении *eine fesselnde Wirkung auf jmdn. ausüben* ‘оказывать на кого-либо чарующее воздействие’ [DWDS], где *ausüben* – каузативная сема, а *fesselnde Wirkung* – эмотивная сема.

Под каузативными глаголами понимаются единицы, отражающие каузативную ситуацию, составляющими которой являются две микроситуации: каузирующая (антецедент) и каузируемая (консеквент), «связанные между собой отношением каузации или причинения» [Недялков, Сильницкий, 1969: 6-7]. Опираясь на понятие каузативности, представленное Дж. Лайонзом («одна ситуация вызывает другую» [Lyons, 1977: 490]), Е. В. Падучева определяет каузативный глагол как глагол, который называет ситуацию, в которой изменение состояния у одного участника, условно названного X-ом, вызвано другим участником, условно названного Y-ом [Падучева, 2001: 53]. Другие отечественные лингвисты делают акцент на том, что ведущей минимальной и неделимой частью каузативного глагола является сема воздействия субъекта на объект с целью изменения эмоционального состояния второго или его побуждения для выполнения определённого действия [Дадучева, 2011: 76; Довгаль, Шепелева 2015: 50].

Анализ КГО проводился с применением формул толкования, представляющих собой перифразу значений глаголов с сохранением главных актантов предиката [Калиущенко, 2016: 55]. Общая формула толкования для всех КГО имеет следующий вид:

«X каузирует Y испытывать Z» [Kaliuščenko, 2000: 57], где X – Каузатор (причина смены эмоционального состояния, синтаксический субъект предиката), Y – Экспериенцер (лицо, испытывающее эмоциональное состояние, синтаксический объект предиката), а Z – значение эмоционального состояния очарования. В свою очередь, Каузатор делится на несколько видов: Агенса (активный участник ситуации (всегда или обычно одушевлённый), который сознательно, намеренно, целенаправленно производит действие и контролирует ситуацию) [Fillmore, 1967: 46], Ситуация («событие, состояние, процесс (отъезд, вялость, шум)»), которые обуславливают каузирование определенного эмоционального состояния), Причина (участник ситуации, который не совершает действий и над которым они не совершаются), и Информация («информация о событии» или «информация, возникшая в ходе протекания события») [Падучева, 2004: 55, 83, 269, 284]. Экспериенцером называется участник макроситуации, на чье психическое состояние или ментальные процессы было оказано влияние [Chafe, 1975: 145].

2. Согласно словарю С. И. Ожегова, под очарованием понимается *чарующая сила, прелесть кого-чего-н.* [Ожегов, 1987: 418]. В Большом академическом словаре русского языка даётся другая семантика этого слова: 1. *Устар. Колдовство, волшебство.* 2. *Чарующая, притягательная сила кого-, чего-л.; обаяние.* 3. *Состояние подвергшегося действию чарующей, притягательной силы кого-, чего-л.* 4. *Разг. О ком-, чём-л. пленительном, очаровательном* [БАСРЯ, 2011: 194], которые указывают на то, что слово «очарование» больше употребляется в переносном значении, в значении результата воздействия, а также как характеристика субъекта или объекта, обладающего притягательной силой. 1. *Устар. Колдовство, волшебство.* указывает на историческую связь слова «очарование» с магическим влиянием, что подтверждает синонимию глаголов рус. *очаровывать, околдовывать* и *завораживать*.

Однако в данной работе также рассматриваются единицы, обозначающие каузацию интереса и увлечения, так как они также связаны с привлечением Каузатором внимания Экспериенцера каким-либо образом. Дополнительно стоит также отметить, что в основном исследуемые лексические единицы в английском языке переводятся на русский как «очаровывать», но не имеют в своих значениях семы «чарующая сила», а привлечение интереса, например: семантика глагола англ. *to fascinate – to interest someone a lot* ‘сильно заинтересовать кого-л.’.

В лексико-семантическую группу «очарование» входят следующие глаголы: нем. *bezaubern* ‘очаровывать, околдовывать’, *verzaubern* ‘очаровывать, околдовывать’,

faszinieren ‘очаровывать’, *fesseln* ‘приковывать, очаровывать’, *betören* ‘(возвыш.) обвораживать’, *bannen* ‘(возвыш.) очаровывать, околдовывать’, *berücken* ‘(возвыш.) пленять’, *bestrecken* ‘очаровывать, пленять’, *bezirzen* ‘(разг., иногда шутил.) очаровывать’, *behexen* ‘(перен.) околдовывать’, *verlocken* ‘(возвыш.) манить’, англ. *to charm* ‘очаровывать’, *to fascinate* ‘очаровывать’, *to captivate* ‘увлекать, очаровывать’, *to enchant* ‘очаровывать’, *to entrance* ‘завораживать’, *to mesmerize* ‘очаровывать’, *to spellbind* ‘очаровывать’, *to seduce* ‘заманивать, соблазнять’, *to entice* ‘заманивать, соблазнять’, *to bewitch* ‘очаровывать’, *to lure* ‘завлекать’, *to enthrall* ‘очаровывать’, *to engross* ‘увлекать’, *to absorb* ‘увлекать’.

Проведенный анализ позволил выделить ряд дополнительных сем каузативных глаголов очарования в немецком и английском языках, которые уточняют семантику каждого из них и служат для различения данных синонимичных лексических единиц [Апресян, 1974: 9]. Например, в обоих языках отмечены КГО, обозначающие низкую, нейтральную и высокую степень эмоционального состояния очарования.

3. Низкая степень каузирования очарования отмечается только у английского глагола *to attract*, который имеет следующую семантику: (*of people, things, places, etc.*) *to pull or draw someone or something towards them, by the qualities they have, especially good ones* ‘(о людях, вещах, местах и т. д.) притягивать к себе кого-то или что-то своими качествами, особенно хорошими’, где каузативная сема – *pull* и *draw*, однако конкретная эмотивная сема здесь не указана, так как здесь подразумевается внимание или интерес, которые Казутор вызывает у Экспериенцера, например:

(1) англ. [...] *the market players have come back with new flavors and packaging to attract the consumers* [iWeb] ‘[...] производители вернулись на рынок с новым качеством товара и упаковки, чтобы привлечь потребителей’.

В примере (1) Каузатор, выраженный Агенсом *the market players* каузирует у Экспериенцера *the consumers* интерес и / или внимание новыми вкусами и упаковкой. В семантике глагола *to attract* акцент делается на «притягивании» внимания и / или интереса Экспериенцера *the consumers* за счёт привлекательных качеств товара, но без явного выражения сильной эмоциональной составляющей. Поэтому формула толкования данной лексической единицы имеет следующий вид: «X каузирует Y находиться в эмоциональном состоянии очарования Z низкой степени».

4. Семантика глагола *fesseln* ‘приковывать, очаровывать’ в немецком языке и *to fascinate* ‘очаровывать’ в английском указывает на нейтральную степень каузируемого состояния очарования, связанного с проявлением сильного интереса Экспериенцера по отношению к Каузатору: (*übertragen*) *etw. erweckt ganz stark jmds. Interesse, Aufmerksamkeit, etw. packt*

jmdn. [DWDS] '(перен.) что-то очень сильно привлекает чей-то интерес, внимание' с основной каузативной семой *erweckt*, а также дополнительной семой *ganz stark*, свидетельствующей об интенсификация каузируемого эмоционального состояния, например:

(2) нем. *Mit markanten Kopfmotiven, heftigen Akkordballungen und spielerischer Ausgelassenheit fesselt er den Hörer* [DeReKo] 'Он завораживает слушателя выразительными головными мотивами, энергичными сменами аккордов и наигранной раскованностью'.

(3) англ. ... *Manipulating this effect continues to fascinate guitarists, so much so that it has become a staple feature in many guitars* [iWeb] 'Использование этого эффекта продолжает очаровывать гитаристов настолько, что он стало основной функцией многих гитар'.

В примере (2) Каузатором эмоционального состояния очарования выступает Агнс, выраженный личным местоимением *er*, а Экспериенцером – *Hörer*. Несмотря на то, что прилагательные *markanten*, *heftigen* и *spielerischer* употреблены в группе Способ воздействия *mit markanten Kopfmotiven, heftigen Akkordballungen und spielerischer Ausgelassenheit* как эпитеты, они выражают нейтральную степень каузируемого чувства. В отличие от глаголов типа *bezaubern* (см. ниже) здесь можно объяснить природу наступления у Экспериенцера этого эмоционального состояния, так как отмечены музыкальные термины (*Akkordballungen, Akkordballungen*), оказывающие влияние. В примере (3) Ситуация *manipulating this effect* каузирует у Экспериенцера *guitarists* сильное чувство очарования, что заставило сделать этот эффект основной функцией многих гитар. Данный пример также показывает, что причина приведения Экспериенцера *guitarists* в эмоциональное состояние очарования объяснима, поскольку гитаристы управляют этим эффектом.

Глаголы нем. *fesseln* и англ. *to charm* не имеют дополнительных сем, которые могли бы уточнить их значение, что даёт возможность называть данные лексические единицы нейтральными с точки зрения интенсивности каузируемого эмоционального состояния. Формула толкования имеет следующий вид: «X каузирует Y находиться в эмоциональном состоянии очарования Z», что совпадает с универсальной формулой толкования для глаголов данной лексико-семантической группы.

Нейтральная степень каузируемого чувства очарования отмечается также в семантике КГО нем. *bezaubern* 'очаровывать, околдовывать', *betören* '(возвыш.) обвораживать', *bannen* '(возвыш.) очаровывать, околдовывать', *berücken* '(возвыш.) пленять', *bestriicken* 'очаровывать, пленять', *bezirzen* '(разг., иногда шутл.) очаровывать', *behexen* '(перен.) околдовывать' и англ. *to spellbind* 'очаровывать', *to enchant* 'очаровывать', *to bewitch* 'очаровывать'. Семантика данных КГО в английском языке:

to influence by or as if by charms and incantation [MWD] ‘воздействовать с помощью или как бы с помощью чар и заклинаний’ с основной каузативной семой *influence* и семами *charms* и *incantation*, подразумевающие. Немецкий КГО имеет аналогичное значение. В значении данных лексических единиц содержится семантический признак неконтролируемости, потому что воздействие на Экспериенцера осуществляется как будто при помощи заклинаний или чар, и природа наступления очарования не всегда может быть объяснима, в то время как в значениях рассмотренных выше глаголов нем. *fesseln* и англ. *to charm* речь идёт об интересе и внимании, например:

(4) нем. *Die Liebenswürdigkeit des kleinen Schwarzkittels bezaubert den Fuchs indessen so, daß er ihn mit im Fuchsbau hausen läßt* [DeReKo] ‘Любезность маленького дикого кабана настолько очаровывает лису, что она позволяет ему жить с ней в лисьей норе’.

(5) англ. *Throughout his life in jazz, Cecil continues to spellbind or infuriate listeners* ‘На протяжении всей своей жизни в джазе Сесил продолжает очаровывать или приводить в ярость слушателей’ [iWeb].

В примере (4) Каузатором выступает Ситуация *Die Liebenswürdigkeit des kleinen Schwarzkittels*, т. е. любезная манера поведения маленького дикого кабана каузирировала такое сильное чувство очарования у Экспериенцера *den Fuchs*, что как будто под действием каких-то чар лиса позволила ему жить в её норе. Исходя из контекста, вероятнее всего, лиса и дикий кабан являются аллегорическими образами. Агенса *Cecil* в примере (5) каузирует чувство очарования у Экспериенцера, представленного собирательным существительным *listeners*, продолжительное время, так как глагол *continues* указывает на то, что Сесилу всё ещё удаётся очаровывать слушателей. Можно предположить, что под Агенсом *Cecil* подразумевается либо личность Сесила или присущие ему человеческие качества или его поведение, которые воздействуют на Экспериенцера *listeners* непосредственно, либо джазовая музыка Сесила (на это указывает *throughout his life in jazz*), которые находят у Экспериенцера *listeners* настолько сильный отклик, что необъяснимым и, исходя из значения глагола *to spellbind*, магическим образом вызывают у него чувство очарования. Формула толкования следующая: «X каузирует Y испытывать Z высокой степени, воздействуя на Y (необъяснимым / магическим) образом».

Примечательно, что в онлайн-словаре Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD] в семантике английских глаголов *bewitch* и *enchant* чётко разграничивается прямое (*to put a magic spell on somebody* ‘наложить на кого-нибудь волшебное заклинание’) и переносное значение (*to attract somebody strongly and make them feel very interested, excited, etc* ‘сильно привлечь кого-нибудь и заставить почувствовать себя очень заинтересованным,

взволнованным и т. д.’), подчёркивая, что воздействие Каузатора на Экспериенцера происходит благодаря его привлекательности (внешней или внутренней), без использования магии и чар в непрямом смысле, т. е. изменение эмоционального состояния у Экспериенцера поддаётся объяснению.

5. Высокую степень очарования выражает немецкий глагол *faszinieren* ‘завораживать’ и английский глагол *to charm* ‘очаровывать’. Немецкий КГО имеет значение *eine fesselnde Wirkung auf jmdn. ausüben* [DWDS] ‘оказывать на кого-либо пленяющее воздействие’, где основной каузативной семой является *ausüben*, а эмотивной семой – *eine fesselnde Wirkung*, поскольку она обозначает эффект, вызывающий сильный эмоциональный отклик у Экспериенцера. Английский КГО имеет аналогичное значение, например:

(6) нем. *Dazu wurden Lieder, Zaubertricks und Geschichten vorgetragen, die das Publikum faszinierten* [DeReKo] ‘Для этого были представлены песни, фокусы и истории, которые очаровали публику’.

(7) англ. [...] *Miss North Carolina contestant charmed American audiences with her Southern twang and blonde ambition* [iWeb] ‘[...] Участница конкурса «Мисс Северная Каролина» очаровала американскую публику своим южным американским акцентом и амбициями блондинки’.

В примере (6) эмоциональное состояние очарования Экспериенцера *das Publikum* обусловлено воздействием на него Каузаторов, выраженных Ситуацией *wurden Lieder, Zaubertricks und Geschichten vorgetragen*, при помощи притягательной силы искусства, вызывая у него эмоции. Каузатор, выраженный в примере (7) Агенсом *Miss North Carolina contestant*, воздействует на Экспериенцера *American audiences*, своей речью и поведением, вызывая у него эмоциональное состояние очарования. Глаголы нем. *faszinieren* и англ. *to fascinate* имеют следующую формулу толкования: «X каузирует Y находиться в эмоциональном состоянии очарования Z высокой степени».

Высокую степень интенсивности испытываемого эмоционального состояния очарования также выражают глаголы *verzaubern* и *verlocken* в немецком языке, *to enthrall*, *to engross*, *to absorb*, *to entrance*, *to mesmerize*, *to bewitch*, *to captivate* в английском языке, которые имеют семантику: *to have such a strong effect on you that you cannot give your attention to anything else* [OALD] ‘влиять на Вас так сильно, что Вы не можете уделять внимание ничему другому’ с каузативной семой *have an effect* и дополнительной семой *strong*, свидетельствующая о том, что данные глаголы каузируют сильное чувство. Однако *you cannot give your attention to anything else* конкретизирует значение

рассматриваемых единиц, позволяя говорить о высокой степени каузирования эмоционального состояния, например:

(8) нем. *Einfühlsame Harfenklänge, erhebende Bläsermusik und die herrlichen Stimmen von 44 jungen Sängern haben die Zuhörer verzaubert* [DeReKo] ‘Чуткие звуки арфы, воодушевляющая духовая музыка и великолепные голоса 44 молодых певцов заворожили слушателей’.

(9) англ. *The Igaussu Falls also mesmerize passengers on tours with astonishing cascading waterfalls ...* [iWeb] ‘Водопады Игуасу также завораживают пассажиров во время экскурсий ошеломляющими каскадными водопадами ...’.

В предложении (8) Каузатором выступают три эстетически насыщенных компонента: Причины *einfühlsame Harfenklänge, erhebende Bläsermusik* и *die herrlichen Stimmen von 44 jungen Sängern*, которые в совокупности оказывают на Экспериенцера *die Zuhörer* сильное воздействие. Семантика глагола *verzaubern*, как и тон предложения в целом, подразумевает наложение сильного «зачаровывающего» эффекта, благодаря которому Экспериенцер *die Zuhörer*, буквально отрываясь от реальности, погружается в некую эйфорию звукового ландшафта (английский термин *soundscape*). В примере (9) эмоциональное состояние Экспериенцера *passengers on tours* каузирует Ситуация *The Igaussu Falls*. Исходя из значения глагола *mesmerize*, можно сказать, что Экспериенцер *passengers on tours* не может уделять внимание чему-то другому, когда он смотрит на водопады, потому что в тот момент он видит перед собой преимущественно их, т. е. они занимают почти всё его поле зрения. *With astonishing cascading waterfalls*, что подразумевает под собой масштабность пейзажа, сильный шум и падение воды, привлекают и удерживают его внимание. Это всё указывает на высокую степень каузирования эмоционального состояния. Формула толкования глаголов нем. *verzaubern, verlocken* и англ. *to enthrall, to engross, to absorb, to entrance, to mesmerize*: «X каузирует Y находиться в эмоциональном состоянии очарования Z высокой степени». Примечательно, что в семантике глагола *to captivate (hold the attention of someone by being extremely interesting, exciting, pleasant, or attractive* [CALD] ‘удерживать / привлекать чьё-л. внимание, будучи чрезвычайно интересным, волнующим, приятным или привлекательным’) компонент *hold* может употребляться как каузативная сема («привлекать внимание»), так и как дуративная сема («удерживать внимание»), например: *Give the kids some toys – that should hold their attention for a while* ‘Дайте детям какие-нибудь игрушки, которые должны на некоторое время удержать / привлечь их внимание’.

В значении немецкого глагола *bezirzen* и английских глаголов *to lure, to entice*

обнаруживается также намеренный характер каузации очарования: *to please or attract somebody in order to make them like you or do what you want* [OALD] ‘угодить кому-либо или привлекать кого-либо, чтобы вы нравились им, или заставить их делать то, что вы хотите’ с каузативными семами *please* и *attract* и дополнительной семой *in order to make them like you or do what you want*, которая выражает намеренность каузирования у Экспериенцера эмоционального состояния очарования, например:

(10) нем. [...] *benutzt Bruno Mars sein strahlendes Lächeln und sein Lausbubengesicht, um die Damenwelt zu bezirzen* [DeReKo] ‘Бруно Марс использует свою лучезарную улыбку и лицо сорванца, чтобы покорить мир женщин’.

(11) англ. *A smell of coffee in the doorway enticed people to enter the shop* [iWeb] ‘Запах кофе, исходящий из магазина, манил людей’.

В примере (10), по мнению автора текста, Каузатор, выраженный Агенсом *Bruno Mars*, воздействует своей внешностью на Экспериенцера *die Damenwelt*, вызывая у него эмоциональное состояние очарования. Намеренность здесь заключается в том, что в индустрии развлечений (в данном случае, в музыкальной индустрии) лучезарная улыбка и озорное выражение лица используется для продвижения артиста, так как благодаря этому у него увеличивается количество слушателей и фанатов. В примере (11) Ситуация *a smell of coffee in the doorway*, каузирует эмоциональное состояние Экспериенцера *people*. Возможно, владельцы магазина намеренно привлекали людей ароматом кофе, т. е. людям предлагалось что-то приятное с определённой целью: чтобы она вошли в магазин (Цель (Конечная точка) *the shop*).

Глаголы нем. *bezirzen* и англ. *to lure* и *to entice* в английском языке характеризуются высокой степенью испытываемого эмоционального состояния. При этом в значении данных лексических единицах отмечается, что каузирование эмоционального состояния направлено на достижение какой-то цели, поэтому их формула толкования следующая: «X с определенной целью каузирует Y находиться в эмоциональном состоянии очарования Z высокой степени».

В значении немецких глаголов *betören* и *bezirzen* (*hinreißen, berücken, in sich verliebt machen* [Duden] ‘увлекать, пленять, заставлять влюбиться в себя’ и *jmdn. durch Charme, Liebreiz, Charisma o. Ä. für sich einnehmen, jmds. Sympathie wecken* [DWDS] ‘располагать кого-н. к себе своим очарованием, привлекательностью, харизмой и т. п., вызвать у кого-н. симпатию’ соответственно) характерной является дополнительная сема: указание на дополнительное эмоциональное состояние («X каузирует Y испытывать Z (очарование) и

Z (симпатию / любовь) высокой степени, воздействуя на Y необъяснимым / магическим образом»), например:

(12) *Daß "Alfred" Karl Oblasser die Frauen mit seiner Stimme betören kann, glaubt ihm kein Mensch* [DeReKo] 'Ни один человек не верит в то, что «Альфред» Карл Облассер может соблазнять женщин своим голосом'.

В примере (12) подчёркивается способность Каузатора, выраженного Агенсом «*Alfred*» *Karl Oblasser*, оказывать эмоциональное воздействие на Экспериенцера *die Frauen* посредством своего голоса (*mit seiner Stimme*). Глагол *betören* в данном контексте обозначает, что в результате эмоционального влияния «Альфреда» Карла Облассера женщины могут быть не только очарованы, но и испытывать по отношению к нему нечто большее: любовь.

6. Проведённый анализ позволил сделать следующие выводы:

6.1. Немецкий и английский языки демонстрируют большое сходство в выражении каузирования эмоционального состояния очарования, что, возможно, объясняется генетическим фактором, т. е. принадлежностью к одной языковой группе германских языков индоевропейской семьи.

6.2. Рассмотренные КГО в немецком и английском языках характеризуются наличием в их семантике интенсивности каузируемого эмоционального состояния очарования, что можно отчасти объяснить необходимостью разграничивать между собой лексические единицы, выражающие разную степень очарования. Также КГО в обоих исследуемых языках имеют в своих значениях дополнительную сему намеренности.

6.3. КГО в немецком языке отличаются только такой специфической семой, как указание на дополнительное эмоциональное состояние (симпатия или любовь) (нем. *betören* и *bezirzen*), которая не была обнаружена в значениях рассматриваемых глаголов в английском языке. Низкая степень каузируемого эмоционального состояния очарования (англ. *to attract*) и указание на его продолжительность (повторяемость) (англ. *to mesmerize* и *to spellbind*) отмечены только в английском языке.

6.4. В значениях КГО нем. *bezirzen* и англ. *to lure*, *to entice* каузация очарования не является основной целью Каузатора, поскольку она направлена в первую очередь на изменение эмоционального состояния Экспериенцера для достижения своих целей.

6.5. Отличительная черта исследуемых КГО в немецком и английском языках – наличие в их значениях сем «магия», «магическое воздействие». В каузативной ситуации с глаголами очарования Экспериенцер подвергается необъяснимому чарующему воздействию Каузатора, который может воздействовать на Экспериенцера

непосредственно своей персоной, своей внешностью или с помощью присущих ему личностных характеристик или поведения (голос, взгляд, речь).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука, 1974. 368 с.
2. Дадужева Е. А. Общая характеристика каузативных глаголов // Вестник СибГУТИ. Новосибирск, 2011. № 2 (14). С. 76-81.
3. Довгаль А. В., Шепелева Ю. А. Семантические особенности глаголов со значениями «эмоциональное состояние» и «эмоциональное отношение» в английском языке // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2015. Вып. 6. С. 48-52.
4. Калиущенко В. Д. От лингвистической типологии к исторической лингвистике. Донецк: ДонНУ. 2016. 281 с. (Типологические, сопоставительные, диахронические исследования; Т. 12).
5. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград: Наука, 1969. С. 5-19.
6. Падучева Е. В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52-79.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Яз. славян. культуры, 2004. 608 с.
8. Шустова С. В. Когнитивный сценарий каузативной ситуации // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 46-59.
9. Chafe W. Meaning and the structure of language. Chicago, London: University of Chicago Press, 1970. 4th impr., 1975. 360 p.
10. Croft W. Case marking and the semantics of mental verbs // Semantics and the lexicon; J. Pustejovsky (eds). Studies in linguistics and philosophy, 49. Dordrecht: Kluwer, 1993. P. 55-72.
11. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten; 419).
12. Lyons J. Semantics. Cambridge a. o.: Cambridge University Press, 1977. Vol. 2. 897 p.
13. Fillmore Ch. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory; E. Bach, R. Harms (eds.). New York, 1967. P. 1-135.
14. Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 349 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2011. Т. 15: Отряд – Перевал. 610 с. [БАСРЯ].
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов; под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. Москва: Рус. яз., 1987. 797 с.
3. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Доступ: <https://dictionary.cambridge.org>. (дата обращения: 04.01.2025). [CALD].
4. Duden online Wörterbuch. Доступ: <http://www.duden.de>. (дата обращения: 05.01.2025). [Duden].
3. DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 04.01.2025). [DWDS].

4. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Доступ: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>. (дата обращения: 04.01.2025). [OALD].

5. Merriam Webster Dictionary. Доступ: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>. (дата обращения: 10.10.2024). [MWD].

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Deutsches Referenzkorpus. Доступ: <https://www.owid.de>. (дата обращения: 13.01.2025). [DeReKo].

2. iWeb: The Intelligent Web-based Corpus. Доступ: <https://www.english-corpora.org/iweb>. (дата обращения: 13.01.2025). [iWeb].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics: Synonymous Means of Language]. Moskva: Nauka. (In Russ.)

2. Dadueva, E. A. (2011). Obschaya kharakteristika kausativnykh glagolov [General Characteristics of Causative Verbs]. In *Vestnik SibGUTI*. Novosibirsk. No. 2 (14). Pp. 76-81. (In Russ.)

3. Dovgal, A. V., Shepeleva, Yu. A. (2015). Semanticheskie osobennosti glagolov so znacheniyami «emotsionalnoe sostoyanie» i «emotsionalnoe otnoshenie» v angliyskom yazyke [Semantic Features of Verbs with the Meanings «Emotional State» and «Emotional Attitude» in the English Language]. In *Dasledavanni pa germanskaj i slavyanskaj filalogii = Acta Germano-Slavica*. Mahilyow: MDU imeni A. A. Kulyashova. Iss. 6. Pp. 48-52. (In Russ.)

4. Kaliušchenko, V. D. (2016). *Ot lingvisticheskoy tipologii k istoricheskoy lingvistike* [From Linguistic Typology to Historical Linguistics]. Donetsk: DonNU. (Tipologicheskie, sopostavitelnye, diakhronicheskie issledovaniya; Vol. 12. (In Russ.)

5. Nedyalkov, V. P., Silnitskiy, G. G. (1969). Tipologiya kausativnykh konstruktsiy [Typology of Causative Constructions]. In *Tipologiya kausativnykh konstruktsiy. Morfologicheskij kausativ*. Leningrad: Nauka. Pp. 5-19. (In Russ.)

6. Paducheva, E. V. (2001). Kausativnye glagoly i dekausativy v russkom yazyke [Causative Verbs and Decausatives in the Russian Language]. In *Russkiy yazik v nauchnom osveschenii*. No. 1. Pp. 52-79. (In Russ.)

7. Paducheva E. V. (2004) *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in words semantics]. Moskva: Yaz. slavyan. kultury. (In Russ.).

8. Shustova, S. V. (2018). Kognitivnyy stsensariy kausativnoy situatsii [Cognitive scenario of a causative situation]. In *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. Vol. 4. No. 3. Pp. 46-59. (In Russ.).

9. Chafe, W. (1970). *Meaning and the Structure of Language*. 4th impr. 1975. Chicago, London: University of Chicago Press.

10. Croft, W. (1993). Case marking and the semantics of mental verbs. In J. Pustejovsky (ed.) *Semantics and the Lexicon. Studies in Linguistics and Philosophy*, 49. Dordrecht: Kluwer. Pp. 55-72.

11. Kaliušchenko, V. D. (2000). *Typologie denominaler Verben*. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten; 419).

12. Lyons, J. (1977). *Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press. Vol. 2.

13. Fillmore, C. (1967). The Case for Case. In E. Bach & R. Harms (Eds.) *Universals in Linguistic Theory*. New York. Pp. 1-135.

14. Wierzbicka, A. (1999). *Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research; ed. by L. I. Balakhonova. Moskva; Sankt-Peterburg: Nauka, 2011. Vol. 15: Otryad – Pereval. (In Russ.)
2. Ozhegov, S. I. (1987). *Slovar russkogo yazyka: Ok. 57,000 slov* [Dictionary of the Russian Language: Approximately 57,000 Words]. 18th ed., stereotype; ed. by N. Yu. Shvedova, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Moskva: Russ. Yaz. (In Russ.)
3. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org>. (accessed: 04.01.2025).
4. *Duden online Wörterbuch*. Available at: <http://www.duden.de>. (accessed: 05.01.2025) [Duden].
3. *DWDS: Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts*. Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 04.01.2025).
4. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english>. (accessed: 04.01.2025).
5. *Merriam Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>. (accessed: 10.10.2024).

SOURCE OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Deutsches Referenzkorpus*. Available at: <https://www.owid.de>. (accessed: 13.01.2025).
2. *iWeb: The Intelligent Web-based Corpus*. Available at: <https://www.english-corpora.org/iweb>. (accessed: 13.01.2025).

Калиущенко Владимир Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии (e-mail: v.kaliushenko@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Kaliushenko Vladimir D. – Doctor of Philology, Professor, Head of Germanic Philology Department (e-mail: v.kaliushenko@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Милохин Евгений Иванович – студент магистратуры кафедры германской филологии (e-mail: yevgeniy.milokhin@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Milokhin Evgeniy I. – Undergraduate Student of Germanic Philology Department (e-mail: yevgeniy.milokhin@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24b Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 27 января 2025 г.

УДК 81'272

© 2025 Ма Цзиньюй

КИТАЙСКАЯ И РУССКАЯ ЦЕННОСТНАЯ КАРТИНА МИРА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ- ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Настоящее исследование посвящено анализу в диахроническом плане ценностной картины в мире русского и китайского языка на примере цветовой триады – красный, белый, черный, предложенной российским ученым В. Тернером. Представление о цветowych прилагательных содержит не только описание объективного мира, но и субъективное восприятие и оценку пользователя языка, что создает уникальную картину ценностей мира. Цель исследования – сопоставительный анализ оценочных прилагательных-цветообозначений для глубокого понимания данной ценностной картины мира двух стран.

Ключевые слова: *ценностная картина, цветовое пространство, семантика прилагательных-цветообозначений, сопоставительный анализ.*

© 2025 Ma Jingyu

CHINESE AND RUSSIAN VALUE WORLDVIEWS THROUGH THE LENS OF EVALUATIVE ADJECTIVES DENOTING COLORS

This study addresses the diachronic analysis of the value worldviews in the Russian and Chinese languages, using the color triad of red, white, and black proposed by the Russian scholar D. R. Budayev as an example. The concept of color adjectives not only includes the description of the objective world but also the subjective perception and evaluation of the language user, which creates a unique picture of the world's values. The aim of the study is a comparative analysis of the evaluative adjectives denoting colors to gain a deeper understanding of this value worldviews in the two countries.

Key words: *value picture of the world, color space, evaluative semantics of adjectives denoting colors.*

Введение

В последние годы, с активным развитием кросс-культурной психологии, семантики и культурной антропологии, изучение цветообозначения перешло от чисто описательного анализа семантики к углубленному исследованию культурной интерпретации и когнитивных механизмов, в результате чего была создана уникальная ценностная картина мира. Несмотря на то что в большинстве исследований анализируется семантика оценочных прилагательных-цветообозначений в китайском и русском языках, сопоставительный анализ ценностной картины двух стран остается недостаточно изученным. Кроме того, существующие исследования по теме оценочных цветowych слов, как правило, сосредоточены на существующей семантике, не раскрывают причин, лежащих в основе семантики [Козлова, 2010: 84].

Таким образом, в данном исследовании предпринята попытка сравнительного анализа картины мира ценностной, воплощенной в оценочных прилагательных-цветообозначениях «красный-белый-черный» в китайском и русском языках, с помощью основной цветовой триады, предложенной русским ученым В. У. Тернер [Горн, 2013: 75, 78]. В качестве объекта исследования в статье выступают оценочные прилагательные-цветообозначения в китайском и русском языках.

В данном исследовании в основном используются следующие ключевые виды исследовательских материалов: 1. Корпусы русского языка [НКРЯ] и Корпус текстов современного китайского языка [CCL] при Пекинском университете. Эти корпуса включают в себя литературные произведения, новостные репортажи, посты в социальных сетях, рекламу, официальные документы и другие типы текстов, чтобы обеспечить всесторонний и репрезентативный анализ; 2. Исторические источники: собраны документы и исторические материалы по истории, культуре, религии, фольклору Китая и России, особенно те, которые связаны с символикой цветов; 3. Лингвистические и кросс-культурные исследования: использованы академические труды и статьи в области лингвистики, семантики, кросс-культурной психологии и т. д., особенно те, которые исследуют символику цвета, кросс-культурные сравнения и теорию языковой картины мира.

Задачи исследования включали: составление корпуса оценочных цветовых прилагательных «красный-белый-черный» в китайском и русском языках; анализ семантических различий этих прилагательных в двух языках с использованием междисциплинарных теоретических рамок (в частности, сопоставительной лингвистики, когнитивной лингвистики и дискурсологии); сравнительный анализ ценностных картин мира, отраженных в этих цветовых словах в китайской и российской культуре, а также исследование причин их семантических сдвигов.

Исследование выполнено в рамках сопоставительной лингвистики и когнитивной лингвистики.

Методы исследования включают структурно-семантический метод, корпусный анализ, дискурс-анализ.

Ценностная картина мира как производное от картины мира

Изучение ценностной картины мира является частью теории картины мира [Чжао Годун, 2020: 48]. Изучением картины мира занимались ряд лингвистов, а также философы и психологи различных направлений по всему миру». Например, немецкий лингвист В. фон Гумбольдт полагает, что картина мира – подвижная, динамичная сущность, так как

образуется она из языковых вмешательств в действительность; единицей ее является речевой акт. Язык в построении картины мира играет ведущую роль.

Согласно философу М. Хайдеггеру, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [Андреева, 2006: 3]. Таким образом, картина мира есть отражение окружающего мира в голове человека.

С точки зрения психологии понятия «сознание» и «картина мира (модель мира, образ мира)» являются близкими, если не синонимичными (см., например, работы А. А. Леонтьева, Н. В. Уфимцевой и др.) [Андреева, 2006: 3].

Н. Д. Арутюнова утверждает, что восприятие человеком реального мира осуществляется через материальные и нематериальные объекты, имеющие ценность для человечества. Формирование представлений о предметах и явлениях – это процесс концептуализации субъектом, обычно сопровождающийся эмоционально-оценочными нотками [Арутюнова, Степанов, 1988: 122].

Картина мира – это динамичное, субъективное, когнитивное понимание и выражение окружающего нас мира, на которое влияет множество факторов, включая язык, эмоции и ценности, и которое развивается и меняется в зависимости от изменений в мышлении, пространстве и времени.

Ценность – это важность, значимость, польза, полезность чего-либо [Красных, 2001]. В области гуманитарных и социальных наук понятие «ценность» имеет разнообразные определения. В философии понятие «ценность» трактуется как отношение или атрибут, при котором объект удовлетворяет потребности субъекта. Оно раскрывает суть взаимодействия и влияния между субъектом и объектом, подчеркивая, что ценность является субъективной оценкой или суждением, сделанным субъектом об объекте. исходя из этого, особое место занимает теория ценности К. Маркса, которая подчеркивает ключевую роль труда в процессе создания ценности, тем самым дополнительно обогащая философское понятие ценности [Berlin, Kay, 1969].

Культурология рассматривает ценность как важную составляющую культуры, концентрированное выражение ценностей, эстетических стандартов и социальных норм людей в конкретном культурном контексте. Ценность в культурологической перспективе не только отражает когнитивные оценки людей, но и глубоко раскрывает влияние культуры на формирование индивидуального и социального поведения. В психологии изучение ценности больше сосредоточено на индивидуальных эмоциях, отношениях и поведенческих тенденциях. Ценность здесь рассматривается как ключевой элемент внутреннего мира индивида, направляющий его выбор, решения и поведение, являясь

ключом к пониманию психологических и поведенческих моделей индивида.

В лингвистике ценность выражается и передается посредством языковых знаков [Красных, 2001]. Оценочные прилагательные цвета, как один из видов языковых знаков, не только несут богатую цветовую информацию, но и глубоко воплощают в себе культурное содержание и ценностные суждения [Еременко, 2012]. Хотя гипотеза Сепира-Уорфа напрямую не определяет ценность, она подчеркивает тесную связь между языком, мышлением и культурой, предоставляя важную теоретическую основу для понимания ценностной картины мира, представленной оценочными прилагательными цвета [Алпатов, 2023]. В рамках этой теоретической модели оценочные прилагательные цвета являются не только составной частью языка, но и продуктом взаимопроникновения и взаимовлияния культуры и ценностей, совместно формируя богатое и разнообразное ценностное пространство мира.

Эмоциональные оценки и ценностные стереотипы определенной этнической группы составляют картину мира ценностей этого этноса. «Ценностная картина мира формируется когнитивным сознанием народа и представляет собой сумму упорядоченных знаний народа о ценностной значимости различных объектов и явлений внешней действительности, а также сумму стереотипных представлений о явлениях внешнего мира» [Постовалова, 1988].

В свою очередь, сформированная картина мира ценностей оказывает сдерживающее и квалифицирующее воздействие на поведение человека [Серебренников, 1988]. «В картине мира ценностей воплощается наиболее существенный смысл культуры, доминирующая идея ее ценностей, а сумма картин мира ценностей составляет определенный тип культуры, который сохраняется в языке» [Солодилова, 2018: 181].

Китайская и русская ценностная картина мира через призму оценочных прилагательных-цветообозначений

Язык – основа формирования картины мира, а идеи, формирующие ценностной картины мира, имплицитны в значении слов и могут входить в язык в явном или неявном виде [Лю Цзюань, 2022]. Цветовые прилагательные в определенных контекстах могут превращаться в прилагательные с оценочной семантикой [Ronga, Bazzanella, 2015: 25]. Говорящие на разных языках люди по-разному смотрят на мир. Восточные культуры, представленные Китаем, и западные культуры, представленные Россией, имеют разные мировоззрения и взгляды на мир в силу влияния языка, традиций, природы, ландшафта, образования и других факторов. И, соответственно, формируют разную картину мира

ценностей. Изображение полного семантического поля цветowych прилагательных в значительной степени выражает языковую картину мира, и, таким образом, картина мира ценностей Китая и России выводится, в частности, и из оценочной семантики цветowych прилагательных.

Терминокомпоненты *красный, белый и чёрный* относятся к основной цветовой триаде, символизирующей основные формы универсального человеческого опыта, связанного с отправлением жизненных функций [Тернер, 1983: 211]. Эти цвета ассоциируются с определенными жидкостями, выделениями человеческого тела: красный – с кровью, белый – с грудным молоком и семенем, а черный – с экскрементами и мочой [Будаева, 2011: 33].

Термин *красный* / 红 символизирует революцию как в китайском, так и в русском языках [Цао Минвэйб 2020], например, *Красная армия* (红军), *Красное знамя* / *Красный флаг* (红旗). Это объясняется влиянием одного и того же социалистического революционного фона в обеих странах. Кроме того, *красный* / 红 символизирует нормы, принципы на национальном уровне. К примеру, *красная черта* (红线). Это в основном связано с влиянием политической, экономической и культурной глобализации. Оценочная семантика *красный* / 红 дифференцировалась по мере развития обществ обеих стран. В китайском 红 (*красный*) преимущественно несет положительные коннотации, символизируя процветание, удачу и радость, как в выражении 红人 – *фаворит или человек, находящийся в центре внимания*. В русском же языке *красный* может иметь как положительное, так и отрицательное значение. К примеру, *красная рыба* (上等鱼) указывает на дорогую и деликатесную рыбу, *красный зверь* (珍贵野兽) – драгоценное и редкое дикое животное [Ожегов, 1989]. А *красный совок* (愚蠢的人) могут иметь негативный оттенок, указывая на то, что человек ведет себя очень глупо.

В русском языке *красный* противопоставляется *белому* [Горн, 2013: 75]. В революционный период *белый* приобрел негативную коннотацию, связанную с контрреволюцией и антикоммунизмом. Например, противостояние *Красной Армии* и *Белой Армии* в Гражданской войне 1918-1920 годов ярко иллюстрирует это. Несмотря на негативное значение в революционный период, в традиционной русской культуре *белый* цвет по-прежнему символизирует чистоту и святость, что тесно связано с православной культурой. В древнекитайской культуре *белый* / 白 часто ассоциировался с смертью и трауром, например, *Помощь членам семьи в организации похорон умерших близких*

называлась «*байши*» (白事). Длинные и тонкие ткани, используемые для самоубийства через повешение, называлась *白綾* (белые изделие из шелков и тканей), а в знак скорби по умершему носили белые цветы (白花) на груди. Кроме того, белый цвет также часто связывался с низким социальным статусом, потому что в древнем Китае обычные люди носили в основном недорогую одежду белого цвета, не требующую крашения, и поэтому белый цвет стал символом низкого статуса. Например, 白衣 и 白丁 (простолудин) стали синонимами простых людей и людей без чинов и званий, а *бедные дома простых людей* назывались 白屋 [MCD, 2016: 500]. Однако с приходом западной культуры в современной китайской культуре негативные коннотации белого цвета постепенно ушли в прошлое, и теперь он символизирует чистоту и благородство [Berlin, Kay, 1969]. Например, современные китайские свадьбы часто оформляются в белом цвете, и свадебное платье невесты тоже белое. Это изменение отражает силу культурного взаимодействия в формировании семантики цвета.

В русском и китайском языках чёрный и белый в семантике обычно родственны. Например, принимать белое за чёрное (顛倒黑白) [Апресян, 1997]. В русском языке чёрный в основном ассоциируется с ночью, темнотой, опасностью, могилой, смертью и агрессией [Бабайцев, 2007: 56, 62]. Таким образом, он производит сильное угнетающее и тормозящее действие, вызывая страх, печаль и депрессию [Андреева, 2006: 2]. Например, *чёрные мысли* (忧郁的思想). В древней китайской культуре чёрный цвет был символом севера, олицетворяя «воду», и не имел никаких негативных или отрицательных коннотаций. С развитием общества чёрный цвет приобрел больше оценочных значений, как положительных, так и отрицательных, например, 黑马 (Человек, неожиданно добившийся большого успеха), 黑社会 (чёрная банда), 黑心肠 (чёрная душа).

Заключение

В настоящем исследовании проведен сопоставительный анализ ценностных картин мира, заложенных в оценочных цветовых прилагательных в китайском и русском языках, на примере основополагающей цветовой триады «красный-белый-чёрный», предложенной российским ученым Д. Р. Будаевой. Изучая семантические нюансы и культурные коннотации этих цветовых терминов, данное исследование позволило глубоко проанализировать различные, но пересекающиеся системы ценностей этих двух культур.

Результаты исследования показывают, что цветовые прилагательные претерпевают семантическую трансформацию от первоначального значения, обозначающего физические

свойства, к оценочному значению и тем или иным образом, прямо или косвенно, фиксируют и отражают системы ценностей, эмоций и оценок. Кроме этого, следует учитывать, что некоторые значения цветowych прилагательных носят временной характер, отражая как ценности конкретной эпохи в данном социокультурном сообществе, так и ценности, являющиеся вечными для данной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. М. Гипотеза лингвистической относительности // Большая российская энциклопедия. 2023. Доступ: <https://bigenc.ru/c/gipoteza-lingvisticheskoi-otnositel-nosti-12fc5f>. (дата обращения: 28.11.2024).
2. Андреева И. В. Ценностная картина мира как лингвистическая и философская категория // Аналитика культурологии. 2006. № 6. С. 1-8.
3. Арутюнова Н. Д., Степанов Г. В. Типы языковых значений. Москва: Наука, 1988. 338 с.
4. Бабайцев А. В. Политический символизм цвета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 3 (21). С. 56-62.
5. Будаева Д. Р. Цветообозначения в политическом дискурсе // Лингвокультурология. 2011. № 5. С. 4-33.
6. Горн Е. А. Семантические особенности прилагательных-цветообозначений в сопоставительном аспекте // Филология. 2013. № 162. С. 72-80.
7. Еременко А. В. Языковая объективация ценностного компонента концепта Marriage в афоризмах американских и британских авторов (сравнительно-сопоставительный аспект): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Владивосток, 2012. 25 с.
8. Козлова Н. Н. Цветовая картина мира в языке // Филология, история, востоковедение. Ученые записки ЗабГГПУ. 2010. С. 82-88.
9. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. Москва: ИТДГК «Гиозис», 2001. 270 с.
10. Лю Цзоянь. О картине мира ценности языка // Преподавание русского языка в Китае. 2022. № 2. С. 10-17.
11. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 8-69.
12. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебренников. Москва: Наука, 1988. 216 с.
13. Солодилова И. А., Перевалов В. В. Ценностная картина мира как объект лингвистического изучения // Филология. 2018. № 6. С. 180-183.
14. Страгис Ю. П. Теория ценности К. Маркса и экономическая история // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 34. С. 138-147.
15. Тернер В. У. Символ и ритуал. Москва: Наука, 1983. 277 с.
16. Цао Минвэй. Концепт красный в картине мира русского языка // Исследования по русскому языку, литературе и культуре. 2020. № 4. С. 26-31.
17. Чжао Годун. Когнитивные лингвистические исследования в России // Исследования по русскому языку, литературе. 2020. № 2. С. 46-55.
18. Berlin B. & Kay P. W. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969. 178 p.
19. Ronga I. & Bazzanella C. The emergence of color categories Variance and invariance // The emergence of color categories: Variance and invariance. Proceedings of the EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science, Torino 25-27 September, 2015. P. 222-227.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / рук. авт. колл. Ю. Д. Апресян. Москва: Языки русской культуры, 1997. Вып. 1. 511 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1989. 750 с.
3. Modern Chinese Dictionary. 7th Edition. Chinese Edition. The Commercial Press, 2016. 1799 p. [MCD].

REFERENCES

1. Alpatov, V. M. (2023). Gipoteza lingvisticheskoy otnositelnosti [The hypothesis of linguistic relativity]. In *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Available at: <https://bigenc.ru/c/gipoteza-lingvisticheskoi-otnositel-nosti-12fc5f>. (accessed: 28.11.2024). (In Russ.)
2. Andreeva, I. V. (2006). Tsennostnaya kartina mira kak lingvisticheskaya i filosofskaya kategoriya [The value-based worldview as a linguistic and philosophical category]. In *Analitika kulturologii*. No 6. Pp. 1-8. (In Russ.).
3. Arutyunova, N. D., Stepanov, G. V. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy* [Types of linguistic meanings]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Babaytsev, A. V. (2007). Politicheskii simvolizm tsveta [Political symbolism of color]. In *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Iss. 3 (21). Pp. 56-62. (In Russ.).
5. Budaeva, D. R. (2011). Tsvetooboznacheniya v politicheskom diskurse [Color designations in political discourse]. In *Lingvokulturologiya*. No 5. Pp. 4-33. (In Russ.).
6. Gorn, E. A. (2013). Semanticheskie osobennosti prilagatelnykh-tsvetooboznacheniy v sopostavitel'nom aspekte [Semantic features of color-designating adjectives in a comparative aspect]. In *Filologiya*. No 162. Pp. 72-80. (In Russ.).
7. Eremenko, A. V. (2012). *Yazykovaya obektivatsiya tsennostnogo komponenta kontsepta Marriage v aforizmax amerikanskikh i britanskikh avtorov (sravnitel'no-sopostavitel'nyy aspekt)* [Linguistic objectification of the value component of the concept Marriage in aphorisms by American and British authors (a comparative aspect)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Vladivostok. (In Russ.).
8. Kozlova, N. N. (2010). Tsvetovaya kartina mira v yazyke [The color worldview in language]. In *Filologiya, istoriya, vostokovedenie. Uchenye zapiski ZaBGGPU*. Pp. 82-88. (In Russ.).
9. Krasnykh, V. V. (2001). *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of psycholinguistics and communication theory]. Moskva: ITDGK «GioziS». (In Russ.).
10. Liu, Zuoyan. (2022). O kartine mira tsennosti yazyka [On the value-based worldview of language]. In *Prepodavanie russkogo yazyka v Kitae*. No 2. Pp. 10-17. (In Russ.).
11. Postovalova, V. I. (1988). Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka [Worldview in human's life]. In *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira*. Moskva: Nauka, Pp. 8-69. (In Russ.).
12. *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and worldview] / otv. red. B. A. Serebrennikov. Moskva: Nauka, 1988. (In Russ.).
13. Solodilova, I. A., Perevalov, V. V. (2018). Tsennostnaya kartina mira kak obekt lingvisticheskogo izucheniya [The value-based worldview as an object of linguistic study]. In *Filologiya*. No 6. Pp. 180-183. (In Russ.).
14. Stragis, Yu. P. (2005). Teoriya tsennosti K. Marksa i ekonomicheskaya istoriya [Marx's theory of value and economic history]. In *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 34. Pp. 138-147. (In Russ.).

15. Turner, V. W. (1983). *Simvol i ritual* [Symbol and ritual]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
16. Cao, Mingwei. (2020). Kontsept krasnyy v kartine mira russkogo yazyka [The concept of red in the Russian language worldview]. In *Issledovaniya po russkomu yazyku, literature i kulture*. No 4. Pp. 26-31. (In Russ.).
17. Zhao, Godun. (2020). Kognitivnye lingvisticheskie issledovaniya v Rossii [Cognitive linguistic studies in Russia]. In *Issledovaniya po russkomu yazyku, literature*. No 2. Pp. 46-55. (In Russ.).
18. Berlin, B. & Kay, P. W. (1969). *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley: University of California Press.
19. Ronga, I. & Bazzanella, C. (2015). The emergence of color categories Variance and invariance. In *The emergence of color categories: Variance and invariance. Proceedings of the EuroAsianPacific Joint Conference on Cognitive Science, Torino 25-27 September*. Pp. 222-227.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. Ruk. avt. koll. Yu. D. Apresyan. Moskva: Yazyki russkoy kultury, 1997. Vyp. 1. (In Russ.).
2. Ozhegov, S. I. (1989). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva: Sovetskaya ehntsiklopediya. (In Russ.).
3. *Modern Chinese Dictionary*. 7th Edition. Chinese Edition. The Commercial Press, 2016.

Ма Цзиньюй – аспирант кафедры романо-германской филологии (e-mail: ma.tczi@dvfu.ru), Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет»
690922, Приморский край, Владивосток,
Университетский пр-т, 6.2

Ma Jingyu – Postgraduate Student of Romano-Germanic Philology Department
(e-mail: ma.tczi@dvfu.ru),
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Far Eastern Federal University».
6.2, Universitetskiy prospect, Vladivostok,
Primorskiy Kray, 690922

Поступила в редакцию 29 декабря 2024 г.

УДК 811.112.2.111.161.1'373.7-115

© 2025 Ю. Н. Ус, В. В. Заякина

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ДЕРЕВЬЯ» В НЕМЕЦКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ*

Данная статья посвящена описанию фразеологических и паремиологических единиц, включающих компонент «деревья». Основное внимание акцентируется на сопоставительном анализе фразеологических и паремиологических единиц, выявляются общие и специфические черты оценочного компонента в семантической структуре данных устойчивых выражений в немецком, английском и русском языках.

Ключевые слова: дерево, фразеологическая единица, паремиологическая единица, сопоставительный анализ, семантика, оценочный компонент.

© 2025 Yu. N. Us, V. V. Zaiakina

EVALUATIVE SEMANTICS OF PHRASEOLOGICAL AND PAREMIOLOGICAL UNITS WITH THE COMPONENT «TREES» IN GERMAN, ENGLISH AND RUSSIAN

This article concerns itself with the description of phraseological and paremiological units that include the component «trees». The main attention is focused on the comparative analysis of phraseological and paremiological units, the general and specific features of the evaluative component in the semantic structure of these fixed expressions in German, English and Russian are revealed.

Key words: tree, phraseological unit, paremiological unit, comparative analysis, semantic, evaluation component.

1. Введение

Фразеологический корпус любого языка представляет исключительно богатый материал для изучения аксиологических закономерностей и анализа, зафиксированных в языке стратегий оценивания, поскольку фразеологизм сам по себе уже содержит «большой объем дополнительной информации о характере поступков, поведении человека» [Артемова, 1991: 12].

Отражая в языковой форме результаты познавательной деятельности человека, оценка основывается на совокупности общественного опыта языкового коллектива и признанной в нем нормы [Волобуева, 2010: 38].

Фразеологические и паремиологические единицы (далее ФЕ и ПЕ) отражают

* Исследование проводилось по теме государственного задания «Декодирование и интерпретация аксиологической семантики в славянских, германских, романских и кавказских лингвокультурах» (номер госрегистрации 124012400351-9).

уникальные особенности мировоззрения и культурной идентичности носителей языка. Их исследование способствует выявлению как универсальных закономерностей языкового мышления, так и национально-специфических черт [Кудрявцева, 2017: 76].

Сходства и различия языков и культур можно выявить только путем сопоставительного анализа, так как восприятие и оценка действительности людьми, принадлежащих к разным лингвокультурам могут иметь как сходства, так и обнаруживать различия [Яхина, 2008]. По словам Ю. С. Степанова, «сравнительное описание норм двух языков вскрывает существующие в каждом языке словарные пробелы, «белые пятна» на семантической картине языка» [Степанов, 1965: 110].

Актуальность данной работы обусловлена обращением авторов к изучению оценочной семантики фразеологизмов в сопоставительном аспекте, что дает возможность для соотнесения фрагментов фразеологических картин мира различных народов. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных ФЕ [Белая, 2017; Кашаева, 2016; Москвичева, 2008; Писарская, 2017; Шустова, 2003; Яхина, 2008; Schemann, 2011], данный аспект остается недостаточно изученным, особенно в отношении фразеологизмов с компонентом «*деревья*».

Объектом исследования является группа ФЕ и ПЕ с компонентом «*деревья*» в немецком, английском и русском языках, а **предметом** выступают особенности семантики ФЕ и ПЕ с данным компонентом в сопоставительном аспекте, а также общие и различительные признаки проявления оценки.

Цель исследования – сопоставительное изучение специфики оценочной семантики ФЕ и ПЕ с компонентом «*деревья*» в немецком, английском и русском языках.

Эмпирическим материалом послужили 20 ФЕ и ПЕ с компонентом «*деревья*» в немецком языке, отобранных из «Немецко-русского фразеологического словаря» Л. Э. Биновича, «Большого немецко-русского словаря», немецкого словаря «Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik», 25 ФЕ и ПЕ с данным компонентом в английском языке, полученных из Longman Dictionary of Contemporary English, Oxford Student's Dictionary of Current English и 27 ФЕ и ПЕ с названным компонентом в русском языке, извлеченных из «Нового словаря русского языка» Т. Ф. Ефремовой, «Толковых словарей русского языка» В. И. Даля, С. И. Ожегова.

2. Основная часть

В данной статье термин «*дерево*» трактуется как многолетнее растение с твердым стволом и отходящими от него ветвями, формирующими крону [Телия, 1996: 22].

Деревья олицетворяют не только природные явления, но и являются метафорами,

отражающими характер, ценности и особенности мировоззрения [Басыров, 2019: 72].

Исследуя оценивающий потенциал деревьев в структуре ФЕ и ПЕ, следует выделить следующие обуславливающие его факторы. Оценочный компонент может быть вызван различными свойствами растения: внешний вид, прочность, запах, съедобность или несъедобность плодов и др. [Басыров, Яненко, 2014].

2.1. ФЕ и ПЕ с компонентом «деревья» в немецком языке

В немецком языке деревья нашли свое отражение в ряде фразеологизмов, которые стали не только средством передачи языкового наследия, но и «окном в культурные особенности немецкого общества». Немецкие крестьяне придавали большое значение лесным угодыям, ведь именно в лесу они добывали корм для животных, древесину для топлива и строительства, олицетворяли надежность и прочность деревьев со своим благосостоянием и даже внешностью, выражали свое эмоциональное состояние. Поэтому лексема *der Baum* ‘дерево’, а также названия конкретных видов деревьев зафиксированы во многих ФЕ немецкого языка (см. табл. 1).

Таблица 1. ФЕ и ПЕ с компонентом «деревья» в немецком языке

№ п/п	Лексема	Количество единиц
1.	<i>der Baum</i> ‘дерево’	9
2.	<i>die Palme / Pinie</i> ‘пальма / сосна’	6
3.	<i>die Eiche</i> ‘дуб’	2
4.	<i>die Akazie</i> ‘акация’	2
5.	<i>die Tanne</i> ‘ель’	1
	Всего:	20

Как видно из таблицы 1, наиболее значимыми для формирования немецкоязычного фразеологического фонда являются ФЕ и ПЕ с компонентом *der Baum* ‘дерево’ (9 ед.). Семантический анализ показывает, что многие фразеологизмы с компонентом «дерево» связаны с описанием человеческого характера, физических качеств или поведения, которые часто сравниваются с деревом [Кашаева, 2016: 1085].

Фразеологизмы, пословицы и поговорки, имеющие в составе компонент *der Baum*, описывают характер человека, дают оценку его силы (*dem nicht einmal ein Baum stand hält* (досл. ‘перед ним и дерево не устоит’; ‘он может горы свернуть’)), предел его возможностей (*dafür sorgen, dass die Bäume nicht in den Himmel wachsen* ‘(по)заботиться о том, чтобы что-л. не переходило разумного предела’).

Пословицы *einen alten Baum versetzt man nicht* ‘нельзя переместить старое дерево’ и *alte Bäume sind böse biegen* ‘старое дерево с трудом гнется’ подчеркивают сложность изменения у человека устоявшихся привычек или обстановки в зрелом возрасте

[Fleischer, 1982: 121], что может расцениваться негативно.

Пословица *wie der Baum, so die Frucht* ‘каково дерево, таков и плод’ выражает идею наследственности и зависимости качеств потомства от родителей [Бинович, 1995: 96].

Лексема *die Palme* ‘пальма’ (6 ед.) является олицетворением лидерства, раздражения и может выражать в ФЕ и ПЕ как положительную (*Die Palme des Sieges* высок. ‘Пальма первенства’), так и отрицательную оценку (*Auf die Palme bringen* [Duden] разг. фам. ‘Привести кого-либо в бешенство, вывести из себя’), иногда и нейтральную (*Nach der Palme kann ein jeder ringen* букв. ‘За пальму (первенства) может бороться каждый’). Ствол пальмы не имеет боковых ответвлений и забраться на самую верхушку крайне сложно. Эмоциональное состояние человека сравнивается с невероятной трудностью залезть на самый верх дерева (*auf die Palme kommen* разг. фам. разозлен до такой степени, что готов взобраться на пальму).

Лексема *die Eiche* ‘дуб’ (2 ед.) в составе ФЕ является олицетворением силы и мощи (*von einem Streiche fällt keine Eiche* ‘от одного удара топором ни один дуб не свалится’).

Отрицательная оценка содержится в семантике некоторых немецких ФЕ с компонентом «деревья». Так, из лексикографических источников были отобраны фразеологизмы с компонентом *die Akazie* ‘акация’ (2 ФЕ), которые обозначают высокую степень досады, разочарования человека (*Es ist, um auf die Akazien zu klettern* [Schemann, 2011: 435] разг. ‘С ума сойти, лопнуть можно с досады’).

В немецком языке обнаружены ФЕ, в которых стержневой субстантивный компонент не находит соответствия в русском и английском языках (*Auf die Pinie bringen* [Duden] ‘досл. загнать на пинию (пиния – род итальянской сосны), т. е. разозлить кого-л.’).

О высоком и стройном человеке говорят *schlank wie eine* [Duden] *Tanne* ‘стройный как ель’. В значении данного компаративного фразеологизма содержится положительная оценочная коннотация.

2.2. ФЕ и ПЕ с компонентом «деревья» в английском языке

Фразеологизмы и поговорки с компонентом «деревья» занимают значительное место в английской языковой картине мира, отражая богатую культурно-историческую традицию, символизм и фольклор (см. табл. 2).

Таблица 2. ФЕ и ПЕ с компонентом «деревья» в английском языке

№ п/п	Лексема	Количество единиц
1.	<i>tree</i> ‘дерево’	10
2.	<i>oak</i> ‘дуб’	6
3.	<i>ash</i> ‘ясень’	3
4.	<i>rowan</i> ‘рябина’	3
5.	<i>elm</i> ‘вяз’	2
6.	<i>apple tree</i> ‘яблоня’	1
Всего:		25

Английские ФЕ и ПЕ с компонентом *tree* 'дерево' выражают преимущественно положительную оценку, описывая поступки человека (*shake the pagoda tree* 'быстро разбогатеть', его благосостояние, процветание (*flourish like a bay tree* 'процветать, успешно развиваться', *the top of the tree* 'ведущее положение в какой-либо профессии').

Одним из наиболее распространенных видов деревьев, встречаемых в английских фразеологизмах и поговорках, является *oak* 'дуб' (6 ед.). Символическое значение дуба связано с его физическими свойствами, культурными ассоциациями и историческими событиями. Устойчивые выражения *great (tall) oaks from little acorns grow* 'большое вырастает из малого' и *sport one's oak* 'запереть наружную дверь' свидетельствуют о прочности и устойчивости этого дерева [Писарская, 2017: 90].

Дуб занимает важное место в английском фольклоре. Легендарный Major Oak в Шервудском лесу, по преданию, был местом встречи войска Робин Гуда; Parliament Oak в Ноттингемшире связывают с созывом парламента. Кроме того, дубы *oaks of Gog and Magog* в Сомерсете ассоциируются с древними мифологическими гигантами [Поломошнов, 2016: 97].

Фразеологизм *a heart of oak* 'храбрый, мужественный, отважный человек' отражает не только силу, стойкость человека, но и символизирует победу.

Ash 'ясень' (3 ед.) в английской культуре занимает особое место, символизируя мировое древо. Его упоминания в языке часто отражают природные циклы и погодные условия, что делает его важным элементом народной традиции [Шумбасова, 2011: 88].

Фразеологизмы и поговорки *but ash new or ash old is fit for a queen with a crown of gold* 'но ясень, молодой или старый, сгодится для королевы с золотой короной' и *if the oak's before the ash, then you'll only get a splash; if the ash precedes the oak, then you may expect a soak* 'если дуб перед ясенем, то будет всего лишь дождик; если ясень раньше дуба, то можно ждать ливня' иллюстрируют, как ясень становится частью культурного кода, связанного с сельской жизнью и природными наблюдениями. В мифологических традициях ясень ассоциируется с устойчивостью и цикличностью жизни, а также с древним пониманием мира как единого целого [LDOCE].

Фразеологизм *ash, mature or green, makes a fire for a queen* 'ясень, старый или зеленый, может стать топливом для королевы' имеет фольклорные корни и связан с практическими свойствами дерева [OSDCE]. Этот образ отражает универсальность и ценность ясеня как материала для обогрева. В отличие от других пород древесины, ясень славится тем, что горит даже в сыром или свежесрубленном состоянии, что делает его

крайне удобным для использования в быту. ФЕ подчеркивает важность и надежность ясеня в повседневной жизни, а упоминание королевы усиливает эффект, акцентируя на том, что такое дерево достойно служить даже представителю королевской власти.

Elm ‘вяз’ (2 ед.) в английской культуре ассоциируется с мрачными и зловещими символами. В кельтской мифологии это дерево связано с преисподней и смертью, что отразилось в использовании вяза для изготовления гробов. Такое отношение подтверждается паремиями *elm hateth man, and waiteth* (‘вяз ненавидит человека и ждет’) и *every elm has its man* ‘на каждого найдется свой вяз’ [OSDCE].

Rowan ‘рябина’ (3 ед.), напротив, известна как дерево-оберег. Согласно британскому фольклору, рябина защищает от колдовства и злых сил, а ее кора и ягоды использовались в качестве амулетов. Это отражено в таких пословицах и поговорках, как *if your whipstick's made of rowan, you may ride your nag through any town* ‘если твой кнут сделан из рябины, ты сможешь проехать на своей лошади по любому городу’ и *woe to the lad without a rowan-tree gall* ‘горе тому, у кого нет ягоды рябины’ [OSDCE].

Компонент *apple tree* ‘яблоня’ в пословице *the apple never falls far from the tree* ‘яблоко от яблони недалеко падает’ служит для определения сходства между родителями и их детьми, указывая на наследуемые черты характера и/или привычки. Данная ПЕ используется для описания ситуации, когда поведение или качества ребенка напоминают родителей и могут, в зависимости от контекста, оцениваться как положительно, так и отрицательно [LDOCE].

2.3. ФЕ и ПЕ с компонентом «деревья» в русском языке

Частотность упоминания деревьев в русских ФЕ и ПЕ соотносится с особенностями флоры России. В данном языке зафиксированы как ФЕ/ПЕ с лексемой *дерево*, так и с лексемами, обозначающие отдельные части деревьев, а также названия конкретных сортов (см. табл. 3).

Таблица 3. ФЕ и ПЕ с компонентом дерева в русском языке

№ п/п	Лексема	Количество единиц
1.	<i>осина</i>	5
2.	<i>береза</i>	4
3.	<i>сосна, ель</i>	4
4.	<i>дуб</i>	3
5.	<i>дерево</i>	3
6.	<i>лавр</i>	3
7.	<i>лист</i>	2
8.	<i>липа</i>	1
9.	<i>пальма</i>	1
10.	<i>каштан</i>	1
Всего:		27

Наиболее часто в русских фразеологизмах и поговорках встречается лексема *осина* (5 ед.), что объясняется её широким распространением на территории России. Образ осины ассоциируется с представлением о трусости (*дрожать как осиновый лист* ‘сильно замерзнуть; трястись от страха’ [Ефремова, 2000: 112]).

Кроме того, осина в русском языке связана с представлением о гибели. Так, фразеологизм *вбивать (вбить) осиновый кол* (‘окончательно избавляться от кого-либо или чего-либо, уничтожать, истреблять’), имеет корни в древнеславянских верованиях. Согласно традиции, осиновый кол вбивали в могилу колдунов, чтобы они не смогли вернуться из царства мёртвых. Таким образом, ФЕ с компонентом *осина* несут отрицательную оценку.

Семантический анализ показывает, что некоторые ФЕ и ПЕ с компонентом *дерево* (3 ед.) описывают черты характера, внешние или физические данные человека через метафорическое сравнение *дерево держится корнями, а человек – друзьями*. Данная поговорка подчёркивает важность опоры и поддержки как для природы, так и для человека.

Пословица *Каково дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын* иллюстрирует идею преемственности качеств и свойств между родителями и их детьми [Даль, 2003: 215].

Поговорка *гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается* отражает важность своевременного воспитания и обучения детей.

В современных фразеологических словарях зафиксированы устойчивые выражения, включающие лексему *береза* (4 ед.), которая выражает сильное чувство и бесконечную преданность, например: *любить до самой березки*, т.е. любить до смерти. В то же время образ березки ассоциируется с глупостью человека: *пень берёзовый* [Ожегов, 2006: 342].

Для ФЕ и ПЕ с компонентом *дуб* характерна как положительная, так и отрицательная оценочная коннотация. В структуре русских ФЕ и ПЕ встречается лексема *дуб* (3 ед.), данное дерево почитается у славянских народов. Оно является символом мужественности: *крепкий, как дуб* (о здоровом, сильном человеке).

Однако дуб также используется для выражения глупости: *дубина стоеросовая* [Молотков, 1987: 211]. С русским обрядом захоронения под дубом связано выражение *дать дуба* ‘умереть’ [Степанова, 2016: 224].

В русской фразеологии содержатся ФЕ и ПЕ с наименованиями деревьев *сосна, ель* (4 ед.):

Так, выражение *заблудиться в трёх соснах* ‘Не ориентироваться, не разбираться в простом’ восходит к старинному народному анекдоту о пошехонцах, отправившихся

путешествовать, но заблудившихся, едва дойдя до трех сосен.

Следующее устойчивое выражение *с бору да с сосенки; с бору по сосенке набирать (набрать)* ‘случайно, отовсюду понемногу’ указывает на сбор разрозненных элементов из различных источников, без особой системы или плана.

Согласно фразеологическому словарю современного русского языка Ю. А. Ларионовой, *ель* имеет отрицательную оценку (*голова еловая* ‘глупый, бестолковый человек’ [Ларионова, 2014: 113]).

Фразеологизм *ёлки-палки (ёлки зелёные)* используется в русском языке как эмоциональное выражение, передающее недоумение, удивление, раздражение или восхищение, характер оценки (положительный или отрицательный) зависит от контекста.

Важную роль в жизни русского человека играет *липа*. Значение фразеологизма *обдирать как липку* ‘отбирать всё дочи́ста, грабить кого-либо’ описано во фразеологическом словаре современного русского языка Ю. А. Ларионовой следующим образом: «Происхождение этого выражения связано с растительным миром России. Под верхним слоем коры у липы находится так называемое лыко, которое крестьяне обдирали и использовали для изготовления лукошек, лаптей, мочалок для бани. Для этого использовались в основном молодые липы, которые потом оставались посреди леса» [Ларионова, 2014: 326].

Лексема *лист* (2 ед.) употребляется для передачи нечестных намерений, назойливости человека и встречается в составе следующих ФЕ: *фиговый листок* ‘лицемерная маскировка подлинных намерений, обычно предосудительных’; как *(будто, словно, точно) банный лист* ‘надоедливо’.

Символом победы является *лавр* (3 ед.). *Пожинать (пожать) лавры чьи, кого* ‘пользоваться результатами признанных достижений’ значит бороться за лавровый венок, побеждать и пользоваться всеми преимуществами, которые он приносит.

Лексема *пальма* выражает полнейшее превосходство, лидирующую позицию относительно других (*пальма первенства; отбивать (отбить), отдавать (отдать) пальму первенства* ‘явное превосходство, преимущество в чем-либо’ [Жуков, 1986: 102]), а компонент *каштан* указывает на безвозмездно выполненную трудную работу.

3. Выводы

Большинство ФЕ и ПЕ с компонентом «*деревья*» выполняют в сопоставляемых языках не столько номинативную, сколько оценочную функцию, природа которой заключается в отрицательной или положительной квалификации той или иной манеры поведения человека, его образа жизни или результата деятельности. ФЕ и ПЕ

с компонентом «деревья» формируются на базе общеупотребительной лексики, которая и привносит семантику оценочности.

При этом ФЕ / ПЕ с компонентом *дерево* в разных лингвокультурах передают универсальные идеи наследственности и человеческой природы (нем. *wie der Baum, so die Frucht* 'каково дерево, таков и плод', русск. *как дерево, таков и клин, каков батька, таков и сын*), процветания (англ. *flourish like a bay tree* 'процветать, успешно развиваться').

В структуре устойчивых выражений немецкого, английского и русского языков часто встречаются лексемы *дерево* / *der Baum* / *tree* и *дуб* / *die Eiche* / *oak*, обладающие как позитивной, так и негативной оценочной коннотацией. При этом аксиологическая семантика данных лексем обнаруживает как черты сходства, так и различия.

В немецкой фразеологии и паремиологии *дуб* является олицетворением силы и мощи (*von einem Streiche fällt keine Eiche* 'от одного удара топором ни один дуб не свалится'), в русской – используется для характеристики глупого человека (*дуб дубом, с дуба рухнуть*), а в английской фразеологии является символом прочности и устойчивости (*great oaks from little acorns grow* 'большое вырастает из малого'), а также мужества и отваги (*a heart of oak* 'храбрый, мужественный человек').

Только в структуре немецких ФЕ и ПЕ отмечены компоненты *die Pinie* 'пиния' и *die Akazie* 'акация', связанные с раздражением и разочарованием человека; лишь в составе английских ФЕ и ПЕ встречается наименование дерева *rowan* 'рябина', которая ассоциируется с защитой от зла, *elm* 'вяз', символизирующий смерть, зловещие силы; только в русском фразеологическом фонде отмечены наименования деревьев *осина*, символизирующая трусость и *липа*, связанная с обманом.

Для менталитета русского народа свойственно использование определенного вида дерева для характеристики отрицательных качеств человека, в частности: глупости (*балда осиновая, пень берёзовый*), трусости (*дрожать, как осиновый лист*).

Перспективным представляется исследование ФЕ и ПЕ с другими растительными компонентами на материале разноструктурных языков для выявления особенностей их аксиологической семантики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артемова А. Ф. Коннотативный аспект семантики фразеологических единиц // Актуальные проблемы современной семасиологии. Ленинград: РГПУ, 1991. С. 12-21.
2. Басиров Ш. Р., Яненко І. В. Структура і семантика флоронімів у різноструктурних мовах. Донецьк: Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2014. 323 с. (Типологічні, зіставні, діахронічні дослідження; Т. 11).

3. Басыров Ш. Р. Флористические метафоры и метонимии // Метафоры и метонимии в разноструктурных языках. Донецк: ДонНУ, 2019. С. 59-75.
4. Белая Е. Н. Национально-культурная специфика английских, французских и русских фразеологических единиц с компонентом «дерево» и названий деревьев // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2017. № 4 (30). С. 34-41.
5. Волобуева О. Н. Оценочный компонент в семантической структуре фразеологизмов интеллектуальной сферы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 11 (192). Филология. Искусствоведение. Вып. 42. С. 38-41.
6. Жуков В. П. Русская фразеология. Москва: Высшая школа, 1986. 310 с.
7. Кашаева О. И. Некоторые аспекты изучения и употребления фразеологизмов в немецком и русском языках // Молодой ученый. 2016. № 3 (107). С. 1083-1086.
8. Кудрявцева Н. Б. Национально-культурный компонент семантики номинаций-фитонимов // Диалоги без границ: язык, культура, карьера. Белгород, 2017. С. 75-78.
9. Москвичева Е. А. Специфика проявления оценки во фразеологических единицах // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. II. С. 109-112.
10. Писарская Т. Р., Якименко Н. Е. Паремии с компонентом-фитонимом как объект лингвокультурологического описания // Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГЭУ, 2017. С. 88-92.
11. Поломошнов Л. А. Фразеологические единицы с фитонимическим компонентом английского языка // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2016. № 2. С. 94-101.
12. Степанов Ю. С. Французская стилистика. Москва, 1965. 120 с.
13. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
14. Шумбасова С. С. Грамматическое структурирование фразеологизмов современного английского языка с компонентом-фитонимом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». Москва: Изд-во МГОУ. 2011. № 1. С. 85-92.
15. Шустова С. В., Бессонова Е. М., Назаренко Е. Н. Фразеологизмы с компонентом фитонимом в немецком и русском языках // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 32-42.
16. Яхина А. М. Оценочность как компонент значения фразеологических единиц в русском, английском и татарском языках: на материале глагольных ФЕ, обозначающих поведение человека: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 226 с.
17. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: Bibliographisches Institut Leipzig, 1982. 250 S.
18. Schemann H. Deutsche Idiomatik: Die deutschen Redewendungen im Kontext. Berlin: Boston: De Gruyter. 2011. 1037 S.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бинович Л. Э. Немецко-русский фразеологический словарь. Москва: Аквариум, 1995. 773 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 2003. 688 с.
3. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. Т. 2. 1209 с.
4. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. Москва: Аделант, 2014. 512 с.
5. Молотков А. И. Фразеологический словарь русского языка. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 543 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: ООО «ИТИ Технологии», 2006. 944 с.

7. Степанова М. И. Фразеологический словарь русского языка. Санкт-Петербург: Виктория Плюс, 2016. 608 с.

8. Duden. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Stuttgart, 2002. 1037 S. [Duden].

9. Hornby A. S. Oxford Student's Dictionary of Current English. 1984. 770 p. [OSDCE].

10. Longman Dictionary of Contemporary English. 1992. 1668 p. [LDOCE].

REFERENCES

1. Artemova, A. F. (1991). Konnotativnyy aspekt semantiki frazeologicheskikh edinit [The connotative aspect of the semantics of phraseological units]. In *Aktualnye problemy sovremennoy semasiologii*. Leningrad: RGPU. Pp.12-21. (In Russ.).

2. Basirov, Sh. R., Yanenko, I. V. (2014). Struktura i semantika floronimiv u ruznostrukturykh movakh [Structure and semantics of floronyms in multistructural languages]. Donetsk: Vid-vo «Noulidzh» (donetske viddilennya). (Typologichni, zistavni, diakhronichni doslidzhennya; T. 11). (In Ukr.).

3. Basyrov, Sh. R. (2019). Floristicheskie metafory i metonimii [Floral metaphors and metonymies]. In *Metafory i metonimii v raznostrukturykh yazykakh*. Donetsk: DonNU. Pp. 59-75. (In Russ.).

4. Belaya, E. N. (2017). Natsionalno-kulturnaya spetsifika angliyskikh, frantsuzskikh i russkikh frazeologicheskikh edinit s komponentom «derevo» i nazvaniy derevev [National and cultural specifics of English, French, and Russian phraseological units with the «tree» component and tree names]. In *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*. No 4 (30). Pp. 34-41. (In Russ.).

5. Volobueva, O. N. (2010). Otsenochnyy komponent v semanticheskoy strukture frazeologizmov intellektualnoy sfery [The evaluative component in the semantic structure of phraseological units of the intellectual sphere]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 11 (192). Filologiya. Iskusstvovedenie. Iss. 42. Pp. 38-41. (In Russ.).

6. Zhukov, V. P. (1986). *Russkaya frazeologiya* [Russian phraseology]. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).

7. Kashaeva, O. I. (2016). Nekotorye aspekty izucheniya i upotrebleniya frazeologizmov v nemetskom i russkom yazykakh [Some aspects of the study and use of phraseological units in German and Russian]. In *Molodoy uchenyy*. No 3 (107). Pp. 1083-1086. (In Russ.).

8. Kudryavtseva, N. B. (2017). Natsionalno-kulturnyy komponent semantiki nominatsiy-fitonimov [The national-cultural component of the semantics of phytonymous nominations]. In *Dialogi bez granits: yazyk, kultura, karera*. Belgorod. Pp. 75-78. (In Russ.).

9. Moskvicheva, E. A. (2008). Spetsifika proyavleniya otsenki vo frazeologicheskikh edinitakh [The specifics of the expression of evaluation in phraseological units]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. Tambov: Gramota. No 2 (9): v 3-kh ch. Ch. II. Pp. 109-112. (In Russ.).

10. Pisarskaya, T. R., Yakimenko, N. E. (2017). Paremii s komponentom-fitonimom kak obekt lingvokulturologicheskogo opisaniya [Paremas with a phytonym component as an object of linguistic and cultural description]. In *Novoe v lingvistike i metodike prepodavaniya inostrannykh i russkogo yazykov*. Sankt-Peterburg: Izd-vo SPbGEU. Pp. 88-92. (In Russ.).

11. Polomoshnov, L. A. (2016). Frazeologicheskie edinity s fitonimicheskimi komponentami angliyskogo yazyka [Phraseological units with a phytonymic component of the English language]. In *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. No 2. Pp. 94-101. (In Russ.).

12. Stepanov, Yu. S. (1965). *Frantsuzskaya stilistika* [French style]. Moskva. (In Russ.).

13. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).

14. Shumbasova, S. S. (2011). Grammaticheskoe strukturirovaniye frazeologizmov sovremennoy angliyskoy yazyka s komponentom-fitonimom [Grammatical structuring of

phraseological units of modern English with a phytonym component]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*. Moskva: Izd-vo MGOU. No 1. Pp. 85-92. (In Russ.).

15. Shustova, S. V., Bessonova, E. M., Nazarenko, E. N. (2023). Frazеологизмы s komponentom fitonimom v nemetskom i russkom yazykakh [Grammatical structuring of phraseological units of modern English with a phytonym component]. In *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. No 9. Pp. 32-42. (In Russ.).

16. Yakhina, A. M. (2008). *Otsenochnost kak komponent znacheniya frazeologicheskikh edinit v russkom, angliyskom i tatarskom yazykakh: na materiale glagolnykh FE, oboznachayushchikh povedenie cheloveka* [Evaluative value as a component of the meaning of phraseological units in Russian, English and Tatar: based on the material of verbal phrases denoting human behavior]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. (In Russ.).

17. Fleischer, W. (1982). *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig: Bibliographisches Institut Leipzig.

18. Schemann, H. (2011). *Deutsche Idiomatik: Die deutschen Redewendungen im Kontext*. Berlin: Boston: De Gruyter.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Binovich, L. Ye. (1995). *Nemetsko-russkiy frazeologicheskii slovar* [German-Russian phraseological dictionary]. Moskva: Akvarium. (In Russ.).

2. Dal, V. I. (2003). *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Moskva. (In Russ.).

3. Efremova, T. F. (2000). *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-forming]. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

4. Larionova, Yu. A. (2014). *Frazeologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of modern Russian language]. Moskva: Adelant. (In Russ.).

5. Molotkov, A. I. (1987). *Frazeologicheskii slovar russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).

6. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moskva: ООО «ITI Tekhnologii». (In Russ.).

7. Stepanova, M. I. (2016). *Frazeologicheskii slovar russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Sankt-Peterburg: Viktoriya Pljus. (In Russ.).

8. Duden. *Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik*. Stuttgart, 2002.

9. Hornby, A. S. (1984). *Oxford Student's Dictionary of Current English*.

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. 1992.

Ус Юлия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской филологии (e-mail: iuliia.us@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Us Yuliia N. – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Germanic Philology (e-mail: iuliia.us@mail.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Заякина Валерия Владиславовна – студент магистратуры кафедры германской филологии (e-mail: valeriya.zayakina@mail.ru) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Zayakina Valeriya V. – Master's Degree Student of the Department of Germanic Philology (e-mail: valeriya.zayakina@mail.ru) Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24, Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 27 января 2025 г.

ПЕРЕВОД

УДК 811.112.2

© 2025 О. А. Аленикова, Г. А. Лебеденко

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО-НЕМЕЦКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА)

Статья посвящена анализу переводческих трансформаций и выбранных переводчиками средств гендерного выражения для номинации лиц женского пола в текстах различных жанров на материале немецкого и русского языков. Авторами делается вывод о влиянии стилистических особенностей и контекста на выбор стратегий гендерной номинации и их несоответствие официальной языковой политике.

Ключевые слова: гендер, антропонимации, феминитивы, грамматический род, гендерно-нейтральная лексика, гендерно-маркированная лексика, переводческие трансформации.

© 2025 O. A. Alenikova, G. A. Lebedenko

SPECIFIC TRANSLATION OF GENDER-MARKED VOCABULARY (BASED ON THE RUSSIAN-GERMAN PARALLEL CORPUS)

The article focuses on the analysis of translation transformations and the means of gender expression chosen by translators for the nomination of female persons in texts of various genres based on the material of the German and Russian languages. The authors conclude that stylistic features and context have their influence on the choice of gender nomination strategies and their inconsistency with the official language policy.

Key words: gender, anthroponominations, feminitives, grammatical category of gender, gender-neutral vocabulary, gender-marked vocabulary, translation transformations.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью более глубокого изучения принципов гендерной номинации в современном немецком и русском языках для расширения базы знаний о структурно и культурно обусловленных различиях и сходствах между этими языками, что является принципиально важным для осуществления лингвистически и политически корректного перевода. Целью представленной работы является выявление закономерностей в выборе переводчиками стратегии гендерной номинации при переводе текстов различной направленности. К задачам исследования относится рассмотрение и анализ различных переводческих решений при переводе гендерно-маркированной лексики, а также ее ближайшего окружения. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач в работе применялась комплексная методика анализа материала, включающая различные методы лингвистического

исследования, такие как метод сплошной выборки для сбора и анализа эмпирического материала, метод индукции, элементы дискурс-анализа, методы дескриптивного, интерпретационного и контекстуального анализа, а также метод теоретического анализа научных публикаций с целью выявления разработанности проблемы на современном этапе. Материалом исследования выступают тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка, далее – НКРЯ (ruscorpora.ru), а именно в параллельном русско-немецком подкорпусе. Общий объем корпуса в 2024 году составляет более шести миллионов текстов, параллельный русско-немецкий корпус содержит 294 текста. Объектом исследования были выбраны антропономинии в женском грамматическом роде, семантически представляющие лиц женского пола, как наиболее яркие примеры гендерно-маркированной лексики, где под «гендерной маркированностью» понимается возможность по каким-либо признакам идентифицировать языковую единицу и соотнести ее с одним из полов [Нефедова, Зубенко, 2023]. Далее данные антропономинии представлены термином «феминитивы». Предметом исследования являются переводческие трансформации, сохраняющие маркированность или придающие нейтральность средствам гендерного выражения в номинациях лиц женского пола при переводе текстов. Для анализа была проведена работа по поиску феминитивов в художественных и публицистических текстах различной направленности на двух представленных языках. Отбор исследуемых лексических единиц – феминитивов – производился в формате сплошной выборки. Семантически большая часть отобранных слов представлена обозначениями профессий и другими номинациями лиц по роду деятельности. Также в представленный анализ были включены обозначения социального статуса, родства, национальной и этнической принадлежности. Однако из рассмотрения были исключены заведомо уничижительные слова и выражения. Временной диапазон поиска ограничен не был, рассматривались все случаи употребления выбранных феминитивов, представленные в основном и газетном корпусах на русском языке, а также в параллельных текстах НКРЯ на русском и немецком языках. Также во внимание принималась представленность в корпусе текстов со случаями употребления парных понятий мужского рода – маскулятивов. Всего было рассмотрено более 2,5 тысячи текстов из основного, газетного и параллельного корпусов.

С лингвистической точки зрения, для изучения антропообозначений релевантной является триада взаимозависимых и взаимодополняемых понятий «грамматический род», «гендер» и «пол» [Миннигалева, Кинзягулова, Хисматуллина, 2023]. Принято считать, что русский язык имеет три грамматических рода: мужской, женский и средний. Также

выделяются общий род и обоюдный род, которые семантически и синтаксически применимы к референтам любого пола [Попкова, 2007]. Однако обычно антропономинии представлены именно мужским родом, а парные наименования женского рода зачастую не предусмотрены [Поляруш, Калиущенко, 2017]. В связи с этим женский род имеет недостаточную представленность во многих языках, в том числе русском и немецком. Данное явление получило название языковой гендерной асимметрии. Гендерная асимметрия является особенностью отражения в естественном человеческом языке лиц женского и мужского пола, и, по мнению А. В. Кириллиной, не является преднамеренной [Гендер и язык, 2005]. Противоположной точки зрения придерживается феминистская критика языка, которая видит в гендерной асимметрии не только отражение, но и намеренное закрепление гендерного неравенства.

Основным понятием при изучении репрезентации пола в языке является уже упомянутый нами термин «гендер». Под гендером в лингвистике понимается и категория грамматического рода, и некоторая совокупность социальных и культурных норм, которые обществом предписывается выполнять людям в зависимости от их биологического пола, и этих норм отражение в естественном человеческом языке [Гендер и язык, 2005]. Пол «социально конструируется» через язык (англ. *doing gender*). Гендер можно охарактеризовать как проявляющийся в системе языка конвенциональный идеологический конструкт [Аскярова, Белова, 2021]. Следовательно, предпочтительность различных способов гендерного выражения в том или ином языке зависит как от лингвистических факторов, так и от языковой и социальной политики государства, на территории которого на этом языке говорят. В данном исследовании нами была выдвинута гипотеза, что благодаря немецкой универсальной словообразовательной модели на *-in* и *-frau*, феминитивы, встречающиеся в текстах на русском языке, будут без затруднений трансформированы в феминитивы на немецком языке. Это отражало бы также требования к гендерно-корректной номинации лица, предпочтительной в немецком обществе на протяжении длительного периода [Бандурка, Ягупова, 2017]. Также мы предполагали, что антропономинии женского рода из немецкоязычных текстов будут переведены с использованием мужского рода как общего, что предпочтительно в современном русскоязычном социуме [Поляруш, Калиущенко, 2017]. Однако данные предположения не нашли подтверждения на материале исследуемых текстов. Кроме того, нами была выявлена неоднозначность и множественность переводческих стратегий в сфере гендерной номинации.

Как отмечают А. В. Алферов и Е. Ю. Кустова, «окончательный выбор той или иной интерпретативной гипотезы – переводческое решение – зависит от релевантности «финальной интерпретанты» в семиотической системе переводного текста». В своих исследованиях данные авторы приходят к выводу, что «категория интуитивной убежденности (релевантности) становится единственным основанием для принятия решения в случае языковой трансгрессии – языковой игры или окказиональной номинации в тексте оригинала» [Алферов, Кустова, 2021]. Данные положения релевантны для нашего исследования. Гендерный аспект вызывает дополнительные затруднения в практике перевода в связи с расхождениями в представлениях представителей разных этносоциумов о допустимости указания на феминный или маскулинный гендер референта и некодофицированностью некоторых лексем. Так, например, при написании объявлений и в официальных обращениях в современном немецком языке следует указывать парные формы: сначала женскую, затем мужскую. Женские «варианты» наименования лица появляются во всех сферах деятельности, где ранее применительно к обоим полам использовался мужской род [Бандурка, Ягупова, 2017]. В то же время в русском языке наблюдается проблематика отсутствия употребления феминитивов или их употребление с негативной коннотацией [Федотова, Кулик, 2016]. Как отмечают некоторые исследователи, например, современный немецкий лингвист Э. Майнеке, биологический пол описываемого лица и используемый при этом грамматический род не обязаны совпадать, так как в номинацию включается также выражаемая имплицитно категория «семантического рода» [Meineke, 2023]. Например, в немецком *das Mannequin* 'манекенщица' функцию женского эквивалента выполняет средний род [Калиущенко, Поляруш, 2018]. Совпадение рода существительного с естественным полом референта скорее представляет исключение, чем правило, и является случаем семантизированного распределения грамматической категории рода [Попкова, 2007]. При этом за переводчиком остается выбор, какая стратегия гендерной номинации оптимальна в определенном типе текста на соответствующем этапе развития общества и одновременно не противоречит букве оригинала. Этот выбор не может быть произвольным в том числе потому, что гендерная репрезентация оказывает влияние на достижение целей дискурса [Аленикова, Шавкун, 2023].

В немецком языке, в котором широко употребляются феминитивы, один из способов соблюдения гендерного равенства в языке – использование так называемых двойных или парных наименований (нем. Paarform, Doppelnennungen, Doppelbenennungen), где первым в паре указывается существительное женского рода – *Studentinnen und Studenten*

‘студентки и студенты’. Необходимость включения в обращения существительных женского рода закреплена на официальном уровне [Бандурка, Ягупова, 2017]. Подобные конструкции могут быть раскритикованы из-за их громоздкости, как затрудняющие речь, однако не нарушают никаких правил немецкого языка и потому прочно вошли в употребление уже с начала текущего века. Соблюдаемое в том числе с помощью парных номинаций указание на пол референтов мы предлагаем рассматривать как стремление к гендерной корректности. В русском языке гендерная корректность не является обязательной. Более того, согласование на синтаксическом уровне осуществляется чаще по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по биологическому полу референта [Федотова, Кулик, 2016].

В противовес немецкому, не наблюдается в русском языке и тенденция к гендерной нейтральности, предполагающая избегание указания на пол человека, но и не предполагающая возвращение к мужскому роду в качестве общего. В связи с данной тенденцией в немецком языке становятся все популярнее субстантивации и отглагольные перефразирования, в том числе и неcodифицированные, что также закрепляется законодательно [Белова, Лебеденко, Шавкун, 2024]. Следует отметить, что зачастую отглагольные части речи не в полной мере передают семантику заменяемых существительных [Glück, 2020].

Современный русский и немецкий языки представлены неравнозначными системами репрезентации гендера. Не всегда словообразовательных возможностей достаточно для образования эквивалентных единиц в двух языках. По этой причине возникают объективные трудности при переводе.

В теории, наименьшие трудности могут быть вызваны переводом с русского языка на немецкий. Благодаря универсальным суффиксам женского рода, на немецкий язык можно относительно легко перевести любой, даже неcodифицированный, русскоязычный феминитив. В этом случае перед переводчиком стоит задача подобрать верную семантику и применить продуктивные для языка перевода словообразовательные модели. Однако в условиях современных тенденций гендерной нейтральности возникает вопрос, действительно ли нужно переводить феминитивы в том же качестве или их стоит заменять гендерно-нейтральными эквивалентами [Миннигалеева, Кинзягулова, Хисматуллина, 2023]. Так, нами было выявлено, что переводчикам публицистических текстов свойственно стремление «сгладить» гендерную асимметрию через гендерно-нейтральные субстантивированные номинации. Например, ‘студентки’ при переводе журнальной статьи с русского на

немецкий становятся *Studierende* 'учащиеся'. В то же время художественным текстам свойственно гендерное симметрирование через репрезентацию женского рода и употребление феминитивов, так как пол действующих лиц имеет непосредственное значение для сюжета. Однако и это правило не всегда соблюдается. Переводчиком может быть сделано решение опустить указание на род деятельности вообще или заменить его на более частотную номинацию или имя собственное. Данный прием используется как в современных произведениях, так и в примерах из классической литературы.

Например, в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» встречается феминитив 'разливательница'. Это авторский окказионализм, слова 'разливатель' в словарях не зафиксировано. Однако, образованное по продуктивной для русского языка словообразовательной модели в рамках языковой системы, оно понятно русскоговорящему, в том числе в форме женского рода. Несмотря на возможность образования в немецком языке отглагольных существительных со значением «исполнитель действия» с помощью суффикса *-er* и феминитивов от них с помощью суффикса *-in*, переводчиком не было произведено калькирование окказионального слова. Не был также произведен подбор отглагольного синонима. Вместо этого слово 'разливательница' было заменено на доступное в данном контексте наименование через указание на родственные связи персонажей (*ihre Schwester* 'её сестра').

Другой интересный пример мы находим в переводе произведения Ф. М. Достоевского «Идиот»: *Die älteste war musikalisch, die mittlere eine begabte Malerin* 'Старшая была музыкантша, средняя была замечательный живописец'. Вместо феминитива 'музыкантша' был использован описательный перевод, род деятельности был заменен на характеристику *musikalisch*. В то же время, сам Достоевский употребил в отношении женщины понятие 'живописец', хотя в то время уже существовало слово 'художница', чтобы подчеркнуть талант женщины через использование по отношению к ней «статусного» мужского рода. При этом переводчик совершает указание на пол описываемого лица и выбирает феминитив *Malerin* 'художница'.

Безусловно, примеры перевода классической литературы не могут в полной степени репрезентовать исследуемую проблематику, так как данные тексты нельзя назвать современными. Данные примеры призваны показать, что феминитивы не являются языковым «нововведением», как и использование мужского рода по отношению к женщине не является тенденцией последних лет.

Таким образом, при переводе с русского языка на немецкий переводчики прибегают к различным стратегиям, и развитая гендерная система немецкого языка открывает

широкий простор для двусторонней замены маскулятивов и феминитивов, а также располагает возможностью гендерно-нейтральной номинации.

Далее нами были рассмотрены примеры перевода с немецкого языка на русский. Было выявлено, что для текстов публицистического стиля характерно использование мужского рода в качестве общего. Например, слово женского рода *Kanzlerin* в параллельном корпусе НКРЯ представлено в переводе исключительно как 'канцлер'. Ни одним из переводчиков не был употреблен феминитив. Объяснение этому мы находим в том, что феминитив к данному слову в словарях не закреплён. Кроме того, в корпусе не зафиксировано употребление формы 'канцлерша'. Отсутствуют также возможные феминитивы, образованные с использованием других словообразовательных моделей. При этом невозможно сослаться на непредставленность женщин в данной профессии. В основном корпусе 'канцлер' встречается 3366 раз, в параллельном – 41 раз, из них большая часть примеров посвящены Ангеле Меркель.

Гендерная асимметрия наблюдается и в прочих номинациях, например, лицо женского пола, Анна Ахматова, во многих текстах традиционно включена в перечисление «поэтов», а не «поэтесс». Можно предположить, что причина этому в том, что Ахматова сама предпочитала называть свою деятельность в мужском роде.

В связи с продуктивностью словообразовательной модели женского рода можно предположить, что немецкому языку свойственно большее по частотности употребление феминитивов, чем русскому языку. Тем не менее, исследование переводов слова *Studentin* данную гипотезу не подтверждает. Так, в параллельном корпусе номинация *Studentin* встречается 43 раза, однако нами не было найдено ни одного примера перевода данного слова как 'студент'. Более того, в русскоязычном варианте может появляться сопровождающее слово. Например, *Studentin der Medizin* переводится как 'студентка-медичка' и 'медичка', *Studentin der Architektur* 'юная архитекторша', *kettenrauchende Studentin* 'заядлая курильщица-студентка', несмотря на непопулярность данных феминитивов. В связи с этим количество феминитивов в параллельных текстах на русском языке в некоторых случаях превышает их количество на немецком.

Таким образом, исследования на материале НКРЯ не позволяют сделать выводов о превалировании мужского рода как общего над женским в русском языке. На материале параллельного русско-немецкого подкорпуса наблюдается достаточная репрезентация женского рода по отношению к референтам-женщинам в русском языке. Более того, в отдельных случаях представленность гендерно-маркированных женских номинаций в

русском языке превышает число тех же единиц в немецком языке, что частично может объясняться стремлением немецкоговорящего сообщества к гендерной нейтральности в языке. Мы можем говорить о стилистических особенностях гендерного выражения в тексте, однако строгие требования к определенному способу номинации отсутствуют как в немецком, так и в русском языке. Кроме того, на выбор лексических единиц влияют предпочтения автора текста и переводчика, а также исторический контекст. На основании исследования мы делаем вывод, что официальная языковая политика и реальное функционирование языка не согласуются. Особенно отчетливо это прослеживается на материале русского языка. Перспективы для будущего изучения проблематики представляются в дальнейших количественных исследованиях более крупных массивов текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аленикова О. А., Шавкун Н. С. Гендерная корректность в педагогическом дискурсе современной Германии // Система непрерывного филологического образования: школа – колледж – вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования. Уфа, 2023. С. 70-73.
2. Алферов А. В., Кустова Е. Ю. Языковая трансгрессия в переводе: произвол или осознанная необходимость // Антропологический поворот: теории и практики. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2021. Ч. 2. С. 76-92.
3. Аскярова Е. С., Белова В. Ф. Принципы гендерной категоризации на примере немецкой и русской литературы XVII и XX веков // Язык и культура как национальное достояние в поликультурной среде. Владикавказ, 2021. С. 22-30.
4. Бандурка Е. В., Ягупова Л. Н. Подходы к изучению гендерно-нейтральных номинаций лица в современном немецком языке // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса. Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. Т. 4. С. 144-145.
5. Белова, В. Ф., Лебеденко Г. А., Шавкун Н. С. Языковое выражение гендерного статуса в немецком языке: за и против // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2024. Т. 17. № 1. С. 248-255.
6. Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. Москва: Языки славянской культуры, 2005. 624 с.
7. Калиущенко В. Д., Поляруш Е. В. Семантика наименований лиц по профессии в немецком, английском и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*, 2018. Т. 14. Вып. 1 (39). С. 48-56.
8. Миннигалева А. А., Кинзягулова Л. Р., Хисматуллина Л. Р. Словообразовательные модели антропообозначений по гендерному признаку в немецком языке // Столыпинский вестник, 2023. № 8. С. 4318-4339.
9. Нефедова Л. А., Зубенко Я. В. Наименование лиц женского пола в различных областях деятельности: гендерное маркирование // Образование магистров: проблемы и перспективы развития. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 166-173.
10. Поляруш Е. В., Калиущенко В. Д. Наименования лиц мужского и женского пола по профессии в английском, немецком, русском и украинском языках // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного

развития Донбасса. Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. Т. 4. С. 73-76.

11. Попкова Е. М. К вопросу о понятии грамматического рода // Современные гуманитарные исследования. 2007. № 3 (16). С. 116-122.

12. Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 7-2 (28). С. 67-69.

13. Glück H. Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker. Paderborn: IFB Deutsche Sprache, 2020. 60 S.

14. Meineke E. Studien zum genderneutralen Maskulinum. Heidelberg: Winter, 2023. 358 S.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Национальный корпус русского языка. 2003-2024. Режим доступа: ruscorpora.ru. (дата обращения: 17.09.2024).

REFERENCES

1. Alenikova, O. A., Shavkun, N. S. (2023). Gendernaya korrektnost v pedagogicheskom diskurse sovremennoy Germanii [Gender correctness in the pedagogical discourse of modern Germany]. In *Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola – kolledzh – vuz. Sovremennye podkhody k prepodavaniiyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingvalnogo obrazovaniya*. Ufa. Pp. 70-73. (In Russ.).

2. Alferov, A. V., Kustova E. Yu. (2021). Yazykovaya transgressiya v perevode: proizvol ili osoznannaya neobkhodimost [Language transgression in translation: arbitrariness or perceived necessity]. In *Antropologicheskii povorot: teorii i praktiki*. Orel. Ch. 2. Pp. 76-92. (In Russ.).

3. Askarova, E. S., Belova, V. F. (2021). Printsipy gendernoy kategorizatsii na primere nemetskoy i russkoy literatury XVII i XX vekov [Principles of gender categorization on the example of German and Russian literature of the XVII and XX centuries]. In *Yazyk i kultura kak natsionalnoe dostoyanie v polikulturnoy srede*. Vladikavkaz. Pp. 22-30. (In Russ.).

4. Bandurka, E. V., Yagupova, L. N. (2017). Podkhody k izucheniyu gendernейtralnykh nominatsiy litsa v sovremennom nemetskom yazyke [Approaches to the study of gender-neutral nominations of person in modern German]. In *Donetskie chteniya 2017: Russkii mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kulturnogo razvitiya Donbassa*. Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsionalnogo universiteta. Vol. 4. Pp. 144-145. (In Russ.).

5. Belova, V. F., Lebedenko, G. A., Shavkun, N. S. (2024). Yazykovoe vyrazhenie gendernogo statusa v nemetskom yazyke: za i protiv [Linguistic expression of gender status in German: pros and cons]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Vol. 17. No 1. Pp. 248-255. (In Russ.).

6. *Gender i yazyk* [Gender and language]. Moskovskiy gos. lingvisticheskiy un-t; Laboratoriya gendernykh issledovaniy. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. 2005. (In Russ.).

7. Kaliušchenko, V. D., Polyarush, E. V. (2018). Semantika naimenovaniy lits po professii v nemetskom, angliyskom i russkom yazykakh [Semantics of nomination of persons by profession in German, English and Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Vol. 14. Iss. 1 (39). Pp. 48-56. (In Russ.).

8. Minnigaleeva, A. A., Kinzyagulova, L. R., Khismatullina, L. R. (2023). Slovoobrazovatelnye modeli antropooboznachenii po gendernomu priznaku v nemetskom yazyke [Word-formation models of anthropological meanings based on gender in the German language]. In *Stolypinskii vestnik*. No 8. Pp. 4318-4339. (In Russ.).

9. Nefedova, L. A., Zubenko, Ya. V. (2023). Naimenovanie lits zhenskogo pola v razlichnykh oblastyakh deyatel'nosti: gendernoe markirovanie [Nomination of female persons in

various fields of activity: gender labeling]. In *Obrazovanie magistrov: problemy i perspektivy razvitiya*. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet. Pp. 166-173. (In Russ.).

10. Polyarush, E. V., Kaliušchenko, V. D. (2017). Naimenovaniya lits muzhskogo i zhenskogo pola po professii v angliyskom, nemetskom, russkom i ukrainskom yazykakh [Nomination of male and female persons by profession in English, German, Russian and Ukrainian]. In *Donetskie chteniya 2017: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kulturnogo razvitiya Donbassa*. Donetsk: Izdatelstvo Donetskogo natsionalnogo universiteta. Vol. 4. Pp. 73-76. (In Russ.).

11. Popkova, E. M. (2007). K voprosu o ponyatii grammaticheskogo roda [On the issue of the concept of grammatical gender]. In *Sovremennye gumanitarnye issledovaniya*. No 3(16). Pp. 116-122. (In Russ.).

12. Fedotova, T. V., Kulik, I. V. (2016). Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh [Paradigmatics and pragmatics of feminatives in Russian and English]. In *Evrasiyskiy Soyuz Uchenykh*. No 7-2 (28). Pp. 67-69. (In Russ.).

13. Glück, H. (2023). *Das Partizip I im Deutschen und seine Karriere als Sexusmarker*. Paderborn: IFB Deutsche Sprache.

14. Meineke, E. (2023). *Studien zum genderneutralen Maskulinum*. Heidelberg: Winter.

LEXICOGRAPHIC SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed: 17.09.2024). (In Russ.).

Аленикова Ольга Алексеевна – преподаватель кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: Maolianna@yandex.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357502, Пятигорск, Кирова, 63

Alenikova Olga A. – Lecturer of Germanistics and Intercultural Communication Department (e-mail: Maolianna@yandex.ru)
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
63, Kirova, Pyatigorsk, 357502

Лебеде́нко Галина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации (e-mail: lebedenko@pgu.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет»
357502, Пятигорск, Кирова, 63

Lebedenko Galina A. – Candidate of Philology, Associate Professor of Germanistics and Intercultural Communication Department (e-mail: lebedenko@pgu.ru),
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Pyatigorsk State University»
63, Kirova, Pyatigorsk, 357502

Поступила в редакцию 24 декабря 2024 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные статьи по сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, германским, романским языкам и переводоведению.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, английский, немецкий и французский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc или .docx.

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), междустрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Donetsk State University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *soeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (*Allgemeinsprache*), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (*regulärer Austausch*)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с. Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p. Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с. Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Москва: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.
<i>Статья из сборника</i>	Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. Санкт-Петербург, 2010. С. 40-46. Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428. Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
<i>Журнальная статья</i>	Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22. Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161. Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. P. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014). Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s refleksivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflective complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.). Kaliušchenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419). Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5. Bessonova, O. L. (2013). Protседury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).
Отдельный том многотомного издания	Chernykh, P. Ya. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.). Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]: v 2-kh t. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).
Статья из сборника	Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.). Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. Sankt-Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.). Iagupova, L. (2013). Idiomatisierte Präfixsubstantive mit ge- im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).
Журнальная статья	Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i>

	<i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova</i>. No 28. Pp. 11-22. (In Russ.). Petrenko, A. D. (2014). Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta</i>. No 4. Pp. 150-161. (In Russ.). Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal</i>. Vol. 91. Pp. 169-188.
<i>Интернет-ресурсы</i>	Molchanova, G. G. (2015). Kommunikativno-funktsionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya</i>. No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.). Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix</i>. January 2011. Vol. 11. No 1. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).
<i>Материал на CD или DVD</i>	Henry, O. (2003) Cabbages and Kings. In <i>English and American Literature / CD-ROM</i>. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin.

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 21 Выпуск 2 (68) 2025

Язык издания: русский, английский, немецкий и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте
ФГБОУ ВО «ДонГУ» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Формат 60×84/8.

Усл.-печ. л. 20,48.

Донецкий государственный университет
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.